

уральский

следопыт

№8****1982

ПРИГЛАШАЕТ ГОРА

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ™

В руках — долгожданный документ. Совет Министров РСФСР принял предложение Академии наук и постоянной Междуведомственной комиссии по географическим названиям о наименовании безымянной горной вершины, расположенной между верховьями рек Правый Вангыр и Правый Парнук, в Исследовательском кряже Приполярного Урала, горой «Уральский следопыт».

Читайте стр. 16.

Оформление С. Малышеви

В номере:

С. Мешавкин ТРОПОЙ ГЕОКОСМОСА	3
Л. Сурин ПЕРВЫЕ ГЕРОИ ТРУДА — КТО ОНИ!	13
С. Капутикян, А. Маркарян, Г. Эмин, М. Акопян, А. Парсамян, М. Тарян, О. Шираз СТИХИ	14
В. Карелин, Ю. Борисихин ПРИГЛАШАЕТ ГОРА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»	16
Р. Лынев ЖУРАВЛЬ И СИНИЦА	18
С. Гаврин ЛЕНИНГРАДСКИЕ СЛЕДОПЫТЫ НА УРАЛЕ	21
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	22
Л. Глазунова ВЕРНУТЬ ЧЕЛОВЕКА	24
О. Капорейко ЭТА УДИВИТЕЛЬНАЯ ОХОТА	29
Л. Голубев УДИТ... УЖ	32
В. Краснов МЕЖДУ УДАРАМИ СЕРДЦА	33
В. Березин ОБЕЛИСК НА ПЕРЕВАЛЕ	35
В. Афонин ЗИМНИЙ ПУТЬ. Повесть. Начало	36
С. Петрова ШКОЛА ЖИЗНИ	51
А. Больных БРАКОНЬЕРЫ	53
А. Морсков ПОМОЩЬ	55
А. Чуманов СЕМЕН	56
А. Стругацкий, Б. Стругацкий «ЧТЕНИЕ — НАШЕ ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ»	58
Ж. Сименон РОЖДЕСТВО В ДОМЕ МЕГРЭ. Повесть. Начало.	60
Ю. Липатников КАК ПОРОХ СТАЛ ОРУЖИЕМ	63
Г. Лясинов О ЧЕМ МОЛЧИТ КОЛОКОЛ	69
М. Столин КНИГИ МАЛЕНЬКИЕ И БОЛЬШИЕ	74
Р. Литвинов КЕКСТОЛЬМЦЫ НА ВОРОНЕЖСКОЙ ЗЕМЛЕ.	75
В. Шемелин ВСТРЕЧА НА АЗОВ-ГОРЕ	76
МИР НА ЛАДОНИ	77

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
(ответственный секретарь)

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны: 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 29.04.82.
НС 11405.
Подписано к печати 22.06.82.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,8
Тираж 255 000.
Заказ 417.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — ри-
сунком З. БАЖЕНОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1982 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

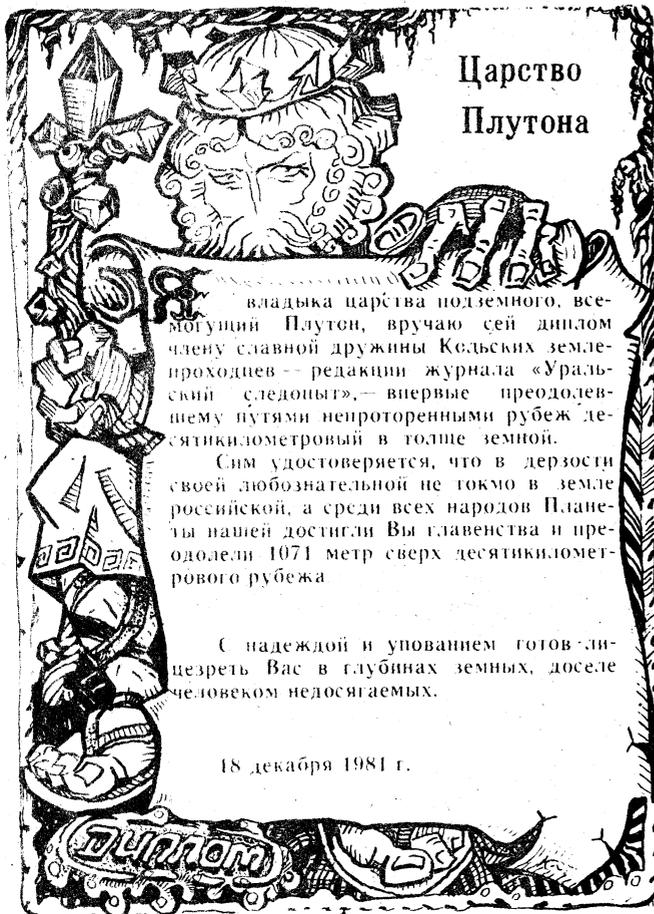
ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№8 * 1982

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

Царство Плутона

Владыка царства подземного, всемогущий Плутон, вручаю сей диплом члену славной дружины Космических землепроходцев — редакции журнала «Уральский следопыт» — впервые преодолевшему путями непроторенными рубеж десятикилометровый в толще земной.

Сим удостоверяется, что в дерзости своей любознательной не только в земле российской, а среди всех народов Планеты нашей достигли Вы главенства и преодолели 1071 метр сверх десятикилометрового рубежа

С надеждой и упованием готов лицезреть Вас в глубинах земных, доселе человеком недостижимых.

18 декабря 1981 г.

ТРОПОЙ

Станислав
МЕШАВКИН

Вторая половина XX века характерна настойчивым проникновением человека в тайны космоса и геокосмоса.

Старт Юрия Гагарина открыл эру блистательных космических завоеваний: высадка лунохода и человека на Луну, орбитальные спутники связи, анализ грунта, взятого с загадочной Венеры...

Как это ни парадоксально, куда скромнее выглядят достижения человеческого разума в постижении тайн родного дома — планеты Земля.

Но и здесь за последние десятилетия произошли разительные перемены. Родились оригинальные смелые гипотезы, мощное развитие получила геофизика, впервые за всю историю цивилизации человек проник буром на немыслимую ранее глубину — 11 тысяч метров...

Девушка

в голубой косыночке

Это лирическое название родилось в Звездном городке. Летчик-космонавт Вячеслав Дмитриевич Зудов, будучи гостем кольских разведчиков земных глубин, назвал их коллегами по профессии. «Мы изучаем далекий Космос, — сказал он, — а вы родную планету, которую мы, космонавты, зовем «девушкой в голубой косыночке».

Если бы во Вселенной существовал отдел кадров, то от «девушки в косыночке» наверняка — порядок есть порядок — запросили бы анкетные данные. Они были бы, примерно, такими:

Ф. И. О. Планета Земля.

Возраст. 4,5 миллиарда лет.

Происхождение. Туманное (из пыли и газа).

Рост (глубина). 6345 километров...

Прелюбопытная получилась бы книга-справочник, описывающая мифы, воззрения, гипотезы и теории о происхождении и строении земли, начиная от пещерных времен и до сегодняшнего летосчисления. Древние греки, к примеру, по-

ГЕОКОСМОС

Одиннадцать километров в глубь земли

лагавшие, что ничто в этом мире не обходится без божественного вмешательства, на вершину Олимпа поместили владыку владык, громовержца Зевса, в океанские пучины послали на правах хозяина Посейдона с его знаменитым трезубцем, в леса — томно играющего на свирели Пана.

Все боги были как боги: умели гневаться, когда требовала того суровая обстановка, в часы отдыха не гнушались веселой шуткой, случилось — пиры устраивали. И только один из них, хозяин подземного царства Аид (Плутон), даже на дружеских пикниках вселял в окружающих печаль и уныние. Ледяным холодом смерти, таинственностью, мистическим ужасом веяло от него.

Земля для древних была пропитана, напоена тайной. Временами она непонятно от чего содрогалась в конвульсиях, круша монолитные горные пики; извергала пламя, сжигающее все живое на своем пути; легко, словно орешки, швыряла откуда-то из глубины многотонные глыбы. Какая исполинская сила стояла за всем этим? Мифы о богах давали землянам хоть какую-то отгадку.

Плоская земля или круглая, какие силы удерживают ее в пространстве (вспомним могучих атлантов), вращается ли солнце вокруг земли или наоборот — тысяча и один вопрос вставал перед пытливым умом человека. На утлых суденышках, не зная ни пара, ни электричества, первопроходцы устремлялись на край земли, чтобы выяснить, есть, действительно, этот край или нет, делали отчаянные попытки заглянуть в чрево земли. Одним из первых исследователей, попытавшихся дать материалистическую теорию строения земли, был древнегреческий философ Эмпедокл, живший около двух с половиной тысяч лет назад. Он попытался проникнуть в недра земные через кратер вулкана.

Шли века, а таинственная «девушка» никак не хотела пролить свет на свое происхождение. Особенно горячими были споры о том, что скрывается за внешней оболочкой — была ли земля раскаленной изначально, с первого дня своего рождения, или разогрелась позднее. Одни считали, что внутри бушует огненный океан, другие представляли ее ядро твердым с огромными пустотами, третьи утверждали наличие внутри гигантского моря.

В середине девятнадцатого века в спор ученых активно вмешался знаменитый писатель-фантаст Жюль Верн. Любопытно, что он не поддержал господствующую тогда теорию об огненно-жидком ядре земного шара, категорически отверг ее устами героя романа импульсивного профессора Отта Лиденброка.

Споры не утихают и по сей день. Наука о земле далеко шагнула вперед, но, видимо, долго еще будут дискуссионными многие ее страницы. Наиболее общепринятой в наши дни считается космогоническая теория академика О. Ю. Шмидта, объясняющая разогрев земного шара процессами радиоактивного распада. Наиболее спорной — эпицентром современных дискуссий стала гипотеза тектоники, горизонтального перемещения материковых плит. «Мобилисты» утверждают, что континенты (точнее, литосферные плиты) никогда не были и по сей день не являются стабильными, они, по аналогии с айсбергами, дрейфуют. Иногда две плиты сталкиваются, совсем как в море корабли. Именно в результате такой гигантской сшибки появились в очень далеком прошлом наши Уральские горы. Сторонники тектоники плит смело прогнозируют будущее, предполагая, что через пятьдесят миллионов лет Австралия уплывет на север, Калифорния оторвется от материка и возьмет курс на северо-запад.

Теории, гипотезы... Может показаться, что все эти дискуссии удалены от повседневных нужд человечества, касаются они исключительно ученых, а рядовым жителям планеты, как говорится, от этого ни жарко ни холодно. Одной теорией больше, одной меньше... Всегда были и, увы, всегда будут обыватели, которые ограничивают видение мира четырьмя стенами своего домика, историю общества умещают в хронологические рамки собственного существования, не желая даже полюбопытствовать, на чем покоится фундамент дома, в котором они живут. А ведь, собственно, планета наша, в конечном счете, не что иное, как маленький уютный особняк на необозримой взгляду улице Вселенной. И кому же, как не нам, хозяевам, знать все о собственном доме? А если учесть к тому же, что Земля и Вселенная — звенья одной цепи, то складывается парадоксальная лишь на первый

взгляд ситуация: чем выше мы поднимаемся в заоблачные выси, тем лучше познаем родную планету (прав поэт: «Большое видится на расстоянии»); чем глубже зарываемся в землю, тем масштабнее расширяем представления о Вселенной.

Но не существует в природе волшебного ключика, который бы отомкнул двери, ведущие в подвалы планеты. Даже если вообразить, что такой ход существует, путника испепелила бы жара (сотни градусов), к тому же чудовищное давление (сотни тысяч атмосфер)... Не имея прямого доступа к глубинным недрам, человек стал исследовать их косвенным путем.

Геофизики, к примеру, используют сейсмические волны, образуемые при землетрясениях, обвалах, искусственных взрывах. Упругие волны, пронизывая земной шар, меняют скорость в зависимости от плотности среды, и на основе этой зависимости создается глубинный портрет Земли.

— Можно уподобить землетрясение фонарю,— писал выдающийся русский геофизик Б. Б. Голицын,— который зажигается на короткое время и освещает нам внутренность Земли, помогая рассмотреть, что там происходит.

Землю просвечивают радиоволнами, применяют изотопный и электрохимический методы, фотографируют с космических высот. И все-таки какой бы исключительно ценной ни была информация, она не может заменить данных, полученных непосредственно из чрева Земли. Именно поэтому к Кольской сверхглубокой приковано сейчас внимание ученых всего мира.

Почему именно Кольская, почему избрано суровое Заполярье? Придется прибегнуть к популярному сравнению, кочующему из одной публикации в другую, сравнению простому и действительному весьма наглядному. Земля — яйцо, где скорлупа — земная кора, белок — мантия, а желток — ядро. Кора, в свою очередь, подобна слоеному пирогу. Сверху находится осадочный «плащ» толщиной от трех до десяти, редко до пятнадцати километров, затем — гранитный слой, 35—40 километров и, наконец, базальтовый — до 30 километров. Есть на планете, однако, места, и к ним относится Балтийский щит, где осадочный «плащ» сорван ледниками и древние горные образования гранитного слоя обнажаются на земной поверхности. Геологи получили, таким образом, счастливую возможность «сэкономить» десять километров и, минуя осадочные породы, сразу войти буром в гранитный слой.

Вернемся на минуту к роману Жюль Верна «Путешествие к центру Земли». Герои его начали спуск в Исландии. Кольскую скважину от Норвегии отделяют считанные километры, словом, как легко догадаться, географические точки практически совпадают. Совпадение случайное, но любопытное. Рискнем пойти дальше... Огненная лава вынесла профессора и его спутников в

Италию. Вторая советская сверхглубокая скважина расположена близ азербайджанского города Саатлы. Италия и Азербайджан приблизительно на одной географической широте. Право, жаль, что современные фантасты путешествуют исключительно по космосу — жизнь представляет им увлекательную возможность повторить, точнее, совершить новое, уже на уровне современных научных познаний, путешествие к центру Земли.

Обычно Жюль Верн обстоятельно разрабатывал в романах не только смелые научные концепции своего времени, но и обосновывал техническое решение проблемы, вспомним хотя бы «Наутилус». На сей раз он с завидной легкостью обошел препятствия и отправил своих героев в чрево Земли через природный лаз — кратер. Фантаста можно понять. Действительность — давая тогда слишком мало иных отправных точек.

Сегодня на календаре завершающая четверть двадцатого века. Да и сейчас, когда наука и техника получили колоссальное ускорение, у человечества нет прямого доступа к ядру планеты. Но теперь в распоряжении исследователя есть могучие установки, позволяющие уже не на сотни метров, как раньше, а на 10—15 километров проникнуть в земные глубины. Это одно из крупнейших достижений современной цивилизации. Техника эта создается в конструкторских бюро прославленного Уралмаша. И так, прежде чем «спуститься» на одиннадцатикилометровую глубину, в загадочный докембрий, надо побывать на Уралмаше.

Монолог конструктора¹

— Что такое конструктор? Давайте представим его в образе... портного. Всякое сравнение хромает, изрядно хромает и мое, но все-таки возьмем его для наглядности на вооружение. Портной, как известно, зависит от заказчика, который желает сшить себе костюм определенного покроя, цвета и т. д. Конструктор имеет дело не с частным лицом, а с государственной организацией, но механизм действия в принципе тот же. В нашем с вами случае заказчиками установок сверхглубинного бурения выступает Министерство геологии (Кольская) и нефтяной промышленности (Саатлинская). Они дают исходные данные, главным из которых является проектная глубина — 15000 метров.

А сейчас давайте поговорим о конструкторе

¹ В основу монолога положен рассказ руководителя группы уникальных буровых установок, главного инженера проекта «Уралмаш-15000» Георгия Васильевича Алексеевского, удостоенного званий «Почетный нефтяник», «Отличник разведки недр», «Почетный работник Минтяжмаша».

уже без аналогий, что называется, всерьез. Конструктор — создатель новых прогрессивных машин для всех отраслей промышленности, видов транспорта, творец приборов и аппаратов, которые действуют на земле, под землей и в космосе. Как видите, конструктор по природе своей профессии обязан быть борцом за новое, прогрессивное, если угодно, возмутителем спокойствия. Очень многое зависит от его знаний, опыта, эрудиции, наконец, от призвания, таланта. Применительно к нашему труду надо подчеркнуть, что бурение — интереснейший производственный процесс, развитие которого происходит на стыках многих наук, требующих применения математического аппарата, физики, механики, химии и т. д. В нем используются современные достижения науки и техники, включая электронику, автоматику, телевидение.

Итак, получен заказ на буровую. Любой дом начинается с фундамента. И сразу же встает тысяча и один вопрос. Для конструкторов далеко не безразлично, напротив, принципиально важно, где будет действовать их детище: в солнечном Баку или за Полярным кругом, какая почва будет под ногами — болотная хлябь, песчаник или гранитный монолит. Важно знать тип, назначение буровой. Скажем, вес оборудования установок сверхглубокого бурения достигает пятисот тонн.

Фундамент возводят с учетом наших рекомендаций специальные строительные организации. А все остальное — наших рук дело. Стены и крышу дома, в переводе на наш язык, вышку, проектирует самостоятельная группа, высокие специалисты именно этого профиля. Буровая с ног до головы начинена оборудованием, приборами, приспособлениями. Я просто перечислю названия бюро, и уже из этого перечисления можно уяснить масштабность и сложность конструкторской мысли. Итак, начинкой буровой занимаются следующие бюро: сварных оснований; лебедок; насосов; механизации талевых систем, автоматизации спуско-наладочного устройства; пневмоуправления; электроприводов. Ряд проектов по нашему заданию: система приготовления и очистки растворов, электронное оборудование, средства контроля и управления технологическими процессами — разрабатывают специализированные институты.

Все это говорится к тому, чтобы пояснить главную, определяющую мысль: буровая установка — сложнейшее инженерное сооружение — является плодом творчества не одного человека, а многих сотен конструкторов и рабочих.

«Уралмаш-15000» возникла не на пустом месте, к ней вели десятилетия поисков. Правомерно поэтому совершить краткий экскурс в прошлое.

Сорок пятый победный год... Страна переходила на мирные рельсы. Директивные органы поручили Уралмашу делать буровые установки. В самые сжатые сроки! Мы и сами понимали

срочность и ответственность заказа: американцы прекратили поставку по ленд-лизу буровых установок. Обессиленная войной страна нуждалась в газе и нефти, а это значит — в буровых установках. Директиву полагается выполнять. А как? На заводе не было ни одного специалиста по буровым.

Группу конструкторов и технологов послали в Баку, главную в те годы нефтедобывающую провинцию страны. Ходили, смотрели, изучали. Привезли в Свердловск мешки — именно так и было — технической документации. На несколько месяцев конструкторы, технологи и производственники с головой погрузились в ворох бумаг. Естественно, что уралмашевцы не просто копировали, они создавали принципиально новую машину. Как бы там ни было, в том же сорок пятом первые три установки ушли с Урала на нефтяные промыслы.

Уралмаш недаром слывет отцом заводов, славится уникальными машинами. Если экскаватор, так уж экскаватор с ковшом 100 кубометров, а стрелой-хоботом на все сто метров. Не вагоны, а эшелоны нужны, чтобы отгрузить прокатный или рельсо-балочный стан. Но и среди таких прославленных собратьев наша продукция не кажется бедной родственницей. Оборудованием с маркой «УЗТМ» пробурено до 80 процентов всех имеющихся в стране скважин.

Это сейчас легко оперировать внушительными цифрами, а тогда каждая установка давалась с большим напряжением. Конструктор потому и зовется конструктором, что он не копирует созданную до него модель, а постоянно улучшает, модернизирует ее. В конце концов рождается новый тип машины, лишь отдаленно напоминающий своего прародителя.

Скажем, раньше насосы и лебедка имели отдельный самостоятельный привод. Именно уралмашевским конструкторам принадлежит идея группового привода. Настрадались мы — иного слова не подберу — с шинно-пневматическими муфтами. Со всех промыслов летели на Уралмаш телеграммы — муфты «горят»! Вся загвоздка была в вертикалке — устройстве для подачи сжатого воздуха от воздухопоборника к муфте, вращающейся до тысячи оборотов в минуту. Вещь сама по себе небольшая, а поди ж ты... Впрочем, самая громадная машина обречена на бездействие, если «сгорит» малюсенький подшипник. Каких только прокладок не пробовали — вплоть до графитовых, — не помогало.

Приезжаю как-то на скважину, чтобы на месте выяснить причины коварства злополучной муфты. Она, естественно, не заставила себя долго ждать — «сгорела». Промысловики смотрят на меня, ждут решения. Буровая, забыл сказать, расположилась недалеко от леса.

— Давайте попробуем березовую втулку,— предложил я.

Попробовали. Получилось. На всех промыслах применялись вертлюжки с торцовым уплотнением в виде деревянной втулки. Сейчас мы заменили ее на текстолит, а в свое время березовая втулка удостоилась свидетельства об авторском изобретении. Назовите это озарением, назовите отчаянием от бессилия, в конце концов, не столь важно, где, когда и при каких обстоятельствах посетила идея. Важно, что посетила...

Прежде чем запустить детище в производство, чертежам устраивают «генеральные смотрины» у главного конструктора буровых установок Владимира Васильевича Рудоискателя, причем на каждый сомнительный узел автор представляет несколько решений. Ведущие специалисты отдела «простукивают» каждое уязвимое место, дотошно проверяют все расчеты. Поэтому еще раз повторяю очень важную мысль о том, что, хотя у каждого проекта есть главный инженер, подлинным автором является коллектив конструкторов. Он — гарант надежности уралмашевской продукции.

Главный заказчик конструктора — жизнь. Нет более ошибочного мнения, чем представлять нас колдующими над чертежами, кальками в кабинетной тиши, «вдали от мирской суеты». Если угодно, конструктор — один из активнейших производников партии и государства. Фактов для доказательства этого предостаточно.

Кто сейчас не знает о богатой кладовой Тюмени? Она дает стране каждый третий кубометр природного газа. Газ идет в страны социалистического содружества, поставляется капиталистическим государствам, он — весомый инструмент в политике международной разрядки. А добывается он чем? Нашими, уралмашевскими, установками. И от нас, конструкторов, и от рабочих, преуспевающих наши задумки в металл, зависит и, заметьте, очень успешное выполнение одного из программных решений XXVI съезда КПСС: «В газовой промышленности считать важнейшей задачей осуществление программы форсированного развития добычи газа... создать условия для дальнейшего ускоренного развития отрасли».

Специально для тюменских буровиков разработан серийная установка «Уралмаш-3000 ЭУК». 3000 — это проектная глубина проходки в метрах, ЭУК — электрическая уральская кустовая. Что это значит?

Север Тюмени представляет из себя сплошное болото с редкими островками твердой суши. Чтобы поставить вышку, нужно соорудить искусственное основание, затем вертолетами или тяжеловозами доставить оборудование. Поработала буровая месяц-другой, и снова надо переезжать на новое место, начинать все сначала. Архидорого, колоссальная потеря времени. Общими усилиями геологов, буровиков, конструкторов

найден оригинальное решение. Намывается среди болотной хляби островок, на него укладываются рельсы, по которым перемещается установка. Причем бурение идет не строго по вертикали, а наклонно, чтобы охватить как можно большую часть территории. Дошли до нефтеносного пласта, буровую по рельсам перемещают на новое место жительства. С одного островка закладывается порядка 16 скважин — целый куст. Представляете, какой выигрыш?

И второй пример. Сейчас во всем мире идет интенсивная разведка на газ и нефть в прибрежной зоне океанов — континентальном шельфе. Уралмаш уже несколько лет выпускает агрегаты для бурения с плавучих и стационарных платформ. На плавучих — очень важную роль играет компенсатор. Морскую качку представляете? Так вот, без этого устройства турбобур, как пассажир на палубе, будет силой волн то подниматься, то проваливаться. Какое же это бурение — одна нервотрепка! Компенсатор, само название подсказывает, и призван компенсировать качку, удержать бур в строго заданном рабочем положении независимо от буйств стихии.

Компенсатор нам поставляли американцы — опять американцы! И опять прекратили. Не знаю точно мотивы, но, думаю, сказались агрессивность заокеанской администрации. Решили, видимо, что этим нанесут удар по нашей экономике. И как всегда, просчитались. Уралмаш энергично готовится к серийному производству компенсаторов. Мы с вами были в экспериментальном цехе, видели, как говорят, своими глазами. На первых порах не все ладилось с цилиндрами, но это понятно — дело-то новое. В окончательном же результате сомнений нет. Наши рабочие и конструкторы — я не о себе сейчас говорю, моего личного участия здесь нет — создадут отечественный компенсатор на уровне мировых стандартов.

А теперь начинается рассказ непосредственно об «Уралмаше-15000». Конструктор в данном случае вы. Мой первый вопрос вам: какой длины свечу вы будете закладывать в проект? 24 или 36 метров? Не знаете? Тогда уступите место мне, я попробую порассуждать.

При полете в самолете когда вы чувствуете неприятные ощущения? Верно, при взлете. Так и в бурении ответственно начальная стадия спуска труб, когда на стенки скважин приходятся наибольшие усилия, так называемые гидравлические импульсы. Чем длиннее труба, тем меньше импульсов, сохраннее скважина. Улавливаете? Идем дальше.

Хронометраж показал, что с одной и той же глубины при 36-метровой свече на спуск и подъем колонны ушло 55,3 минуты, а при 24-метровой — 65,6. Помножьте-ка эту, казалось бы, мизерную разницу на тысячекратно повторенные операции, на годы работы...

Самое уязвимое место колонны — стыки, резьба. Совсем нетрудно догадаться, в каком варианте стыков будет больше, в каком — меньше. И наконец, рабочая площадка, где размещаются трубы. При проходке 11 километров вам потребуется в одном случае 300 труб, во втором — 450. Где выше компактность?

Мы подробно рассмотрели всего лишь один (один!) элемент буровой. А таких элементов сотни. Очень многое должен держать в уме конструктор, выбирая варианты: сравнимость с зарубежными аналогами, запас прочности материала и его наличие, механические, физико-химические свойства веществ, с которыми имеешь дело... Здесь я особо хотел бы сказать о роли цифры в творчестве конструктора. Он не имеет профессионального права судить о предмете приблизительно, на авось. Иногда к нашему труду применяют красивую фразу — «полет мысли». Так вот, крылья этой «летающей мысли» конструктора сотканы из математики, самые смелые суждения должны покоиться на основе точного расчета, экономической целесообразности.

Будущее буровых установок — за приводами постоянного или переменного, с частотным регулированием, тока. Это, без преувеличения, крупное достижение уралмашевских конструкторов. При обычном приводе совершенно необходима механическая трансмиссия — особа, я вам скажу, весьма капризная. К тому же крайне несовершенно тормозное устройство. Рабочий рукояткой управляет им, глядя на циферблат. Технологический цикл находится, таким образом, в известной зависимости от характера и настроения бурильщика. Поругался утром с женой, перенервничал — спуск идет резко, рывками, недоспал или трусоват по натуре — колонна опускается вяло, как в замедленной съемке. Наблюдения показали, что на одинаковую операцию у одного уходит сорок, у второго — шестьдесят пять секунд. Такие перепады — атавизм XX века!

На «Уралмаше-15000» применены новейшие достижения технической мысли. Все операции на буровой контролируют устройства, приборы, телекамеры. Блоки, диспетчерская, вспомогательные помещения имеют телефонную громкоговорящую связь.

Вышка Кольской скважины опоясана кольчужкой, надежной защитой от капризной погоды. Созданы если не идеальные, то, по меньшей мере, хорошие условия для работы как оборудования, так и обслуживающего персонала. В Заполярном в суровый мороз бурильщик работает в костюме, «при галстук».

А теперь посмотрим на эту фотографию. Снято в Тюмени. Пурга, лица бурильщиков трудно различить, руки примерзают к металлу. Вы, журналисты, нередко пишете в этих случаях о преодолении трудностей, о романтике Севера. Ка-

кая это к черту, простите за резкость, романтика! Да, пока мы вынуждены в силу обстоятельств мириться с этим, но, вместе с тем, давно пора уяснить, что нефть «мигрирует» на север, и это обстоятельство надо учитывать самым серьезным образом.

Какие только доводы не приводят оппоненты: лишняя трата металла, времени, средств. Все верно. Но давайте не забывать девиза партии: «Экономика должна быть экономной». Давайте с карандашом в руках подсчитаем, что мы приобретаем, что теряем. Глубоко убежден, что простой и поломки оборудования, работающего в экстремальных условиях, низкая производительность труда, оплата больничных листов перевесят любую мнимую экономию материала. Почему, наконец, сбрасывается со счета главный капитал человеческого общества — здоровье людей?

Я часто жалею, что конструкторы — не Акупяны. Обладай мы возможностями иллюзиониста, немедленно оснастили бы все буровые алмазными коронками, алюминиевые трубы заменили бы титановыми, на каждую вышку надели бы алюминиевую, а может, синтетическую «накидку».

Однако, что это все о трудностях? Наверное, потому, чтобы не считали хлеб конструктора легким, не представляли нас, меня таким вольным художником, который в порыве вдохновения небрежным движением карандаша или фломастера набрасывает контуры будущей машины. Труден, но и радостен хлеб конструктора. Когда я читаю в газетах, слышу по радио о трудовых победах нефтяников и газовиков Тюмени, я рад за своих коллег — конструкторов, рабочих Уралмаша, создающих надежные буровые установки. Буровые установки уралмашевской марки представляли отечественную технику на всемирных выставках в Монреале и Осаке. Это объективное признание высокого класса труда конструкторов и рабочих — показатель того, что наше оборудование действует на уровне лучших образцов. Есть удовлетворение от того, что мы, конструкторы, приобщены к выдающемуся в истории мировой практики эксперименту — глубинному познанию строения Земли. Поезжайте на Кольский! Морозы и полярная ночь не пугают? Тогда в добрый час!

«Гуд бай, «Берта Роджерс!»»

С землянок и вагончиков начинались многие знаменитые стройки: Уралмаш, Магнитка, Новокузнецкий металлургический. Начинаясь с вагончика и Кольская буровая. Он стоял на месте нынешней центральной площади города За-

полярного, где сейчас расположен Дворец культуры, магазин «Аккорд», гостиница «Лотос». Кстати, о названии. В суровом краю — и такое экзотическое название! В Мурманске, скажем, есть отель «69 параллель». Тоже экзотика, но вполне понятная. Начинаешь строить догадки о буйной фантазии автора, а отгадка, на удивление, проста. Первоначально гостиницу решили назвать по имени речки Лота. В самый последний момент предложение «зарубили» и — по причине малоизвестности речки, и по другим соображениям. Администрация в отчаянии: буквы уже изготовлены, светотехника подключена... И тогда кому-то в голову пришла не лишенная остроумия идея — сделать из «а» две буквы: «о» и «с». Появился «Лотос».

Так вот, в 1965 году на месте будущей гостиницы поставили дощатый, пронизываемый всеми ветрами вагончик и поселили в нем первого жильца старшего инженера Владимира Наумовича Граната.

Еще не вбили первый кол,
Еще в пути была лопата...
Но нужно было начинать,
И первым бросили Граната...

Шутливые эти строки родились много позднее. А тогда вслед за Гранатом пришел в вагончик со своей раскладушкой главный бухгалтер Николай Иванович Бегунов. О комфорте говорить не приходилось, а вот экономия времени достигалась колоссальная. Встал, умылся, раскладушку в угол — и за работу! Бухгалтер был — денег не было. Впрочем, не было очень многого. Энергичный, любящий шутку заместитель начальника экспедиции Александр Николаевич Крыжановский многие финансовые и организационные препятствия брал своим обаянием. Как ни странно, ему это удавалось.

А потом был вбит первый кол. Сохранился снимок, в котором есть что-то от символики. На той точке, откуда должен начаться генеральный штурм земных глубин, стоит начальник Кольской геолого-разведочной экспедиции Давид Миронович Губерман. Снимок отчетливо передает, как пурга норовит сбить с ног, швыряет в лицо охапки снега, а человек стоит неколебимо, упрямо наклонив голову встреч ветру.

Впрочем, на вагончике и кончаются аналогии со стройками минувших дней. Как-никак, шестидесятые годы... Одновременно с промышленным на Кольской велось строительство жилищное. Рабочие и специалисты, приезжавшие по вызову, сразу же получали ключи от квартир. В Заполярный посыпались письма. Из пятисот заявлений от буровиков комиссия отобрала сорок девять. Геологи — из разных городов страны, долгие годы работающие на Кольском полуострове. Им, естественно, и карты в руки. Все проекты, технические обоснования родились в Московском научно-исследовательском инсти-

туте буровой техники, — для столичных специалистов открылась блестящая возможность воплотить задуманное в жизнь. Сейчас в экспедиции 350 человек, люди разных профессий и специальностей — крепкий, со своими устоями и традициями коллектив.

От Заполярного до буровой двенадцать километров. Асфальтовое полотнище петляет, унося «газик» на невысокое плоскогорье. Ехать считанные минуты. Впрочем, как когда. Заполярье — оно и есть Заполярье. Бывает, налетит пурга с ураганным ветром, обильным снегопадом. Не успеет грейдер пройти, как за его спиной тотчас вырастают метровые сугробы. В июне дождь внезапно сменяется снегом, тундра являет тогда собою изумительное зрелище: зеленая трава и цветы на фоне ослепительно белого снега.

Девять утра, но лишь самые робкие признаки говорят о приближении рассвета. Только где-то около одиннадцати заалает восток. Там за горизонтом борются извечные враги — Свет и Тьма. Тьма в эту зимнюю пору сильнее — до последней декады января она не даст проникнуть на землю ни одному лучику солнца. Полярная ночь, полярный день. По обычным понятиям — всего одни сутки, а в этих широтах сутки равны календарному году.

Впереди заалела звездочка. Не планетарная, а вполне земная. Она венчает башню буровой. Здание впечатляет само по себе, своей высотой с двенадцатиэтажный дом. Далеко окрест видны на его обшивке две надписи: «Уралмашзавод-15000» и ниже — «Кольская ГРЭ».

Буровая разительно отличается от своих сестер, что вгрызаются в тюменскую мерзлоту, башкирские и волжские степи. Начать с того, что она одета в рубашку-кольчугу — защиту от суровых полярных ветров. Но это чисто внешнее отличие. Кольская сверхглубокая — сложное инженерное сооружение с многочисленными блоками и системами: вышечно-лебедочным, насосным, энергетическим, большим производственно-ремонтным хозяйством, десятком лабораторий. Короче, вся она начинена, если угодно, напичкана механизмами, приборами, устройствами. Есть, наконец, комплекс специального оборудования для приготовления растворов и, что очень немаловажно, эффективная система очистки производственных вод.

Мозговой центр, сердце буровой — пульт управления, щитовая. Сегодня на нем хозяйничает начальник буровой Алексей Федорович Батищев. Нельзя сказать, что он был обрадован появлению корреспондента. В скважине шли профилактические работы, что-то там не ладилось. Батищеву немногим за пятьдесят. Речь уверенная, чуть отрывистая, с командными интонациями.

— «Уралмаш-15000» я называю русским чудом. На авторство не претендую, а за точность выражения ручаюсь. Машина, как видите, огром-

ная, а в моей бригаде всего 52 человека. При четырехсменной, заметьте, работе. Управлять бригадой удобно, каждый оборот трубы, каждый метр проходки как на ладони. Хотите убедиться?

Вместе с Батищевым подходим к пульту управления.

— Видите первое показание? Это вес находящейся сейчас в скважине колонны труб — 164 тонны. Зеленая стрелка обращена вниз — любому ясно, что колонна не поднимается, а опускается. У вас, видимо, возник вопрос: а велико ли сейчас количество свечей под землей? За меня ответит прибор — 280. Что такое свеча, знаете? Это свинчатые три трубы, по 12 метров каждая. Помножьте на длину свечи — 36 метров и узнаете, на какой глубине находится сейчас турбобур с долотом. Когда он опустится к месту работы? Пожалуйста, скорость подачи инструмента десять метров в час. Впрочем, считать при нашей технике много не надо. Это я к тому, чтобы ваша мысль тоже работала. Все понятно?

И все-таки для непосвященного комментарий Батищева при всей его ясности требует, в свою очередь, комментария.

Начать с того, что обычно, а для осадочных пород это неперемное условие, ствол обсаживают трубами, цементируют во избежание всяких неприятностей. Может обрушиться стенка скважины, встретиться водоносный грунт или пласты с высоким давлением. Неприятности и в обыденной жизни сваливаются на нас неожиданно, а при езде в незнакомое, чем является проходка, и говорить не приходится. Потому-то и одевают скважину в «броню». Кольские буровики применяют принципиально иную технологическую схему. Они ведут проходку опережающим, открытым стволом. Опуская очень важные подробности, суть его в следующем.

Скважина на большей части пути, более девяти километров, не обсажена трубами. Бур-разведчик без всякого прикрытия вгрызается в земную твердь, оставляя стенки открытыми. Диаметр долота выбран минимальный, 214 миллиметров, чтобы с наименьшей затратой сил и времени достичь наибольшего результата. Учитывалось при этом и то, что при возможных осложнениях ствол можно было расширить и укрепить. Именно так случилось на отметке 1800 метров, когда появилась опасность разрушения ствола. Скважину расширили, и весь участок до 2000 метров обсадили трубами. А затем долото снова отважно устремилось вниз.

Открытый ствол, помимо большой экономической выгоды, имеет еще одно неоченимое преимущество. Он открыт ученым для прямого исследования. При мне готовили к спуску в скважину прибор, похожий на торпеду, в которой содержался термометр. Когда идет проходка, буровая действует как промышленная установка, когда турбобур поднят на поверхность, она пре-

вращается в научно-исследовательский институт, выдавая «на-гора» ценную информацию о температуре, скорости сейсмических волн, электропроводности пород и т. д.

На обычной буровой главная цель — как можно быстрее добраться до нефтегазоносного слоя. К Кольской, с известными оговорками, применима пословица «Тише едешь — дальше будешь». Для науки крайне важно исподволь, шаг за шагом, сантиметр за сантиметром простукать земную твердь. И отбор керн здесь не выборочный, а сплошной. Сам процесс бурения занимает, собственно, четыре-пять часов. Пройдено семь-восемь метров, подается команда «Подъем», и вся многокилометровая машина труб поднимается на поверхность, чтобы вручить геологам главную, на вес золота, продукцию скважины — керн. Затем снова медленный спуск, все те же семь-восемь метров проходки. На спуск и подъем и уходит основная часть рабочего времени — 16—17 часов. С каждым километром в геометрической прогрессии возрастает сложность работ, и потому на оставшиеся до проектной отметки четыре километра понадобится ориентировочно лет пять-шесть.

Эта кажущаяся медлительность обусловлена к тому же строгими законами технологии. Представьте зрительно одиннадцатикилометровую связку труб, висящую на крюке подъемного механизма. Легкоплавная алюминиевая колонна только под силой собственной тяжести удлинится на 22 метра. Такова сила растяжения! К этому следует добавить угол отклонения. Вряд ли и в будущем, когда техника обретет более совершенные очертания, удастся сделать скважину идеально вертикальной. Гигантские пласты пород часто залегают под углом друг к другу, бур скользит по ним, ища податливое место. Кривизну создают и другие, пусть менее значимые, факторы. Скажем, выступы шарошки, сделанные строго по стандарту и на человеческий взгляд идеально ровные, все равно, пусть на доли миллиметра, да отличаются друг от друга. Величина вроде ничтожная, а помножьте-ка ее на одиннадцать тысяч метров!

— У нас очень жесткие допуски по кривизне, — вспоминаю я беседу с главным геологом экспедиции лауреатом Государственной премии Владимиром Степановичем Ланевым. — При глубине одиннадцать километров среднее отклонение от вертикали не превышает семи градусов. Для непрофессионалов поясню, что на крутозалегающих породах Кольского полуострова в обычных скважинах бур уже на глубине тысячи метров отклоняется более чем на пятнадцать градусов. Американцы на отметке 9,5 километра на Берте Роджерс имели кривизну свыше двадцати градусов. И тем не менее даже при таких жестких допусках ствол в плане в данный момент напоминает вот что...

Владимир Степанович берет лист бумаги и описывает плавную кривую.

— ?!

— Да, да, именно полуспираль,— подтверждает главный геолог.

Кривизна создает дополнительные и весьма ощутимые нагрузки. Если в обычном состоянии вес колонны не превышает ста семидесяти тонн, то при подъеме нагрузка на лебедочный механизм вследствие трения труб о стенку достигает 250 и более тонн. Разница существенная!

Если метры даются с трудом, то каждый километр проходки, естественно, является юбилейным событием. Ритуал празднования прост и торжествен. На рабочей площадке собирается дежурная вахта, и делается коллективный фото-портрет трудовой семьи. Главный атрибут снимка— алое полотнище с крупно выведенными цифрами «6000, 7000... 11 000 метров». Ветеранам и почетным гостям вручается специальный диплом первопроходца земных глубин, оригинальные стихи которого сочинил влюбленный в поэзию и самоцветы старший геолог Юрий Павлович Смирнов, а текст— заместитель начальника экспедиции Александр Николаевич Крыжановский. Подобной чести удостоилась и редакция «Уральского следопыта».

В летопись Кольской экспедиции занесена и такая, казалось бы, скромная отметка, как 9583 метра. Это произошло 6 июня 1979 года. Вместо лаконичного делового отчета буровой мастер Федор Атарщиков сделал в вахтенном журнале ликующую запись: «Берта Роджерс, чао, гуд бай». До этого вечера мировой рекорд разведки земных глубин принадлежал американцам на скважине Берта Роджерс. Отныне каждый метр проходки на Кольской является рекордным, умножающим приоритет советской науки и техники.

Само устье скважины мне увидеть, увы, не удалось. Скважина находилась в рабочем состоянии. Медленно-медленно вращалась колонна, унося стальное тело в чрево земли. В стеклянной будочке этот процесс вели бурильщики Валентин Щетинин и Николай Любка. К этому времени я уже начался и слышался о том, что на Кольской буровикам не в пример лучше, чем, допустим, их коллегам в Тюмени. Защищены от мороза и гнуса, ходят не в измазанной мазутом робе, а при галстучке.

— Легко?! — Николай Любка даже вскочил со стула.— Посадить бы того, кто так говорит, на мое место! Вот сию я вроде спокойненько, надо мной действительно не каплет, а сам все время думаю о тех одиннадцати километрах, что у меня под ногами. Что они там, трубы мои сердешные, поделывают? Час-другой, а думы все те же. Работал я на обычной буровой— в Туруханске. Не скажу, чтобы рубль легко доставался. Но там я всю дорогу был в движении. Кого-то

похвалишь, кого-то ругнешь, третьему подмогнешь— там не до раздумий. Физической энергии уходила масса, а умственной... Здесь же все наоборот. Домой я нередко прихожу усталым. Отчего бы вроде? Кнопочками да рычажками двигал... А это, оказывается, ох как непросто. Моральная ответственность давит, понимаете?

Истина, наверное, не в том, чтобы скрупулезно взвешивать, где действительно труднее. Монолог Николая Любки, на мой взгляд, характерен тем, что в нас еще живуч застарелый стереотип оценивать труд рабочего исключительно по затрачиваемым физическим усилиям. Век двадцатый, век автоматизации и механизации производства требует качественно иных критериев.

Стать бурильщиком Николаю Любке помогли, как он считает, гуси и терновый прут. Тяжелое послевоенное детство, семь душ у матери, двое умерли с голоду.

Однажды мать, уходя на работу, поручила Николаю пасти гусей, а сестренке— прополоть грядки. Дети по обоюдному согласию поменялись заданиями. Птичий десант забрался в огород, сосед убил гусенка. Мать, не слушая объяснений, терновым прутом пребольно отхлестала сына. Николай навсегда убежал из дома, смел не немало профессий, прежде чем стал бурильщиком. В Заполярье ему нравится. Работа интересная, жилье хорошее, заработки высокие. Человек основательный, Любка уже сейчас обдумывает, куда поехать после Кольской, собирает любую информацию об Урале, где предполагается заложить аналогичную скважину.

На буровой, как уже сказано, господствует механизация и автоматизация. Можно в подтверждение назвать цифры, можно довериться зрительному восприятию. Ходишь по просторным корпусам и почти не видишь обслуживающего персонала.

Ради чего взметнулась в полярное небо семидесятиметровая вышка, ради чего поднимается и опускается вся эта немыслимая громада труб? Ради вот этого весьма невзрачного кусочка породы, который я держу в руках. Техник-геолог Виктор Богатиков при нас закончил маркировку последнего, только что испеченного (вспомните про двести градусов жары, и сравнение не покажется натянутым) образца. На специальную этикетку занесены выходные данные:

11059,4—11071,0
Проходка 11,6 м
Выход керна 3,05 м
№ образца 40172—40213
17 декабря 1981 года

Богатиков

Несколько десятков столбиков высотой всего пять сантиметров, диаметром 60 миллиметров— такова, как видите, суточная продукция техниче-

ски высоко оснащенной Кольской геологоразведочной экспедиции. Впрочем, подобное характерно только для максимальных глубин. Кусок породы, выбуренный из массива, насильственно отторженный от родных условий, самопроизвольно взрывается. Понять это можно. Только что на горные породы действовала чудовищная сила, сжимавшая все кристаллы, вдруг она таинственно исчезла, и противоборствующая давлению «пружина» вещества моментально срабатывает. Керн разрушается.

Но это, повторяю, на максимальных глубинах. В лаборатории в качестве экспоната хранится внушительный, около трех метров, цельный столбик. Керн, как правило, распиливается вдоль оси. Одна половинка как неприкосновенный запас отправляется в специальное хранилище, другая исправно служит специалистам и ученым как объект научного исследования. На Кольской создана оперативная геолого-лабораторная служба. Она как бы выполняет роль штурмана дальнего плавания, проводит экспрессный анализ физико-механических свойств породы. А затем вступает в бой «тяжелая артиллерия дальнего действия»: свыше двадцати академических и отраслевых научно-исследовательских институтов участвуют в программе изучения материалов Кольской скважины.

Держишь в руках невзрачную бляшку, и как-то не укладывается в сознании, что ты один из очень немногих в мире, которые могут запросто так и эдак разглядывать таинственного пришельца, трудно верится, что он из тех глубин, куда до сих пор проникали лишь герои фантастических романов.

Перепутал изрядно наш странный, наш удивительный XX век все представления о близком и далеком! Рядовые жители планеты легко поднимаются на скоростном лайнере на десятикилометровую высоту, за десятки тысяч километров — аж с Луны! — удалось доставить образцы грунта, а вот эта бляшка с фанерной биркой «11 071» — уникальная, единственная в мире.

И коль скоро в ход пошли глобальные сравнения, то уместно подчеркнуть, что сейчас около десяти государств мира ведут исследования в Космосе, тогда как глубинная разведка родного дома — планеты — сильна лишь двум державам: СССР и США. Из многих слагаемых состоит научный, экономический и технический престиж страны, и этот показатель, глубинный, далеко не на последнем месте, его правомочно сравнивать с достижениями в Космосе.

Планета задает вопросы

А сейчас пора перейти к главному вопросу: каково значение эксперимента, равного которому нет в мире? Разумеется, с принципиальной

оговоркой, что эксперимент далеко еще не завершен, что окончательные данные будут суммированы, обобщены коллективами ученых. И тем не менее уже сейчас получен значительный, редкостный фактический материал, в иных случаях подтверждающий, в других — подвергающий сомнению прежние представления о строении Земли.

Пожалуй, самой большой неожиданностью явилось отсутствие базальтового слоя в зоне семи километров. Данные геофизики и другие косвенные признаки со всей убедительностью свидетельствовали, что на этой глубине находится линия смыкания гранитного и базальтового пластов Земли — так называемая поверхность Конрада. Именно здесь резко меняют свою скорость сейсмические волны, которые в верхних породах движутся замедленно, а в нижних, более твердых, получают ускорение. Граница осталась давно позади, а бур все еще выносит на поверхность гранитно-гнейсовые «бляшки». Говоря сугубо упрощенно, даже после одиннадцати километров проходки базальтом еще и не пахнет... Бур настоятельно советует ученым внести существенные коррективы в существующие концепции.

Ученым предстоит пролить свет и на загадочные колебания температурного градиента Земли. До трех тысяч метров он, то бишь градиент, вел себя как примерный мальчик, точно оправдывая прогноз: на каждые сто метров — повышение на один градус. А затем вдруг капризничал, у него поднялась — и довольно значительно — температура. На отметке одиннадцать километров вместо положенных ста с небольшим приборы зафиксировали порядка двухсот градусов... Налицо, как говорится, наличие мощного теплового потока, идущего из глубин. Аномалия ли это, как утверждают иные специалисты, или, напротив, — закономерность?

В послевоенные годы большой популярностью пользовалась кинокомедия «Карнавальная ночь», герой которой начал лекцию с сакральной фразы: «Есть ли жизнь на Марсе?» Реальность подкидывает задачи куда потруднее, допустим, такую: когда зародилась жизнь на Земле? К многочисленным документальным свидетельствам, собранным во все времена исследователями разных областей наук, Кольская подкинула свои весомые аргументы. В керне, поднятом с глубины семь километров — а это слой возрастом более двух миллиардов лет, — встречаются окаменевшие остатки простейших микроорганизмов — микрофоссилий.

Доктор геолого-минералогических наук Б. В. Тимофеев из Института геологии и геохронологии докембрия Академии наук СССР считает, что эти данные позволяют отнести начало жизни на Земле к более ранним, чем это представлялось, временам.

Уникальная информация, которую ежедневно поставляет сверхглубокая скважина, во многом «работает» на фундаментальную науку; она не всегда имеет прямой практический выход, сиюминутную злободневность. Но это ни в коей мере не снижает ее ценности — действие ее глубиннее, поистине фундаментальное. Впервые в мире, и именно в СССР, что решающим образом содействует престижу советской науки и техники, получен вертикальный геологический разрез древнего кристаллического образования земной коры на глубину одиннадцать километров, впервые ученые смогли дать вещественную характеристику периода становления нашей планеты от 1500 до 3000 миллионов лет. Не забудем при этом, что в наше время фундаментальная наука весьма часто и порой неожиданно обретает практическое применение, приводя к поразительным результатам в разных областях жизни.

Точка бурения была выбрана, однако, с тем расчетом, чтобы остались довольны оба величества — Теория и Практика. Прежде всего — практическая геология. Кольская земля богата апатитами, никелем, медью. Совсем рядом с Заполярным город, который так и называется — Никель. Будущее комбинатов Мончегорска и Никеля во многом зависит от того, есть ли руда на больших глубинах. Скважина не обманула ожиданий. На отметке 1600—1800 метров бур подсек месторождение сульфидных медно-никелевых руд.

По всей важности этого факта, этой конкретной находки, он заслуживает куда более пристального взгляда и обобщения с точки зрения Большой Геологии. Ныне весьма распространено мнение, что полезные ископаемые сосредоточены решающим образом в верхних пластах Земли, до глубины порядка трех километров. Подавляющее большинство минеральных ресурсов, необходимых человечеству, добывается, за исключением нефти и газа, в карьерах и шахтах, то есть, практически, на небольшой — плюс-минус километр — глубине. Насколько выиграло бы человечество, если фронт добычи развернуть не столько вширь, сколько вглубь, хотя бы еще на полкилометра-километр! Но вести успешно бой можно лишь тогда, когда получены точные данные от разведки. Кольская как раз и выполняет роль разведчика, вперёдсмотрящего.

Результаты Кольской экспедиции помогут во многом прояснить глубинный механизм рудообразования. Является ли мантия тем основным резервуаром, из которого поступает в земную кору рудное вещество; действует ли в недрах планеты невидимый завод, тот огненный передел, который перемешивает вещество мантии и поднимает (равно опускает) его? Разумеется, Кольскую сверхглубокую нельзя уподоблять всемогущему оракулу, но кой-какую весьма калорийную пищу для серьезных размышлений она

уже выдала. На больших глубинах обнаружены скопления газов и притоки вод, насыщенных солями брома, йода, тяжелых металлов; на шестикилометровой отметке бур вошел буквально в родник рассола. Причем все эти скопления и притоки циркулируют по трещинным разломам. Значит, есть основания полагать, что континентальная плита является ареной активного рудообразования.

Кольская сверхглубокая наконец явила всему миру, что усилиями советской науки и техники создано первоклассное оборудование, позволяющее проникать в недоступные ранее глубины. В его создании участвовали десятки институтов и предприятий страны. Весомым выглядит и вклад уральцев. Выше уже приводился отзыв начальника буровой А. Ф. Батищева. А вот мнение начальника Саатлинской нефтегазодобывающей экспедиции О. Ибрагимова, высказанное им корреспонденту «Правды», когда бур достиг отметки 7,5 километра:

— Первое, что хотелось бы сделать, — это поздравить конструкторов и рабочих знаменитого Уралмаша с тем, что созданное ими оборудование блестяще выдерживает трудный экзамен на проходке скважины. Специально сделанный для нас агрегат «Уралмаш-15000» впервые в отечественной практике позволил спустить в недра земли обсадную колонну, состоящую из труб большого диаметра общим весом 365 тонн.

Соратниками кольских землепроходцев вправе считать себя коллектив Кунгурского производственного объединения, изготовивший оригинальную конструкцию турбобура, Верхне-Сергинского машиностроительного завода — это их шарошки грызут земную твердь. Институт геофизики Уральского научного центра, ведущий в стране в области магнитометрии, занят изысканиями на Кольской.

Кольская скважина — первая из сверхглубоких, которые осуществляются по специальной комплексной программе изучения недр земли сверхглубоким бурением. В будущем, а оно не за горами, поднимутся далеко видные буровые установки «Уралмаш-15000», нацеленные на изучение молодых платформ Сибири, сейсмоопасных зон Средней Азии, Тянь-Шаньского хребта.

А самые ближайшие на очереди — Уральская и Тюменская сверхглубокие. Уральской предстоит добраться до «корней» гор, их ложа, чтобы выявить глубину, закономерности образования и распространения месторождений. Она — будем надеяться! — приоткроет завесу над кладовой богатств, которые прячет в своих складчатых системах наш суровый батюшка-Урал.

Штурм земных глубин продолжается!

ПЕРВЫЕ ГЕРОИ ТРУДА — КТО ОНИ?

**Леонид
СУРИН**

● 27 декабря 1938 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ об установлении высшей степени отличия — звания Героя Социалистического Труда. В связи с этим Указом было прекращено присвоение звания Героя Труда, которое действовало с двадцатых годов.

...27 июля 1927 года Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров СССР приняли специальное постановление «О Героях Труда», которое устанавливало, что это высокое звание присваивается лицам, имеющим особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы и проработавшим не менее 35 лет. Стаж этот мог быть снижен лишь в исключительных случаях.

Одним из первых на Южном Урале почетного звания Героя Труда был удостоен потомственный слесарь и кузнец Катав-Ивановского литейно-металлургического завода Иван Леонтьевич Салов. Его Грамота за номером 402 была подписана 17 июля 1932 года в Кремле Председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Михаилом Ивановичем Калининым.

В златоустовском филиале Челябинского областного государственного архива хранятся документы архивного фонда Южно-Уральского райкома металлургов. В этом фонде в списке Героев Труда, датированном 16 января 1932 года, по Катав-Ивановскому металлургическому заводу значатся плотник Землянсков Тимофей Филиппович и слесарь Зубрицкий Александр Варламович. Вот что удалось выяснить об одном из этих Героев Труда.

Тимофей Филиппович Землянсков родился 22 января 1864 года и был коренным жителем Катав-Ивановска. Здесь, еще во времена крепостного права, жили и работали на заводе его деды и прадеды.

Никита Землянсков был взят с завода на военную службу и двадцать пять лет провел в солдатчине. Отслужив цареву службу, два года добирался до родного Катав-Ивановска. Шел больше летом, в зимнее время нанимался в работники за кусок хлеба и лапти.

Его сын, Филипп Никитич, на заводе стал гнуть спину с десятилетнего возраста. Мальчиком, во времена крепостного права, получал за свой каторжный труд три копейки в день и был порот за провинность розгами. Это были дед и отец Тимофея Землянскова. Он тоже с малолетства приучался к тяжелой заводской работе.

Вместе с отцом Тимофей Филиппович в молодости возил на ло-

шадях рельсы на строительство железной дороги. Потом на протяжении многих лет работал в мартеновском цехе. Подвозил дрова, которыми отапливалась мартеновская печь, выполнял плотницкие работы.

Женился Тимофей Филиппович на местной уроженке Александре Горбуновой. Было у них одиннадцать детей; двое умерли младенцами, а четыре мальчика и пять девочек, став взрослыми, изменили окончание своей фамилии на «ий».

В гражданскую войну погиб ушедший добровольцем в Красную Армию старший их сын Николай. В застенках колчаковской контрразведки был замучен второй сын — Василий, один из первых комсомольцев поселка, член исполкома Союза рабочей молодежи. Третий сын — Александр — пришел с гражданской с георгиевским крестом и медалью, воевал потом в Красной Армии, умер в госпитале от тифа. Гражданская война унесла и четвертого сына Михаила.

Дочери — Ольга, Мария, Елизавета, Анастасия и Александра — прожили всю жизнь на родине отца.

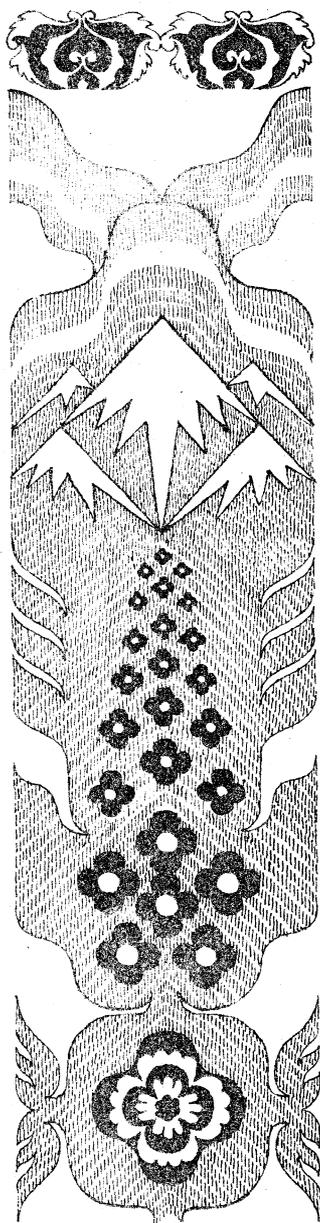
Сам Тимофей Филиппович после памятного митинга у заводской проходной, на котором ему была вручена грамота и премия — костюм защитного цвета, неслезанно обрадовавшийся в то тяжелое время всю семью, — еще много лет ударно трудился плотником на литейно-механическом заводе. Умер он в январе 1954 года на девяностом году жизни.

Что касается другого Героя Труда, который упоминается в документах Златоустовского архива, то о нем пока известно очень немного. Александр Варламович Зубрицкий работал на Катав-Ивановском заводе, дожил до семидесяти лет и имел рабочий стаж 52 года.

Неизвестна судьба и других первых Героев Труда.

60
ЛЕТ
СССР

Закавказье — один из древнейших центров мировой цивилизации. Куда бы мы ни поехали — в Грузию, Азербайджан, Армению, автономные республики и области, — мы обязательно проникнемся ощущением бережно хранимых многовековых связей с прошлым. Но нельзя не заметить и того, как окрепли и расцвели социалистические республики Закавказья. Тысячелетия легли на одну чашу весов и всего несколько десятков лет — ничтожно малый исторический срок — на другую.

А сколько коренных перемен! Как выросла за годы Советской власти индустриальная мощь прекрасного горного края, сколько поднялось новых городов и поселков, как изменились и раздвинулись столицы, какими темпами развиваются наука и культура! Многочисленны связи народов Закавказья со всеми народами нашей страны. Наши читатели это почувствуют, ознакомившись с подборкой стихов армянских поэтов. Украина, Урал, Бухара — дороги армянским поэтам, как дорога и своя родная земля, свои горы, тополя, цветы. Философская лирика — традиция армянской поэзии, но и конкретные приметы времени не чужды ей, взять хотя бы «Думу о лавровой ветви» Сильвы Капутикян. Все публикуемые стихи даны в переводе нашего земляка, свердловчанина, врача по профессии Марка Рыжкова. Он выучил язык, проникся любовью к Армении, ее прошлому и настоящему, стал признанным переводчиком.

**Сильва
КАПУТИКЯН**

Дума о лавровой ветви

Из уральской тетради

В уралмашевском цехе, бесконечном на взгляд,
Где клокочет над нами то грохот, то рев,
Над пролетом горит кумачовый плакат:
«Здесь работает Виктор Понамарев».

Кумачовый плакат полыхает огнем,
И лавровая ветвь зеленеет на нем.

Этот лавр благородный, он с древнейших времен
Украшеньем служил для державных кудрей,
Отлит в тяжкое золото драгоценных корон
Беспощадных, кичливых царей.
Иль под хриплое пенье победной трубы
Триумфальною бронзой венчал храбрецов,
Или в мраморе статуй ложился на лбы,
На холодные лбы мудрецов.

Но смотри: в этом цехе, бескрайнем на взгляд,
Где клокочет над нами и грохот, и рев,
Над пролетом горит кумачовый плакат:
«Здесь работает Виктор Понамарев».

Кумачовый плакат полыхает огнем,
И лавровая ветвь зеленеет на нем.

Над обычным станком зеленеет она.
Суть эпохи в той ветви заключена.

**Аршалуйс
МАРКАРЯН**

Свердловск, Уралмашзавод, 1949 г.

Из зала фестиваля

Вот девушка из Бухары поет.
Поет застенчиво, как будто бы боится,
Что зал многоязыкий не поймет,

О чем в узбекской песне говорится.
Но в зале вдруг овация гремит,
Того гляди, что рухнут эти стены.

И изумленно девушка глядит
На эту бурю, уходя со сцены.

Ах, девочка, оставь сомнения свои.
Понятна песня, и успех заслужен.
Твоя любовь, как солнышко, горит,
А переводчик солнышку не нужен.

Я нахожу или теряю?
И разобраться не пытаюсь.
Вопросов тьма. Не отвечаю.
Я только грустно улыбаюсь.

Ликуют, веруя, поют.
Я только грустно улыбаюсь.
Утратив веру, слезы льют.
Я только грустно улыбаюсь.

И жертве блеющей,
И жертву приносящим,
Словам
Бессмысленным
И мудростью дарящим,
Пришедшим в мир,
Из мира уходящим...
Я только грустно улыбаюсь.

Старею, вечности касаюсь?
Иль сам себя я обретаю?
Не стоит думать. Я не знаю.
Я только грустно улыбаюсь.

Мария АКОПЯН

В домике Лермонтова

Засохла та акация давно,
Что за окном твоим шумела и пестрела,
Что на тебя в открытое окно
По вечерам задумчиво смотрела.

А я смотрю из твоего окна
И чувствую, что чудо совершилось:
Мне вновь твоя акация видна,
Она цветами белыми покрылась.

И ветви снова гнутся и шумят,
И четко виден каждый лепесток...
Акации твоей вдыхаю аромат
И аромат твоих бессмертных строк.

Анаит ПАРСАМЯН

На белых, белых снах твоих
Кровоточащее я нарисую сердце.
И лепестки опавших васильков
Я раненой рукою нарисую.
И на лазури голубых небес
Улыбку губ моих я нарисую,
Я одиночество мое изображу...
Я бесконечную изображу дорогу,
Дорогу, по которой ухожу,
Дорогу, на которую роняю
Я капли крови сердца моего,
Что превращаются за мною
В незабудки...

Украина

Я люблю тебя, мать-Украина!
Ты мне родиной стала второю,
Покорила меня добротой,
Приняла как любимого сына.

Я люблю и раздолье полей,
И течение рек, и дубравы кипенья,
И огни твоих хат, и зазорное пеняе
Синеглазых твоих дочерей.

Дорожу твоей каждою пядью,
Для меня чернозем этот свят.
Здесь повсюду в могилах солдат
Спят меня обогнавшие братья.

Не словами клянусь я в любви.
Пулю здесь мне война подарила,
Кровь моя здесь траву обагрила...
Для меня нет дорожке земли.

Паруйр СЕВАК

Мимолетность

Когда гребень последних лучей
Прикасается к тучам лохматым,
А ветер, как пес, бездомный, ничей,
Все обнюхав, понуро уходит куда-то;
Когда пробует силы юный мороз,
Заставляя нас кутаться и ворчать,
И на окна нам ставит печать
С небывалым узором невиданных лоз,—
Я снова наивно верю добру
И тому, что закон справедливости свят,
Снова верю, что собственной смертью умру,
А не буду до срока убит и распят.

Ованес ШИРАЗ

Из четверостиший

1
Ты, сердце,— кораблик, а жизнь — это море.
Вперед, мой кораблик, плыви на просторе.
Но помни, что моря без бурь не бывает,
Тебя не минуют ни радость, ни горе.

2
Как певчей птице приказать вороне подражать?
Как птичьей стае указать, какой ей строй держать?
Смири приказом соловья, услышишь попугая.
Скажи, возьмется ли мудрец за женщину рожать?

3
Малых нет народов в мире, и великих тоже нет.
Крошка-мать порой гиганта производит нам на свет.
Тот велик, кто светит людям, тот, кто гасит свет, ничтожен,
И врага у светлой мысли, кроме мысли черной, нет.

Приглашает гора

См. 2-ю стр. обложки.

**Владислав
КАРЕЛИН,**

мастер спорта по туризму, действительный
член географического общества СССР.

...Лагерь разбили между огромными валунами. Гладь озера протянулась на полтора километра. А за ним — вершина. Скалистый северный гребень спадает в долину. Поднимается на водораздел язык снежника. А в середине снежника темнеет осыпь.

Вечером то и дело кто-нибудь, вдруг оцепенев от восторга, просил остальных посмотреть на вершину, нараспев произносил: «Хо-ро-ша!»

Нет, не случайно, когда в редакции нашего журнала происходило обсуждение, какую вершину выбрать для восхождения, мнение было единодушным: следопытам «к лицу» гора в районе хребта Непрístupный.

Выходим из штурмового лагеря в 9.20. После траверсируем в северный цирк — вход поднят над долиной метров на сто. И на взлете весело, каскадом небольших водопадов, падает ручей, обрамленный снежником.

Медленно начинаем подъем. Раз, два... Раз, два... Раз, два... Врубаем носки ботинок в снег. В северную часть цирка подъем более плавный. Страхуемся ледорубами, альпенштоками. Скалы гладкие, зацепок мало. Западный ветер принес тучи. Они не спеша обволокли окрестные вершины. Заморосило. На перевал мы спустились уже в завесах дождя. Подъем занял около трех часов.

А дождь перешел в смесь водяных капель и снега, тянет ветерочек. Ноги скользят. Необходима предельная осторожность. Снова начинаются скальные участки внушительного размера. Проходит еще час... Вот и вершина! Стоим притихшие. Нет слов... Кто-то просит:

— Мужики, сфотографируемся!..

Выстраиваемся. Щелкает фотоаппарат: раз, другой. Вдыхаем, понимая, что едва ли получится снимок. Пишем записку.

Не говорим о красотах, видимых с вершины. Дождь завесил все. Это было летом 1979 года.

Но участники зимнего первовосхождения 1982 года ухватили ясной погоды. «Невиданное великолепие!» — так определили они открывающийся с пика парад высочайших вершин Урала — Манараги, Янченко, Защиты...

...В том, 79-м, мы спускались по восточному гребню. Масса скальных участков. То лезем, то обходим их у основания. Все делаем как-то автоматически, опустошенно. Вперед осыпь. Потом — вихрем — по крутому снежнику. И только внизу снежника душа оттаивает. Дождь прекратился. В разрыве облаков появляется солнышко. И сразу теплеет на душе. Вот и сделали свое дело. Стремилась к вершине. Взошли на нее...

Только внизу вспомнили об оплошности: текст-то записки не скопировали. Что ж, сейчас придется ждать следующей экспедиции.

Да, не прошло и трех лет, как мы получили свою записку. Листок был помятым, сморщенным, — добрались-таки непогода до целлофановой обертки. Но взять его в руки было приятно. Развернули и прочитали: «Сборная команда Свердловского совета по туризму и экспедициям 9 августа 1979 года в 13.00 совершила первовосхождение на безымянную вершину... Состав: А. Карелин, руководитель, А. Суриков, В. Шляев, Н. Богомолов, В. Рыбин. Записку писал специальный корреспондент журнала «Уральский следопыт» Ю. Борисихин».

А сбоку приписка: «Дождь, дождь!».

В памяти всплыли картины Приполярья. Озеро в долине реки Повсян-шор. Скалистый пик над водной гладью. А слева и справа — снежники.

Записку нашу принесли туристы Свердловского горного института, которые под руководством Андрея Тараскина в феврале 1982 года пробрались в сердце Приполярного Урала и поднялись на гору «Уральский следопыт».

Так начинается история восхождений на следопытскую вершину. Кто следующий?

Сообщаем адрес вершины «Уральский следопыт».

Географический район — Приполярный Урал. Административная область — граница между Коми АССР и Тюменской областью.

Гидрографический район — бассейн реки Косью.

Горный хребет — Исследовательский край.

Уральский следопыт

Юрий
БОРИСИХИН

Участок — в верховьях рек Повсян-шор, Правый Вангыр и Правый Парнук.

Местоположение — в главном водораздельном гребне в двух с половиной километрах северо-западнее северного участка хребта Непрístupный, в одном километре севернее верхнего озера, из которого вытекает река Правый Парнук, и в двух километрах юго-западнее третьего сверху озера в верховьях реки Повсян-шор.

Краткое описание вершины.

Вершина имеет два цирка. Северный цирк наиболее обрывист и имеет высоту стен около 500 метров. Почти вся площадь северного цирка занята снежником, в верхней части которого идет скальное ожерелье. На дне цирка красивое озеро длиной около 300 метров, из которого вытекает ручей, каскадом падающий вниз и втекающий в третье сверху озеро реки Повсян-шор. Южный цирк имеет меньшие размеры, чем северный. Стены сложены скалистыми обрывами, а внизу покрыты каменными осыпями. На дне южного цирка находится километровое озеро, дающее начало реке Правый Парнук.

Вершина имеет четыре гребня. Восточный и южный гребни относятся к Исследовательскому хребту. Все гребни имеют скалистый характер. Восточный круто падает на 150 метров к двум перемычкам-седловинам, являющимся перевальными точками из долины реки Правый Парнук в долину реки Повсян-шор. Южный гребень имеет скальные обрывы, на восточном они более пологие, каменистые, на западном склоны осыпные. Последний спускается к перевалу из долины реки Правый Парнук в долину реки Правый Вангыр. Перевал отстоит от вершины на расстоянии трех километров.

Непосредственно вершина сложена из средне- и крупнообломочных скал. Размеры вершинной площадки 3×5 м.

Для путей восхождения на вершину возможны несколько вариантов:

из долины реки Повсян-шор по северному цирку и далее по западному гребню (этот маршрут пройден нами);

от реки Повсян-шор по северному гребню (маршрут чисто скальный и сложный);

из долины реки Повсян-шор по крутосклонному снежнику и далее по восточному гребню (маршрут пройден нами на спуске с вершины);

от верховьев реки Правый Парнук с выходом на восточный гребень и далее на вершину (подъем по осыпному склону из верховьев реки Правый Парнук до перевалов восточного гребня пройден свердловскими и каменск-уральскими туристами, но на вершину они не поднялись);

из долины реки Правый Парнук по южному гребню (сложный скальный маршрут);

из долины реки Правый Вангыр по южному гребню (по каменистым осыпям и участкам скал);

из верховьев реки Правый Вангыр с выходом на перевал западного гребня и по нему на вершину (подъем на перевал совершали свердловские и горьковские туристы, но на вершину не поднялись).

Как видите, на гору «Уральский следопыт» есть семь маршрутов. Выбирайте, туристы, какой больше понравится.

Откуда можно добраться до «Уральского следопыта»? Маршруты лучше начинать от станций Печора, Сыня или Косью, расположенных на железной дороге Котлас — Воркута. Из Печоры, мимо горы Сабли, в долину реки Вангыр и в верховья Правого Вангыра, берущего свое начало на склонах горы «Уральский следопыт». Из Сыни, вверх по реке Сыня, с переходом в долину реки Вангыр и далее, как в предыдущем варианте. Из Косью, вверх по реке Косью и далее по реке Повсян-шор до ее верховьев. Можно начать маршрут и на восточном склоне Уральского хребта, из поселка Саранпауль. Вверх по реке Хулге и по реке Манье проплыть на лодках. Далее, пешком, вверх по рекам Манью, Хобею и Парнук вплоть до верховьев последней. Оттуда подниматься на гору.

Маршруты эти непростые. Они требуют туристских умений, альпинистских знаний. И прежде чем отправляться к «Уральскому следопы-

План района пика УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ту», надо набраться опыта в двух-трех путешествиях в ближайших районах родного края. Только после этого, получив специальное разрешение в маршрутной комиссии Свердловского областного совета по туризму, можно идти к горе и попытаться штурмовать ее. Надо иметь в виду, что граница леса со всех сторон расположена далеко от пика. А в целом на маршрут потребуется 14—18 дней...

Записки (или их копии) просим присылать в адрес журнала. Составы групп, совершивших восхождение на пик, будут публиковаться в «Уральском следопыте», а восходители получают памятные свидетельства.

Легкой вам дороги!

ЖУРАВЛЬ И СИНИЦА

**Руслан
ЛЫНЕВ**

Недавно мне попала в глаза книга свердловского писателя И. Давыдова «Я вернусь через тысячу лет». Книга фантастическая — в ней автор пытается описывать далекое будущее. Есть глава и о том, как наши потомки будут хозяйствовать на земле. Это представляется так: главной машиной в земледелии будет не трактор, как сейчас, а мостовой кран. Как на заводе. Полностью автоматизированный, оборудованный всеми почвообрабатывающими орудиями, такой кран будет двигаться по межам вдоль широких делянок и пахать, сеять, подкармливать растения, убирать урожаи. Краном будет управлять оператор. Каждый миллиметр земли при таком методе будет использоваться с максимальной отдачей.

Эти универсальные машины, говорится в книге, придумал еще в первой половине XX века гениальный Михаил Правоторов.

Книга, как я сказал, фантастическая. Но Правоторов — лицо реальное. И его изобретение — тоже.

Одним из первых идею о возможности заниматься земледелием «по-заводскому» высказал полвека назад голландец С. Рутгерс. Он был в числе тех иностранных специалистов, которые в свое время пожелали помочь молодой Стране Советов.

Весной 1931 года он выступил с докладом о своем проекте в Москве, на собрании научно-технической общественности. По его мысли, мостовой кран должен был двигаться по рельсам вдоль грядки шириной в двадцать метров и обрабатывать землю фрезами. Вопрос, заявлял он на том собрании, встает о столь глубоком изменении в сельском хозяйстве, что старый мир на него не способен. Что скажет новый мир?

Когда он, закончив доклад, ждал вопросов, то вместо них услышал: — Идея интересная, но не новая. Год назад похожую обсуждали в ВИМе — институте механизации сельского хозяйства. О ней была статья в «Социалистическом земледелии». Только там предлагалось делать ферму моста длиной не двадцать, как у вас, а целых сто метров. И везти ее вдоль поля по межам должны два трактора.

Рутгерс удивился и пожелал поближе познакомиться с идеей и автором. Еще больше он удивился, узнав, что автор — студент. Михаил Правоторов — так звали его. До революции — воспитанник сиротского приюта, позже — педагог. Впервые мысль о возможности возделывать землю с помощью моста пришла к нему в 1922 году, когда он прочитал книгу П. А. Кропоткина «Хлеб и воля» — об организации общества будущего. Особенно его поразило, что землю будут пахать паровыми плугами. Тогда он задумался: а что, если плуги укрепить на стане, который возили бы два параллельно идущих паровоза? Но тут же усомнился: сколько же потребуется прокладывать железных дорог через поля? Во что обойдется такая пахота? Так идея с паровозами отпала, но не отпал сам принцип — в конце концов, перемещать мост по полю могут ведь и не паровозы. Увлеченный этой мыслью, он засел за книги по сельскому хозяйству, а в 1927 году, уже в тридцатидвухлетнем возрасте, будучи отцом двоих детей, решил поступить в Ломоносовский институт, на факультет индустриализации земледелия.

К весне 1930 года идея мостового земледелия окрепла в нем настолько, что он решил написать о ней в редакцию «Правды» и Наркомат земледелия СССР. Оттуда предложение направили в ВИМ. Отзыв последовал уничтожающий: «Предложение автора является плодом фантазии, а не расчета». Ему, студенту, указывалось в ответе: «Прежде, чем беспокоить Наркомат, следовало бы посоветоваться со своими учителями».

Что же, вроде бы здраво — «посоветоваться». И он перед тем, как отправить письмо, советовался. Но вот в чем дело: студенты, его сверстники, в те времена изучали сельхозтехнику по книге профессора С. Дебу «Сельскохозяйственные машины», а в ней лишь восемнадцать из 375 страниц посвящались трактору, остальные — ручным веялкам, однолемешным плугам и прочим «новшествам», известным со времен Крымской войны. На таком уровне была наука. Что же могла она под-

сказать о земледелии вообще никому не ведомом — мостовом?

Устами специалистов ВИМа она говорила, что студент с самого начала избрал ложный путь, положив в основу механизации сельского хозяйства «старый метод оборудования фабрично-заводских предприятий, вытесняемый... конвейерами» (!). Далее в ответе утверждалось, что «мостовой кран с пролетом в сто метров невозможен» (!), потому что «...он при передвижении развалится сам собой» (!).

Сегодня такой ответ напоминает «Письмо к ученому соседу» А. П. Чехова. Но студента он не смутил. Автор верил в правильность избранного пути. И его поддерживали. Прежде всего товарищи-студенты. Полные энтузиазма, они создали кружок по строительству крана — полехода. Идею поддержал и академик В. Вильямс, писавший в журнале «Техника социалистического земледелия»: «Огромные перспективы... придают системе мостового стана значение первостепенной боевой задачи в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства».

В апреле 1931 года совещание, проведенное в ЦБРИЗе Наркомата земледелия СССР, постановило: «Считать изобретение т. Правоторова заслуживающим самого серьезного внимания и активной поддержки... так как удачное разрешение выдвинутой т. Правоторовым идеи означает подлинную реконструкцию нашего земледелия».

Так изобретатель испытал первые приливы и отливы в своей судьбе.

Не хочется, да и нет смысла здесь ворошить прошлое. Надо лишь понять логику специалистов, ученых той поры: как символ коренных преобразований в деревне появился трактор, и надо было осваивать его, а тут предлагался журавль в небе. «Отрицательное заключение о мостовом земледелии,— напишет потом Правоторов,— явление вполне закономерное, но это ни в коей мере не компрометирует идеи. Чем крупнее и революционнее выдвигаемая идея, тем больше встречает она сопротивление среды и в первую очередь больших специалистов, уходящих в прошлое. История культуры знает немало примеров, когда великие изобретения принимались в штыки именно авторитетами».

Вообще сам по себе Михаил Александрович человек примечательный. Идя к нему знакомиться, я, честно говоря, опасался, что за столько лет, не простых для автора и его детища, он, как это порой бывает, ожесточился, сочтя себя непризнанным гением. Ничего подобного. Правоторов живой, общительный человек, многое помнит. А еще весь он какой-то легкий и просветленный. Откуда это в нем? Думаю, что от идеи. Все эти годы она ему служи-

ла поддержкой и опорой. Но и он, в свою очередь, как отец, растил ее — вот уже полвека.

С самых первых пор она, словно ребенок, ставила ему, родителю, вопросы. А ставя, наталкивала на выводы, которые не спешила признавать большая наука. Так, еще в начале тридцатых годов идея мостового земледелия навела своего создателя на мысль, что землю надо обрабатывать набором не прицепных, а навесных орудий. Кустистые сорта злаковых, безотвальная вспашка и другие прогрессивные новшества в агрономии и агротехнике новая система вбирала в себя легко и логично. Так же естественно в нее просились достижения генетики, электроники, других научных дисциплин. И это постоянное обновление продолжается.

Чем главным образом занял автор? Поиском, отбором и анализом информации, нужной для подкрепления, развития или корректировки главной идеи. Объем работы, выполнимый им, пожалуй, равен тому, что делает институтское бюро научно-технической информации. Работая так уже много лет, Михаил Александрович как бы мимоходом, в качестве побочного продукта, высказал идею буксировки айсбергов из арктических морей на юг — для получения пресной воды, создал «логическую машину»... К вопросу о получении авторских свидетельств за найденные им решения относится неодобрительно:

— Во-первых, это хлопотно и долго — оформлять авторство, я не могу тратить время на это. Во-вторых, все, что придумано на пользу людям, должно им служить бесплатно и не может быть предметом купли и продажи.

В разное время он написал несколько фантастических повестей и поэм о будущем. В них неизменно фигурирует система мостового земледелия. Даже его обращения в правительственные органы — это по форме не справки, а скорее дискуссионные очерки, похожие на фантастику, что порой вызывает усмешки знакомящихся с ними экспертов. Так, в одном из отзывов на очередное его обращение категорически утверждалось: «Работа тов. Правоторова, фантастическая по содержанию и форме, не заслуживает, чтобы кто-либо тратил время на ее рассмотрение».

И не стали «тратить».

Перебираю его папки с призывными надписями на обложках: «Научно-техническая революция способна резко поднять продуктивность биосферы». «Мостовой метод — земледелие эпохи коммунизма». Все это занятно, скажет читатель, но... Когда было испытано то, что предложено Правоторовым, насколько в результате повысилась урожайность, снизи-

лась себестоимость, сколько людей высвобождены и так далее? Где, мол, все это? Нет этого. Потому что ни одного мостового крана по предложению Правоторова до сих пор не сконструировано, не построено, а стало быть, и не испытано. Так что спор об эффективности мостового земледелия идет если не на пальцах, то на основании данных, пока практически не проверенных. Именно это противники системы считают самым уязвимым в ней.

Но ведь и Циолковский рассчитывал полет на Луну, когда не было ни одной космической ракеты. Понятно: сравнение, аналогия — не доказательство, а лишь подспорье. Однако сравнение Правоторова с Циолковским пришло в голову не мне. Вот отрывок из письма, которое написал изобретателю известный специалист по научной организации труда В. Терещенко: «Без преувеличения могу сказать, что Вы — Циолковский от земледелия, и, по-видимому, рано или поздно к тому, что вы предлагаете, человечество придет. Считаю, что своим проектом вы построили себе памятник нерукотворный».

Такие оценки, разумеется, — большая моральная поддержка. Но когда же спор перенесется из области обмена посланиями на практику? В поле, где все решит урожай?

Все эти годы судьба новшества (хотя какое уж оно новшество!) решалась опять и опять специалистами все того же ВИМа, ВАСХНИЛ. А им, судя по всему, трудно отказаться от позиций, занятых пятьдесят лет назад, в тридцатые годы. В результате снова и снова изобретатель получает ответы, словно списанные с того, первого, похожего на «Письмо к ученому соседу», — «Не может быть». Или такого, подписанного директором ВИМа (теперь уже бывшим) Г. Бузенковым: «Предложения гр. Правоторова обсуждались в ВИМе в довоенный и послевоенный период с участием крупных специалистов по механизации сельского хозяйства. Было установлено, что предлагаемый агрегат является очень сложным, дорогим и неудобным в эксплуатации. Предложение было отменено» (!).

Академики ВАСХНИЛ П. Листов и Г. Лоза, называя предлагаемую Правоторовым систему земледелия «мечтой», высказали мнение, что, «по мере накопления опыта по автоматизации, биологии, агротехнике в целом по стране, решение частных задач (в которые упирается реализация мостового земледелия. — Р. Л.) не будет представлять той сложности, как в настоящее время».

Иными словами, лучше подождать, пока журавль, налетавшись, сам сядет поблизости.

— По мере накопления, — усмеяется Михаил Александрович. —

А мне уже восемьдесят шесть. Успеть бы.

И среди прочих он показал мне небольшое газетное сообщение из Японии, где в префектуре Сайтама с помощью мостового крана обрабатывается делянка шириной в двадцать метров. Авторы проекта полагают, что у него большое будущее.

Подобные сообщения поступали из США, Австралии.

Сам собой напрашивается вопрос: не получится ли, как уже не раз бывало с другими изобретениями, что систему мостового земледелия мы через некоторое время будем заимствовать?

Журавль в небе летает слишком долго. Не перелетал бы он, не сел бы в чужие руки. Член-корреспондент АН СССР В. Ковда разделяет эти опасения и считает:

— Этого нельзя допустить.

— Предложение Правоторова имеет фундаментальное значение для управления сельскохозяйственным процессом в полевых условиях, — утверждает член-корреспондент ВАСХНИЛ С. Нерпин.

Столь же однозначно поддержали идею мостового земледелия известный специалист по кибернетике и автоматике Ю. Базилевский, председатель Государственного Комитета СССР по материально-техническому обеспечению сельского хозяйства Л. Хитрун. Руководитель лаборатории перспективных технологий НАТИ доктор наук В. Гавалов несколько лет назад включил систему мостового земледелия в число наиболее перспективных направлений технического прогресса на селе.

Сегодняшнее тракторостроение в известной мере ограничивает прогресс в земледелии, считает он. Мало того, что тракторы, все более мощные и тяжелые, нарушая структуру почвы, вредят ей. Пахать на тракторе — это все равно, что возить грузы на паровозе, а не на поезде.

Вот я и думаю, что у этой истории будет иное, достойное продолжение.

«А» сказал Михаил Правоторов...

«Поразительным» называют за рубежом проект, представленный канадскими специалистами под руководством доктора В. Тика. Кто-то из советских журналистов тоже говорит об «интересной разработке», «перспективном деле», явно не ведая, что все это, в основе своей, было предложено много лет назад, в первой четверти века, молодым советским человеком Михаилом Правоторовым.

Канадцы спроектировали «агрокомплекс будущего», рассчитанный на увеличение урожая при одновременном уменьшении расходов на его эксплуатацию и устранении зависимости от запасов топлива, энергии. Этот комплекс включает в себя агрегат, заменяющий трактор. Он представляет собой решетчатую ферму-мост со смонтированным на ней краном. В состав комплекса включены системы ирригационная и сбора урожая.

Канадский проект назван «ферма-2000» (рассчитан на осуществление в ближайшие десятилетия). Ферма движется по проложенным на поле рельсам, захватывая сразу около 25 метров ширины. Она несет, тянет или толкает машины для подготовки почвы, посева, уборки урожая. Ее кран придает сельскохозяйственным орудиям нужное положение. С его помощью выполняется и ремонт машин. Этот «мостовой земледелец» способен сам укладывать для себя рельсовый путь, что, по мнению проектировщиков, значительно упростит операции по расширению «фермы-2000» или перемещению ее на новое место. Системы ирригации и уборки урожая, о которых

говорилось выше, устроены в основном рельсового пути. Причем они рассчитаны на вакуумное оборудование, то есть на работу чело- века практически только с кнопками.

Свои энергетические потребности «ферма-2000» удовлетворит за счет солнечных коллекторов и ветровых двигателей. Проект предусматривает также, что ферма сможет при необходимости использовать геотермальную энергию.

Сделаны подсчеты экономической эффективности канадского проекта, хотя он пока только на чертежах и рисунках. Его внедрение поможет вчетверо увеличить выпуск сельскохозяйственной продукции. Главной областью применения подобных разработок будет промышленное огородничество. Даже не полное внедрение подобных проектов (скажем, без автономных систем энергообеспечения) принесет значительные выгоды сельскому хозяйству земного шара.

Концепцию «фермы-2000», утверждают канадские специалисты, можно развить таким образом, чтобы она охватывала и животноводство, и птицеводство...

Нам же остается еще раз напомнить, что идеи, предложенные канадцами, давно родились на русской земле. К сожалению, мысли изобретателя М. Правоторова, связанные с придуманным им мостовым земледелием (причем на 100-метровый захват), остаются до сих пор неосуществленными и у нас.

Новость... из прошлого

Еще одна новость... из прошлого.

Уральский краевед Ю. Курочкин сохранил проект (пятьдесят страниц машинописного текста) свердловских изобретателей Н. В. Романова и Н. С. Пастухова, в котором они почти полвека назад предлагали об-

рабатывать землю без тракторов — с помощью передвигающейся по рельсам фермы. Только, в отличие от Правоторова, они видели свое детище в больших теплицах. Машины должны были бы, по мысли свердловчан, обрабатывать землю (фрезами), орошать и опылывать растения. Вся эта многоликая электрическая техника устанавливалась на специальных площадках, она должна была щадить почву, не «топтать» ее. Согласно проекту автоматические приборы регулируют тепловой и световой режим, отсос переувлажненного воздуха, подачу питательных растворов и т. д. Проект снижал использование рабочей силы в сельском хозяйстве в сто раз и вдвое повышал урожай...

Немало в этой разработке уральских энтузиастов наивного, однако главная идея, как видим, отнюдь не устарела, а напротив, до сих пор считается дерзанием в области сельскохозяйственного производства.

Вот что мы сочли нужным добавить к очерку о Правоторове, к рассказу об идее, которая настолько же нова, насколько стара...

Ленинградские следопыты на Урале

Сергей ГАВРИН

ШЕСТЬ лет назад, 9 мая 1976 года, на урок мужества в ленинградскую школу № 154 пришел ветеран войны Алексей Александрович Шатохин. Он так интересно рассказал о боевых делах своего корпуса, который входил в состав 4-й танковой армии, что ребята решили создать в школе комнату боевой славы.

Теперь комната боевой славы стала музеем 4-й танковой армии. Многие ветераны разыскали следопыты, в том числе Анфима Павловича Мослакова, бывшего фотокорреспондента армейской газеты, — в музее появились фотопленки военных лет.

Ребята совершили не одну поездку по местам боев и формирования корпусов. В зимние каникулы этого года они приехали в Свердловск, чтобы собрать материал об Уральском добровольческом танковом корпусе.

Интересные встречи ждали их и здесь. Следопыты познакомились, например, с бывшим старшиной медико-санитарной службы Анной Алексеевной Квансковой и узнали ее историю. Во время одного из боев она задержалась с ранеными на поле боя, девушку окружили фашисты. Кончились патроны, и в то время, когда гитлеровцы уже почти схватили медсестру, позади разорвался снаряд: множество осколков вонзились в спину девушки... После немецкий офицер нанес ей еще десять ножевых ран... Анну нашли ночью два советских солдата, и она была доставлена в госпиталь. Она выжила, перенесла много операций...

На встрече с ленинградскими следопытами был со своим фронтовым другом-аккордеоном Наум Львович Ком: фронтовые песни звучали как реквием погибшим и как гимн выжившим и победившим в войне...

За прошедшие шесть лет ребята из 154-й ленинградской школы разыскали двести семь ветеранов из всех корпусов танковой армии, со всеми поддерживают связь. Те, кто основывал музей, в этом году уже окончили школу. Но на смену первым следопытам пришли другие ребята, они продолжают начатое дело.

ЧТО

ВМЕЩАЕТ

ПАМЯТЬ

ЛЮДСКАЯ

● Сергей Данилович Михеев живет в Новом Торьяле, работает мастером производственного обучения в профтехучилище. Он часто бывает в Чашкасоле, где его родина, откуда ушел на фронт и погиб его отец, многие родные и знакомые. Недавно в Чашкасоле воздвигнут обелиск в память о погибших, сделанный руками С. Д. Михеева в выходные дни и во время отпусков.

● В летнюю экспедицию учащиеся школы-интерната № 1 села Песчаное в Приртышье участвовали в раскопках возле местечка Кызыл-Тан. В свой школьный музей ребята привезли керамические сосуды, относящиеся к андроновской культуре, существовавшей во II веке до н. э.

● Не был похоронен в братской могиле в деревне Токарево под Ельней, как значится на памятной плите, сержант А. М. Большаков. Попал он в медсанбат, сражался и дальше с врагом, вернулся с войны живой. Тридцать три года работает на Североуральском бокситовом руднике. Ошиблась в 1943 году похоронка... Это установили следопыты Ельни.

● О героизме воинов из чувашского села Алтышево рассказывают номера рукописного журнала «Подвиг», который «издается» в сельской восьмилетней школе. Село проводило на фронт 397 человек. В разделе «Письма без марок» школьный журнал помещает фронтовые письма односельчан.

● Школа № 17 во Владивостоке носит имя Василия Блюхера. В музее школы собраны материалы о красном комдиве, легендарном герое гражданской войны.

● На судиславском базаре когда-то шла бойкая торговля глиняными корчагами, свистульками, сырницами, горшками... Ребята из Глебовской восьмилетней школы обошли множество окрестных деревень; сейчас в их музее собрана богатая коллекция изделий старых костромских гончаров.

● Почти четверть века понадобилось, чтобы узнать настоящее имя легендарного партизанского командира «Чуваша»; его отряд в годы войны активно сражался в рядах участников польского сопротивления. «Чуваш» погиб в одном из неравных боев с фашистами. «Чувашом» был лейтенант-пограничник Яков Николаевич Николаев. В Новочебоксарской средней школе № 4, на родине «Чуваша», побывала его вдова А. К. Николаева; она рассказала ребятам о жизни и подвиге партизана.

● Литературно - краеведческий музей Ермаковской школы в Вологодской области был открыт в год 125-летия со дня рождения писателя-земляка В. Гиляровского. В экспозиции музея более 500 экспонатов: фотографии, книги с автографами, фотокопии писем К. Н. Батюшкова, В. А. Гиляровского, П. В. Засодимского. Есть и подлинные документы.

● Музей хлеба

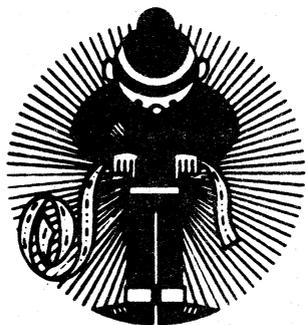
Декрет о земле... Воплощение извечной мечты крестьянина о своем поле, ленинские планы о всенародном владении землей...

Хлеб Ленинграда. Героизм и трагедия блокадного города, просвечивающий ржаной кусочек, каждый грамм на учете, хлебные крошки — богатство...

Целина. Необозримые просторства, освоенные и засеянные, мощные резервы, введенные в жизнь волею партии и народа...

Таковы разделы уникального музея, созданного в средней школе № 108 Харькова. Экспонаты музея рассказывают о нелегком труде хлебороба, о значении хлеба для всех живущих на земле, об уважении к труду земледельца. Здесь можно увидеть и материалы о Героях Социалистического Труда, и старые земледельческие орудия — цепи, ручные мельницы, плуги, которыми пользовались наши прадеды.

Обычные музейные экспонаты: документы, фотографии, сельскохозяйственный инвентарь. Но ведь хлеб — это и забота сегодняшнего дня. Поэтому на видном месте в музее — вырезки из кокчетавской областной газеты, рассказывающие о битве за последний урожай, и бюллетени школьного патруля с ежедневных дежурств в школьной столовой.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

• «Село родное

для меня»

«Это село родное для меня, лучшие годы детства и юности связаны у меня с Чугуевкой...»

Всю жизнь Александр Александрович Фадеев не порывал связи с далекой таежной Чугуевкой. Он участвовал в делах края как депутат Верховного Совета СССР; присылал книги в сельскую школьную библиотеку — более двух тысяч томов; принимал у себя в Москве чугуевских школьников.

И Чугуевка помнит своего знаменитого земляка. В школе открыт музей А. А. Фадеева, у активистов которого давняя дружба с краснодонскими краеведами, с соратниками Фадеева по гражданской войне в Приморье, по работе во владивостокском подполье, со многими писателями. Устные журналы, конкурсы на лучшее произведение, Фадеевские чтения ежегодно проводятся учащимися, и даже День школы установлен — в день рождения писателя.

...По этой земле ходили Левинсон, Бакланов, Метелица. «Здесь живые люди, герои моих произведений, колхозники, партизаны...» — писал при жизни Александр Фадеев. Об этом и сейчас не забывают его земляки.

• Был у майора Деева

товарищ — майор Петров

Всех прототипов знаменитого стихотворения Константина Симонова «Сын артиллериста» знают следопыты школы-санатория «Дружба» в поселке Красногорский Марийской АССР. Приезжал в Красногорский из Владивостока подполковник в отставке И. А. Лоскутов — симоновский Ленька. И с самим Константином Симоновым ребята переписывались, и с прототипом майора Деева — Ефимом Самсоновичем Рыклизом...

У майора Деева-Рыклиса на фронте был еще один товарищ по фамилии Петров... Не майор — сержант. Живет Константин Семенович Петров в одном с ребятами поселке, и через него-то следопыты школы и «вышли» на Рыклиса. Майор Е. С. Рыклис был командиром артиллеристов 27-го стрелкового корпуса. Петров служил в охране штаба артиллерии. Вместе прошли они боевой путь от Курской дуги до Праги. Долгие годы после войны хранил Константин Семенович Петров фотокарточку, подаренную ему при демобилизации Е. С. Рыклизом, уже полковником. Только двадцать пять лет спустя смог разыскать Петров своего командира. Они переписывались, а когда Рыклиса не стало — Петров ездил поклониться его могиле.

...Учат ребята стихотворение «Сын артиллериста», и рассказывают не только о героях Симонова, но и о своем земляке К. С. Петрове, прошедшем с артиллеристами одними фронтовыми дорогами.

• Осталась в строю пионервожатая

Оля Тихомирова до войны была пионервожатой. Война изменила ее планы: Оля окончила курсы медсестер. Но когда послали ее в партизанский край, стала Оля разведчицей. Ходила в оккупированные фашистами деревни, приносила сведения, с учетом которых партизаны разрабатывали свои операции. Однажды с фронта фашисты оттянули танковую бригаду, отозвали с отдыха отборную часть СС, чтобы справиться с народными мстителями в Шелбовских лесах.

Тяжело было пробиваться партизанам. Ранили командира, и Ольга взяла командование на себя. «Вперед!» — крикнула она и повела отряд на врага. В этом бою она и погибла. Вынесли ее товарищи из боя на руках, уже неживую.

В школе № 2 Йошкар-Олы, где училась партизанка, есть «Олина комната». Смотрит с фотографии задумчивое девичье лицо, черные волосы, коротко остриженные под пилоткой с красной звездой. Сохранившийся экземпляр партизанской «Витебской правды» рассказывает о подвиге бесстрашной девушки в белорусских лесах. Висят картины, нарисованные юными художниками, — любимые Олины ромашки и васильки...

Ольга Тихомирова и сегодня с ребятами, на всех сборах и линейках. На нее равняется, на ее примере воспитывается новое поколение.

• Комиссару и писателю

Чапаевскому комиссару, писателю Дмитрию Фурманову посвящена комната-музей средней школы № 18 Славянска-на-Кубани. Немало интересных материалов собрали следопыты. Анна Дмитриевна Фурманова, дочь комиссара, подарила школьникам большую коллекцию фотографий. Главное место в музее занимают, конечно, книги Д. Фурманова: «Чапаев», «Мятеж», «Красный десант».

События, описанные в «Красном десанте», происходили в здешних местах. Десант, комиссаром которого был Дмитрий Фурманов, внезапно проник в станицу Гривенскую и наголову разгромил улагаевскую банду. За эту операцию комиссара наградили орденом Красного Знамени.

На открытии комнаты-музея к школьникам приехали гости: дочь Дмитрия Фурманова, представители из города Иванова — родины писателя, члены краснодарской писательской организации.

Вернуть

Лия
ГЛАЗУНОВА

Так уж случилось, что захала я после университета в далекий таежный поселок. Вернее, залетела, ибо сюда — «только самолетом».

Всю предыдущую жизнь, мечтая быть педагогом, представляла, как каждое утро буду подниматься по ступенькам новой, светлой, просторной школы. Как, раскрыв рот, будут слушать мои рассказы о хороших книгах умные шаловливые ребяташки. Моя же школа оказалась маленьким одноэтажным домиком с решетками, отделенным от всей зоны деревянным забором, а ученики — правонарушителями, прошедшими огонь, воду и медные трубы.

Наш директор Людмила Владимировна Смирнова, для меня — просто Люся, всего двумя годами старше, открыла дверь класса и слегка подтолкнула вперед. Первый урок — всегда страшно, но когда учитель еще и учеников боится... Проглотив комок в горле и пытаясь унять дрожь в коленях, трясущимися руками раскрыла журнал.

— Кто присутствует? — Огляделась.

Все бритые, все в полосатой форме (полосатые брюки, куртки и даже, как выяснилось впоследствии, кепочки). Все какие-то одинаковые. Сразу поразило — за партой по одному человеку. Может, тесно вдвоем?

— Вы наша новая учительница? А кто вы? Откуда? Вы нас боитесь, наверное? Вы не бойтесь. — Проникательный ученик отозвался при перекличке на фамилию Кузнецов.

Почему-то я их всех сразу запомнила. Нет, разумеется, в коридоре они по-прежнему казались одинаковыми. Но в классе я безошибочно поднимала с первой парты Голоногова, с последней — Романова, а у окна — твердо знала — сидит Орешин. Не задумываясь о причинах столь редкой памяти, ученики мои были поражены и польщены...

Как-то во время урока потух свет. Это здесь частенько бывает. Конечно, я была строго про-

инструктирована и знала, что надо вспомнить какую-нибудь фамилию и попросить проводить меня до учительской. Но когда в классе воцарилась темнота, а еще не привыкшие к ней глаза не могли различить местонахождение учеников, зато уши, ставшие удивительно чуткими, улавливали каждый вздох, каждый шорох, я снова испугалась, начисто забыв не только, как выглядят мои ученики, но и их фамилии.

Однако услужливая память вытолкнула откуда-то из глубины: «Засядьволк!»

Впрочем, не так уж он мне понадобился, обладатель столь редкой фамилии. Все равно ему в тот момент за мной не угнаться было...

Как мы уговаривали их учиться! Ходили по баракам, беседовали, рассказывали о школе.

— Будете заниматься?

— Нет. Не хочу. Зачем?

Но приходили. Раз, другой — из любопытства. И оставались.

Было и смешное. Например, Шах-Мурза Махмутов. Ему около пятидесяти. Предложили, было, не ходить на уроки, а он:

— Тебе деньги нужны, а мне — свежий воздух.

Впрочем, может, это и не смешно?

Первым начала отличать Сашу Гурина. Высокий, стройный, подтянутый, Саша свою полосатую форму носил всегда, как фирменный костюм, ухитряясь даже стрелочки сохранять на брюках. Не скрою, поначалу он мне понравился. Но вскоре... Этот тихий вкрадчивый голос. Эта бесшумная кошачья походка. И вмиг посеревшее лицо одиннадцатиклассника Соколова, его остекляневшие глаза и нервно загибающие по столу длинные пальцы — все в ответ на нежный из-под чуть-чуть прикрытых век взгляд Гурина. Соколов мешал мне проводить урок. Гурин по-джентльменски помог. Но как же его бояться!

Однажды Саша принес почитать свои стихи. С точки зрения поэтической — ниже всякой критики.

Человека

Тема одна — достоинства (главным образом) и редкие недостатки учителей. И мне посвятил: «А если придется расстаться с тобой, я буду равнять тебя с черной бедой...»

За всю жизнь не прочитавший, кажется, ни единой книги, Гурин придумал себе романтическую историю, в которой он — незинно пострадавший, взявший на себя вину своего брата.

А история у него самая заурядная.

— Ну, ограбил прохожего, ну, снял с него часы, туфли, отобрал бумажник, — объяснял он следователю.

Каким-то образом Гурину стало известно, что я прочитала его личное дело. Романтическая версия, попытка заинтересовать своей особой провалилась, и Саша Гурин откровенно заскучал...

— Цыганов, вы почему такой злой?

Смуглый черноволосый красавец с золотой фиксой насмешливо кричит рот:

— Все такие. Только другие скрывают. А о нас вы еще прочтете в «Литературной газете».

И на мой недоумевающий взгляд добавляет:

— В судебных очерках.

В сочинении он пишет: «Убийца, головорезам нет места на нашей земле», а в разговоре: «Убивал и буду убивать».

Цыганов всегда был не то чтобы лидером оппозиции. Как таковой, оппозиции, собственно, не было. Было лениво-выжидательное отношение, был откровенный интерес и было снисходительное равнодушие. Но Цыганов всегда занимал полярную нашу точку зрения. Был рупором тех идей, тех настроений, которые мы всеми знаниями, всем своим отношением к работе, к жизни старались опровергнуть. Однокурсники не одобряли Цыганова, но и не мешали ему вести с нами «идеологическую» борьбу.

Все противоречиво, запутано, трудно в наших учениках. Им нельзя верить, но не верить им совсем тоже нельзя. Плохое отношение к себе они давно воспринимают за норму. Удивить их этим невозможно.

...О сень. В тайге мрачно и пасмурно. Весь день шел дождь. А ночью ударил мороз. Поселок заledenел. Передвигаясь, мы держались руками за забор, покрытый ледяной коркой. При малейшем ветре деревья звенели. Но скупое солнце растопило первый лед.

А потом была зима. Дважды в день топили печь, прочищали дорожки во дворе, убирали с крыльца белый-белый снег.

Мы с Люсей делали из снега мороженое, перемешивая его со сгущенным молоком.

С работы возвращались поздно. По пустынной деревенской улице проходили мимо едва заметных контуров домов — ни одного светлого. Тихо. Лишь далеко разносится скрип снега под ногами да изредка раздаются сонный лай потревоженной собаки. Тусклые фонари пытаются осветить черноту. Один человек написал: «Вдруг с фонаря, как пепел с сигареты, стряхнет опухший столбик темноты»...

Страх давно пропал. На уроки ходила с удовольствием. Много времени отдавая подготовке, все больше сожалела о пропущенных в университете лекциях и все чаще жалела наших нерадивых учеников. Учила их, училась сама.

— Вас пожалеть — вам же навредить, — однажды вырвалось на уроке.

— Нет, что вы этим хотели сказать? Ну, пожалуйста, объясните. Мне это важно, — одиннадцатиклассник Андрей Барышников буквально не давал прохода: «Мать моя тоже пожалела меня когда-то. Дала возможность погулять, отдохнуть, не работая, не учась. Я и погулял два месяца. А потом... В общем, лиха беда начало. Полжизни бы отдал, чтобы другую половину на свободе прожить».

К тому времени я уже знала, что дома его ждет много лет жена, которую он любит, но которой не верит, несмотря на то, что она постоянно навещает его. «Я с ней жить все равно не буду, — но тут же добавляет: — А лучше моей Наташки никого на целом свете нет».

Все слова, слова...

Перед самым Новым годом наш гордый Саша Иваненко, обладатель черных ударных глаз, неожиданно заявил от имени класса: — Выпускные экзамены сдавать не будем.

Когда же я, справившись с удивлением, поинтересовалась причинами такого решения, спокойно, с самой приветливой и доброжелательной улыбкой, от которой по классу солнечные зайчики бегают (металлические зубы свет отражают), объяснил:

— На второй год останемся. А то аттестаты выдадите, а в школу больше не пустите, — и, откинувшись за парту, он развел руками.

Ох, как возгордилась я в душе...

Учитель всегда под обстрелом глаз. Ему и в обычной-то школе приходится быть верховным судьей, взвешивать каждое слово, когда вспыхнет дискуссия или конфликт, а в спецшколах требования к педагогу в стократ выше. Ибо за риторическим, подчас, вопросом обнаруживается целая жизненная философия.

Круглоголовый десятиклассник Сухов Валерий Николаевич, открывшись любя себя, поинтересовался:

— А вы к кому лучше относитесь: к вора́м или к хулиганам?

Для Сухова тут нет вопроса. Этот беззлобный, в сущности, драчун и бузотер никак не может понять, что ему 37, что он уже не мальчик, но муж, что пора взрослеть и уметь. Более того, он уверен, что и я отдам предпочтение хулиганам.

— Не хотелось бы мне встретиться на пустынной улице с наглыми распоясавшимися молодчиками, которые уверены, что правды на земле нет, а значит — «все позволено», а в толпе не хочу оказаться рядом с вором, действующим тихо, тихо, украдкой. Что страшнее? Об этом думайте сами.

И все-таки мы пытались в каждом из них найти что-то хорошее. Вот Иваненко — честный, Ткачук — добрый, Барышников любит жену...

Собственно, добрый, честный — это уже много. Достаточно было — незлой, нелживый, неподлый. При том, что все они издерганы, подавлены (жизнь, молодость идут мимо), как не похож независимый гордый Иваненко на привязчивого, ласкового Ткачука, а невыдержанный, скользкий Цыганов на максималиста Круглова.

Круглов. Невысокий, коренастый, с большой головой, куртка расстегнута до пояса. Майка вызывающе отсутствует. На голой груди — замысловатый рисунок. Нагло поглядывает на меня своими круглыми глазами:

— Вы же не хотите, чтобы я шел к этой... — Вместо своего одиннадцатого, он явился на мой урок в восьмой класс. И сейчас с интересом ждет реакции: польщусь ли я на его фальшивое предпочтение или потребу соблюдения школьной дисциплины и уважения ко всем учителям.

— Немедленно покиньте класс. И... и куртку застегните. — Бесконечные кругловские проверки любого человека из себя выведут, даже при самом доброжелательном отношении.

Бескомпромиссный Круглов всегда был ревниво требователен. Не желал прощать нам никаких слабостей и недостатков. Мы просто обязаны были вести себя соответственно его идеалу. Он все время метался, бросался из одной крайности в другую. От страстной любви — к глубокой ненависти, то становится доверчивым и ласковым, то вдруг подозрительным и злым. Стыдясь и в то же время бравлируя своим положением, он в корне пресекал все попытки «воспитания», которые по своей мнительности усматривал чуть ли не в каждом нашем слове. Часто обещал:

— Брошу я школу. Мне в этом заведении все не по душе.

Мы не спорили. Уже поняли: рано или поздно все равно он вернется. «Приручить» Круглова оказалось едва ли не проще других. Слишком уж хотелось ему быть «прирученным», несмотря на все его гипертрофированное самолюбие.

Полгода прошло с того дня, когда впервые на моем уроке потух свет. Была литература в одиннадцатом, когда все снова погрузилось в темноту. В напряженном молчании ученики ждали. Тишина несколько затянулась.

— Собирайте учебники и тетради.

— А вы что, нас не боитесь? — раздался с последней парты голос Лисенко.

— Вас нет, — засмеялась.

Напряжение спало. Все разом зашелестели, задвигались.

— Вы нас не боитесь, потому что верите нам.

— Хочу верить, — и подумала про себя: «Не слишком обольщаться»...

Как-то на уроке:

— Вы не знаете материала. Я ставлю вам двойку, Мельников.

— Мне?! — Мельников, считающий, что заслуживает удовлетворительной оценки хотя бы за свой почтенный возраст (немного за тридцать) и знание жизни, оскорблен до глубины души.

Конфликтную ситуацию, как всегда, моментально использует Цыганов:

— Ах, вы двойку посмели поставить! Так мы к вам больше на уроки не придем. На нас не рассчитывайте. И на остальных, впрочем, тоже.

Один Мельников, скорее всего, не посмел бы, но, поддержанный Цыгановым, тут же покинул класс, демонстративно хлопнув дверью. А я, заледенев, ждала, что за ними поднимутся и остальные.

Остальные не поднялись. Все скромно промолчали, уставив глаза в парты. «Мы ничего не видели, не слышали, не знаем и не хотим знать».

Лишь могучий, двухметроворостый Лисенко выдавил:

— У меня шея тонкая отвечать за всех.

За две недели класс перебродил. Кто за, кто против, и против чего? — понять было невозможно. Но решилось все как-то само собой.

— Так дальше нельзя. Давайте исправлять положение, — Мельников перед уроком подошел к учительской.

— Ну что ж, я не возражаю. Возьмите тему сочинения.

А через день Цыганов, заискивающе-самоуверенно улыбаясь:

— Я с вами больше не конфликтую.

— Это, Цыганов, ваше личное дело, — у нас установка: на компромиссы не идём, вызовы не принимаем.

К 8-му Марта я получила столько поздравлений, сколько не наберется за всю мою предыдущую жизнь. Стол в учительской был буквально завален открытками, в которых наиболее смелые от себя лично, а те, что поскромнее, — от имени класса желают нам всех и всяческих благ.

Открыток было так много, что мы не сразу разглядели пышную, как торт, шкатулку, украшенную многочисленными розами, незабудками, ромашками (подобные вещи, говорят, заключенные делают из хлеба. Сначала жуют его всей каме-

рой, потом лепят форму, которую затем покрывают краской. Так ли это, утверждать не берусь).

Шкатулке этой (ибо подарок) определили почетное место в учительской, но когда покидали школу после уроков, наш дневальный, ответственный за порядок в школе, не очень уверенно поинтересовался: — Почему же вы не забрали шкатулку? Это лично вам подарок от Иваненко.

Я усомнилась, но после праздников Барышников подтвердил:

— Это лично вам.

Всобщето я в принципе против подарков учителям. Они обязывают, мешают искренности в работе. В условиях колонии это особенно важно. Раз приняла подарок — не имею права отказать в просьбе. А просьбы здесь могут быть самые неожиданные. И несмотря на то, что именно Саше Иваненко я верю, тут есть еще нюанс: стоит только принять один подарок, их понесут чередой. И тот же Иваненко первый начнет переживать и в конце концов осудит мою «нестойкость». А кроме всего, подарки здесь просто запрещены.

Но что делать в конкретном случае, я не знала. Саша Иваненко заметно выделялся среди всех. Человеческий характер, очень дисциплинированный, серьезный и честный, он умел внушить к себе уважение.

Да, конечно, начало его жизни в колонии характеризуется невероятным количеством докладных, взысканий, наказаний за отказ от работы, за своеволие, непочтительность. Но вдруг — не берусь утверждать, с чего именно, наверное, здесь сказался целый комплекс причин и обстоятельств — Саша твердо решил взять себя в руки. Сейчас это лучший производительник, лучший бригадир, все взыскания с него сняты, он получает бесконечные благодарности. Наконец, в этом году пошел в школу. Иваненко очень одинокий запутавшийся человек. Юность кончилась, уступила место зрелости, а вместе с ней пришло, видимо, понимание своей вины.

Люди, много лет проработавшие в колонии, говорят, что очень часто у человека именно, к 25 годам происходит резкая ломка характера. Юношеская бравада кончается.

Римляне говорили: «Суровый закон, но закон». Но если бы можно было выпустить Сашу на свободу сейчас! Кто знает, что может случиться за пять лет. А в одиннадцатом классе у него самый большой срок судимости.

Иваненко обиделся за «равнодушие» к подарку. Стал подчеркнuto плохо вести себя на моих уроках: разговаривал, вертелся, не грубо, но настойчиво выказывал неповиновение.

— Иваненко, задержитесь после урока.

Все вышли, старательно затворив дверь класса.

— Саша Иваненко, ну за что вы на меня сердитесь? Знали ведь, что нельзя!

— А вы мне в душу наплевали.

Примерно это я и готовилась услышать, сочинив накануне ночью огромную оправдательную речь, в которой выявила все причины и следствия создавшейся ситуации. Но... посмотрела в его глубокие, тоскливые, черные-черные глаза, остановила взгляд на нервно подергивающейся верхней губе (это Иваненко-то, такой сдержанный всегда!), и все забыла. Только пролепетала жалко:

— Я ее заберу, Саша, обязательно заберу. Только позже.

Мгновение — и лицо осветилось неповторимой ослепительной Сашинской улыбкой.

Вышла из класса и сразу наткнулась на устремленные со всех сторон любопытные взгляды: «Интересеее-сно».

Потом в учительской, уже успокоившись, я мысленно высказала все, что думаю о себе по поводу случившегося (ничего хорошего). Горечь до сих пор сохранилась. Всякие чувства здесь надо душить в зародыше. Ничего, кроме муки, они не принесут. А вдруг наоборот?

В общем, я плавала, как двоечник у доски.

А у Иваненко появился повод считать, что я его обманула (посоветовавшись с Люсей, мы решили, что раз уж так получилось нескладно, то заберу я эту шкатулку после экзаменов, чтобы ни у него, ни у меня не было неприятностей). Саша прекратил болтовню на уроках. Он просто усвоил новую позу за партой: повернувшись ко мне своим иссиня-черным затылком, выражая полнейшее презрение и обиду, распространял по классу флюиды злости...

А весна тем временем входила в свои права. Снег потерял белизну и пушистость, осел. Пригрело солнце, обласкало землю, подсушило пролитые зимой слезы, превратившие дороги в непроходимую грязь. Черная, жирная, чавкающая, она засасывала всех, проявивших неосторожность и рискнувших сделать первый шаг.

Как-то Вовка Ткачук (ни Володя, ни Вова к нему не подходит) принес показать мне аккуратно подклеенный альбом с фотографиями. Там все его родные — мать, сестры, брат. А на одном, пожалевшем уже снимке, разглядела — рослый кудрявый парень с неуловимо знакомыми чертами лица.

— Ткачук, это вы, что ли?

— Нет, это Владимир Михайлович, я — Шпана.

Шпана — его кличка.

Ткачука всерьез никто не воспринимает. Он не настоящий представитель уголовного мира, а так — мелочь, шпана. Я вообще не понимаю, каким образом парни вроде Ткачука, Лисенко попадают в особый режим. Не столь они жестоки, нет в них озлобленности, на все человечество, есть совестливость. Просто в силу умственной ограниченности, инфантильности (это, разумеется, не оправдание) они забывают о своей несокрушимой силе и не умеют вовремя остановиться.

Если правда, что каждый человек похож немного на какое-то животное, то Ткачук всегда напоминал нам щенка московской сторожевой. Большой, неуклюжий, мохнатый (в любом случае Ткачука я воспринимаю с огромной рыжей шевелюрой). Каждый урок просит:

— Возьмите меня на поруки.

И еще:

— Как выйду, первым делом женюсь. Я, знаете, свою царевну-лягушку ищу. Где-нибудь рядом с педагогическим.

По его мнению, самые лучшие девушки непременно идут в учителя.

Но, откровенно говоря, справиться с Ткачуком я не могла. Сердилась на его безалаберность, ругала за лень, за нежелание учиться, но постоянно испытывала желание взерошить его отросший ежик, пожалеть. Он, видимо, чувствовал это и платил мне самой искренней привязанностью, которая выражалась в том, что ходил за мной из класса в класс.

Правда, мы не ругали его слишком сильно еще и потому, что узнали, как он серьезно болен.

Сообщил нам об этом врач.

— У Ткачука опухоль. Да что вы расстраиваетесь, подумаешь, одним уголовником меньше будет. А может, еще и обойдется.

Только в этом году Дима Крутяков (Дмитрий Васильевич) закончил медицинский институт, а ведет себя так, будто все больные ему уже давным-давно надоели, и он смертельно устал от жалоб на плохое здоровье. Конечно, его пациенты изолированы от общества в силу своей социальной опасности, но ведь для него они в первую очередь больные, а уж потом преступники, так же как для нас они сначала — ученики. По крайней мере, так должно быть.

Проходило время, и все более откровенными стали наши беседы, наши споры, крепко желаемые помочь ребятам.

— Какие качества вы больше всего цените в мужчинах? — на этот вопрос Гурина, молчаливо поддержанный остальными, я отреагировала автоматически, не задумываясь:

— Доброту, великодушие, — и тут же, честно говоря, забыла о разговоре, как о несущественном в период подготовки к грядущим экзаменам.

Если бы я знала, во что все выльется, то именно с этой фразы я начала бы свой первый урок в школе. Казалось, с того дня наши молодые люди старались перещеголять друг друга в доброте и великодушии. Улыбки не сходили с их лиц, все сердитые взгляды остались за порогом школы.

Саша Иваненко явил наконец свой лик, предварительно поинтересовавшись у Люси:

— Я наглый?

И получил в ответ:

— Иногда проскальзывает.

Я вообще-то всегда надеялась, что с Сашей у нас вновь установятся добрые отношения.

Даже Цыганов в это время несколько притих, помягчел как будто. Ребята все чаще отказывались его поддерживать. А на рожон он не лез.

Именно в эти прекрасные дни пришла нам идея устроить выпускной вечер. Мы так стремились к тому, чтобы наша школа как можно больше походила на обыкновенную.

Заручившись поддержкой администрации и учеников, приступили к делу. Чтобы все оформить документально, составили длинные поименные списки учеников и занялись сбором подписей.

— Саша Иваненко, — протягивая ему весь исчерченный, исписанный листок, — найдите себя и распишитесь.

Взгляд несколько исподлобья, задумчиво:

— Себя найти, знаете, как трудно!

На одном из уроков маленький юркий Валера Артемов недоуменно вопрошал:

— Что же нам теперь делать? Даже если мы просто будем проходить мимо дерущихся, то все равно окажемся виноватыми.

Я только попыталась ответить, как Иваненко гневно перебил:

— А если рядом будут обижать девушку? Тоже стороной пройти?

Ах, как они смотрели на меня тогда!

— Вступиться ли вам за девушку, спрашиваете? А если вместо девушки будет старушка или молодой человек? Захотите ради них рискнуть?

Молчание было мне ответом. — Вы не человека вообще думаете защищать. Хотите себя героями почувствовать перед прекрасной незнакомкой, из беды вырученной.

Все романтику ищете. Не плохие мотивы, разумеется, но до настоящего благородства еще далеко...

А Гурин вновь принес почитать свои вирши. И неожиданно доставил несколько приятных минут. Нет, не стихами. Я читала их уже в «Трудной книге» Г. Медынского, но то, что Саша заметил их, выписал в свою тетрадь и, возможно, прочувствовал, уже хорошо. Обращаясь к стране, к Родине, умоляя о прощении, человек похожей судьбы написал:

...Я много вынес. Понял тоже много.
Не в силах больше прятать
в сердце боль.
Хочу идти счастливою дорогой
И быть всегда и быть во всем
с тобой.

И все-таки не верю я ему до конца. Может быть, потому, что опять он попытался обмануть, выдать чужое за свое. Хотя вообще-то Гурин заметно изменился.

Он давно забыл свою легенду: «Старшего брата у меня застрелили при попытке к бегству, другого — зарезали в пьяной драке. Знаете, они так расхваливали мне преступную жизнь, в которой якобы один за всех и все за одного, что я просто потерял голову. Спать не мог, есть не мог, так в тюрьму хотелось». Как нарочно, именно в ту минуту, когда Гурин закончил говорить (мы стояли с ним на школьном крыльце), раздался звук горна. Это в соседней колонии (режим легче) играли отбой. Саша тоскливо рассмеялся:

— Там еще романтики, здесь уже рецидивисты. Боже мой, какая глупость видеть красоту в этой убогой, жалкой жизни. Скоро я освобождаюсь. И ни за что не хочу обратно...

Где-то в это время мы обратили внимание на некоторую возбужденность Круглова. Очередной раз затеяв с Людмилой Владимировной беседу во спасение души, он, похваставшись своими нахальными глазами, достал финку. От неожиданности она онемела и буквально прилипла к полу, не в состоянии пошевелиться. Круглов же, выждав определенное время и убедившись, что она не закричит, не позовет на помощь, а также насладившись ее растерянностью, протянул нож ей:

— Возьмите.

— Нет! — Она твердо уверена в правильности принципа — ничего не брать у учеников.

— Возьмите! Если вы возьмете этот, другой я делать не буду, а значит — с прежней жизнью покончу.

Не надо думать, что легко дался отказ директору школы, историку, просто хорошему человеку Людмиле Владимировне Смирновой. Не одну бессонную ночь провели мы,

обдумывая, правильно ли она поступила, прикидывая возможные варианты, выискивая истину и, возможно, кто-то не согласится с нами, решение все-таки было однозначное.

— Если вы, Круглов, действительно решили начать другую жизнь, вы ее начнете независимо от того, возьму ли я нож, а если это только красивые слова, то тем более я буду права, не приняв от вас этот дар, слишком уж он обоюдоострый и крепко жалит. Но за доверие — спасибо...

А потом мы писали сочинение. И ребятам, наверное, мешал немного запах увядающей слегка черемухи, принесенной нами из леса и прямо в ведрах расставленной по классу.

Всего месяц назад я волновалась и беспокоилась вместе с ними, мечтая, чтобы темы были интересными и не слишком трудными. И вот: Горький, Чехов, литература о Великой Отечественной войне.

Стоит прикрыть глаза — они все передо мной: такие разные, лица у всех вдохновенные, задумчивые. Погружен в себя Саша Иваненко, увлеченно пишет Круглов, сидящий на второй парте Валера Артемов сосредоточенно грызет ручку, а Саша Гурин осторожно списывает...

Изредка выходили в коридор покурить. Жадно делали несколько затяжек и торопливо возвращались.

Случайно увидела, как оба наши Саши шагнули к крыльцу, где собравшиеся «больельщики» достали литровую банку с какой-то коричневой жидкостью (не думаю, чтобы это был кофе). Гурин мгновенно перехватил инициативу:

— Мне, — и бросив виноватый все-таки взгляд в мою сторону, — надо нервы успокоить.

Я его сначала отругать хотела, но, увидев, что Саша Иваненко, отмахнувшись, как от чего-то очень надоевшего, повернул в класс, обрадовалась. В конце концов, пока Гурин не остановится сам — его никто не остановит...

Вернулся из больницы Ткачук. Отдохнувший, освеженный (как ни странно звучат подобные слова в отношении человека, перенесшего сложную операцию).

— Да нормально я себя чувствую, — остановил меня в школьном коридоре, — снимите у меня со счета 20 рублей на подарки всем учителям. Ну, пожалуйста.

Нет, Ткачука всерьез воспринимать трудно.

• — Ткачук, вы у нас сам по себе подарок.

Улыбка немножко виноватая:

— Я нет, я пока в тюрьме...

Да, пока они в тюрьме. Но пройдет время — недели, месяцы, годы, — и наступит тот счастливый для них миг, когда столь долгожданная свобода станет возможной. И я очень хочу верить, что тогда и Сашу Иваненко, и Вовку Ткачука, и Славу Круглова, и остальных крутые жизненные дороги не приведут обратно, что оставят они навсегда в прошлом и полосатую форму, и колючую проволоку, и нашу маленькую добрую школу.

Конечно, у них, у наших ребят, будет много трудностей. Но я бы очень хотела, чтобы не опускались у них руки, чтобы не отдавались они на произвол течения, чтобы как можно больше встретили на своем пути честных, добрых и справедливых людей.

Эта удивительная охота

**Олег
КАПОРЕЙКО**

Всякий раз, когда я достаю с книжной полки стопки полевых дневников с потертыми корками, листаю их потемневшие от времени страницы или, в поисках нужного негатива, просматриваю «лесной» фотоархив, записи и снимки будоражат воспоминания: мысленно уносись то в казахстанские степи, то в тундру, то на озера... Словно вновь побываешь в весеннем лесу на глухаринных, тетеревиных и дупелиных токах, постоишь вечерней зорькой на тяге вальдшнепов, пройдешься тихим пасмурным утром по осеннему лесу, слушая музыку падающих на землю листьев, а заглянув в зимний лес, увидишь лосей, жирующих в мелком осиннике, и ровную строчку лисьих следов на поле, заячьи тропы, снежные домкликунки, в которых холодную ночь провели тетерева...

Встречи, встречи в лесу, на болоте, на озере, в тундре. Сколько их было! Всех не перечтешь, да и не вспомнишь сразу. Удач и неудач — тех и других хватало, но удач все же бывало больше. Радость от увиденного, услышанного, подсмотренного, неожиданного и интересного — все это сберегли памятные тропы фотоохотника. Что это за тропы? Какне они? Да самые разные: одни ведут через кочковатое болото, другие — полем, третьи — по почной, еле видимой, раскисшей от весенней воды земле, а то и по непро-

лазным камышам. И так километр за километром, шаг за шагом, ранним утром, ночью, жарким днем. Но все к одной намеченной цели — остановить мгновение, за которым так долго шел.

В последние годы я все чаще сравниваю фотоохоту с ружейной охотой. И неслучайно: в них есть много общего. Но первая «охота», с уверенностью могу сказать, труднее, хотя имеет большие преимущества — для нее нет запрета, она открыта круглый год, она бескровна. Роднит тот и другой вид охоты необходимость знания повадок птиц и зверей, их биологии, умение ориентироваться в тех местах, куда попал впервые, владение кое-какими практическими навыками — как устроить ночлег, разжечь костер в любую погоду и, наконец, старание быть незамеченным зверем и птицей. Все эти качества надо непременно иметь человеку, как вышедшему на охоту с ружьем, так и тому, в руках которого фотоаппарат. Говорю об этом, исходя из личного опыта.

Тропа фотоохотника открылась для меня после того, как я прошел немалый путь ружейного охотника. Признаюсь, и сейчас обычную охоту не бросил, просто стал больше уделять внимания фотоаппарату. Причин тому две. Первая — поуменилось птицы и зверя в лесах, ограничилось, сжались сроки охоты. Вторая причина проста: захотелось испытать свои воз-

возможности, проверить, способен ли войти в живую природу незамеченным, увидеть ее скрытый, «закулисный» мир.

С первых шагов возникли трудности: не было нужной оптики, светочувствительной пленки, надежной фотоаппаратуры. Но были огромное желание и мечта, которые звали вперед, в дорогу. Теперь, когда есть в запасе кое-какой опыт и багаж лесных фототрофеев, когда познал радость удач и горечь поражений, можно и поделиться секретами фотоохотника.

Написал слово «секреты», а потом, было, хотел зачеркнуть. Почему? А есть ли они, секреты? В общем-то есть, но самые что ни на есть простые. И кроются они не в каких-то уловках и хитростях, а в элементарном. Но прежде чем продолжить начатое, осмелюсь сказать, что встать на тропу фотоохоты может далеко не всякий. Кроме того, что фотоохота требует технического оснащения, немалых затрат, она предполагает и наличие определенных человеческих качеств, которыми не похвастается каждый: это, прежде всего, колоссальное терпение, если хотите — десятикратное, и фанатическая настойчивость. Без этого не удастся, например, спрятавшись в камышах, часами сидеть в утлой лодчонке, в то время как над головой печет солнце, или терпеливо сносить укусы микроскопических мошек, от которых не спасают ни накомарник, ни отпугивающие мази; при этом в любую секунду надо быть готовым поймать в стеклянный глаз объектива того, кого упорно ждешь.

Вообразите, каково ухитриться в маленьком тесном скрадке выполнить комплекс упражнений согревающей физзарядки, тогда как в нескольких шагах от тебя птица, за которой охотишься не первый год. Победа уже рядом, а ты оцепенел от холода, по спине бегают мурашки, пальцы рук не слушаются, металл фоторужья кажется ледяным.

Очень важно уметь перебороть себя, превозмочь, заставить подняться в любое время ночи с теплой постели и идти сквозь темноту, спотыкаясь о корни и кочки. Идти туда, где ждет удача.

Удача — это радость победы. Она поднимает боевой дух и настроение, не дает угаснуть зажженному огоньку. А неудачи несут с собой никем и никогда не оплачиваемые затраты. Но и неудачи, если оценивать их трезво, могут заставить собраться и достичь того, что не удалось.

И это еще не все. Человеку всегда не хватает времени. Но в фотоохоте нехватка времени ощущается по-особому остро, его, как

бы ты ни хотел, всегда катастрофически не хватает, за ним всегда погоня: это погоня за уходящей весной или осенью, за вечерней или утренней зорькой, за тем часом, который нужен...

Признаюсь, сделать даже с виду простой снимок, например красивый закат или рассвет, пейзаж заснеженного леса, ветку, покрытую кристалликами куржака, бурное таяние снегов, — совсем нелегко. Это ведь не только картина природы, это — уловленный миг ее настроения, состояния в разное время дня, года. То не хватает освещения при пасмурной погоде, то нет свежавывающего снега, куржака на ветках, то не радует глаз насыщенность красок рассвета, заката. Мало ли других разных помех! Все в природе, в ее жизни не просто. Что увидел вчера, не увидишь сегодня, и увидишь ли еще когда-нибудь...

...Сборы — один из ответственных моментов, пусть даже выход на природу предполагается на два-три дня. Отправиться на фотоохоту, не продумав в деталях все заранее, значит обречь себя на неудачу. Разве уж повезет.

Для себя при мысли «сбор» достаю прежде всего три листка чистой бумаги. На первом крупно пишу красным карандашом список фотоприменений, на втором — одежды, на третьем — продуктов. Перечисляю все, что необходимо взять. Таких списков было у меня столько, сколько поездок. Некоторые листки храню как память о дальних странствиях. Недавно, просматривая их, заметил одну деталь: сколько бы ни прошло лет, списки-перечни необходимых в дороге вещей и продуктов начинались всегда одинаково, с одних и тех же слов: спички, соль, теплое белье...

Особо продумываю, где придется жить: в избушке, палатке или просто под деревом у костра, натянув с подветренной стороны кусок брезента. Ведь что ни говори, в лесу, в поле, на озере никто не позаботится о тебе, построив специальную гостиницу!

Близится день отъезда. В углу комнаты растет грудка необходимых вещей. Все, что подготовлено, должно быть упрятано в рюкзак, ящик, мешок. Да не как попало, а по порядку, вещь к вещи, аккуратно. Бьющиеся предметы завернуты в мягкие тряпки, заполнен каждый свободный сантиметр.

Вспоминается случай, как мы с приятелем, постоянным моим спутником Геннадием Борискиным, укладывали вещи перед отправкой их на север, в тундру. В небольшие по объему ящики ему удалось утолкать небывало много различного рода вещей. Полтоны гру-

за тогда мы отправили по железной дороге пассажирской скоростью, а сами налегке вылетели самолетом.

Да и потом, если рядом товарищ, все устраивается надежно и удобно. Пока я прочесываю ближайший лес в поисках старых и новых знакомых, он благоустроивает избушку, ремонтирует нары-лежанки, сколачивает полки для продуктов, готовит кострище. С ним я чувствую себя много увереннее, впрочем, и обо мне он говорит то же самое. Возвращаясь с утреннего похода, знаю, что в избушке тепло, что есть чай.

Но, к сожалению, чаще приходится жить одному и управляться со всем хозяйством самому.

...Рюкзаки. Сколько их, разных по размерам и конструкциям, перебывало в моих руках! Но все же до сегодняшнего дня я так и не приобрел такой, какой бы хотелось иметь. Случается, зайдешь в магазин — глаза разбегаются от обилия рюкзаков: и цвет хороший, и спицы вроде бы неплохи, и размер подходит. Но стоит только взять в руки, осмотреть поближе, сразу замечаешь кучу недостатков. Узкие заплетные ремни. А как прищипы к самому рюкзаку?! Держатся на честном слове! Да и рюкзак — урод: внизу широко, сверху узко или наоборот. Похоже, что тот, кто конструирует и изготавливает рюкзаки, никогда не носил в них тяжести. Потому-то такой заплетный мешок, находясь в постоянной работе, не выдерживает и года. Я давно убедился: рюкзаки массового пользования просто не рассчитаны на такой вес, который приходится поднимать мне. Как-то между делом прикинул, сколько же ношу с собой при однодневных переходах. И вот что получилось: два фотоаппарата «Зенит», «Киев», широкоформатные камеры — «Пентакон», «Москва» (и то и другое со сменной оптикой) плюс бинокль, запас пленки — черно-белой, обратимой цветной, и еще различные приспособления. Это только то, что касается фото, без учета питания, одежды...

Добрался наконец до места. Поездом, или самолетом, или автобусом, может, кто подбросил на автомобиле, подвез на тракторе, на лошади, а последние километры и просто пешком. Как бы там ни было, добрался. И вот он, лес, а значит — впереди работа, встречи со зверьями и птицами! Здесь я гость и должен вести себя, как положено гостю.

Сделать хороший снимок, посмотреть интересный момент из жизни лесного дома, его жителей — значит, надо наблюдать за ними так, чтобы они тебя даже не замечали. Вот одна из главных «хитро-

стей», от которых зависит удача. При этом в лесном доме «хитрить» разрешается лишь тогда, когда это не во вред лесным обитателям.

И тут вступает в действие один из моих безупречных помощников — скрадок. Из всех существующих способов фотоохоты я отдаю предпочтение охоте из скрадка. Скрадывать — незаметно подкрадываться к зверю, птице. У ружейных охотников скрадки обычно сооружаются из соломы, камыша, веток сосны, ели и другого подручного материала. Скрадки для фотоохоты имеют то же самое назначение, только делают они из брезента, бязевой ткани. Подобные укрытия могут быть самой разнообразной конструкции. Я отдаю предпочтение одной очень простой и доступной. Скрадок свой шью из мешковины, он прямоугольной формы, высотой полтора метра, шириной метр двадцать, длиной — один метр восемьдесят сантиметров. Как видно из размеров, невелик скрадок. Конечно, больших размеров укрытие удобнее, но его трудно спрятать, замаскировать, оно все равно будет резко выделяться, и, пока обитатели леса, озера, болота привыкнут к невесть откуда объявившемуся строению, уйдет немало времени. А как же удобства? О них приходится просто забыть.

Готовясь к очередному выезду на фотоохоту, в полевом дневнике на первой странице я обязательно указываю цель предстоящей поездки.

...В тот раз я написал: «Операция «Дупель»».

Дупель — это кулик. В определителе птиц СССР их описано два вида — лесной и горный. Мой герой — лесной — гнездится по всей европейской части нашей страны, а случается и за Полярным кругом.

Когда встречал я последний раз дупелей на Урале? Давно. Помню, случилось в пору листопада проходит кромкой болота, где моя собака Разыграй подняла из мокрой, после обильных осенних дождей, травы нескольких птиц. Дупеля взлетели бесшумно и, протянув низко над землей, опустились среди кочек. Осень и — дупеля. Эта маленькая картинка, встречающаяся все реже и реже, запоминается надолго, как редкое явление. А о дупелиных токах сейчас можно только мечтать.

Остались дупеля только в самых отдаленных уголках, где есть в неприкосновенности их любимые болота. Тут, в мокрой земле, птицам можно подкопаться и достать себе корм — червя, личинку... За своими дупелями пришлось мне отправиться в Ямальскую тундру. Почему я выбрал именно такую

даль? Дело в том, что самый интересный период в жизни птиц, включая и дупелей, — их весенние брачные игры, но проходят они в ночные часы. У писателя И. С. Соколова-Микитова есть небольшой рассказ «Дупелиный ток», где читаем: «...на дупелиных токах охотились затемно, иногда с огнем. Посредине токовища с вечера ставили зажженный фонарь. Не страшась огня, бойкие птицы всю ночь бегали вокруг него, и попадавших в луч света охотники стреляли на выбор. После выстрела увлекшиеся любовной игрой птицы обычно не улетали, и охота продолжалась до рассвета».

Другое дело тундра с ее круглосуточным полярным днем. Она звала в дорогу, обещая открыть взору все тайны дупелиного токования. И, как ни странно, там, за тысячу километров от дома, мне повезло. Удача шла прямо в руки. В чем же заключалась она? Здесь, в тундре, за дупелями далеко ходить не пришлось: их токовище оказалось возле полузаброшенной фактории, в каких-то тридцати шагах от крыльца моего жилища.

Ночью первого дня, когда многочисленные жители фактории — ученые-биологи — улеглись спать, я вышел. Было необычно свежо. С высокого крыльца открылась тундра с ее не совсем привычными для меня звуками. От земли поднимался ледяной холодок. Солнце круглым шаром висело над озером, окрасив в рыжеватый цвет все вокруг — и моховую поляну, и кусты, и едва вылупившиеся из почек-домиков листочки карликовых березок. И еще была удивительная тишина, тишина особенная, наполненная звуками, которые не будоражат все вокруг, а успокаивают. Даже пронзительные крики уток-морянок, доносившиеся с ближайших озер, не нарушали тишину.

Где установить скрадок? Пожалуй, возле той карликовой березки, что еще не успела одеться листвою. Спустя час — впервые в жизни — с расстояния в несколько метров, через маленькое оконце скрадка, наблюдал я за дупелиными играми. Ведь надо же, выбрали себе птицы место для весенних игр не где-нибудь, а на поляне, рядом с факторией. Постойте! Может, я, говоря это, ошибаюсь? Кто первым занял эту территорию — дупеля или человек? Скорее всего, человек пришел и потеснил птиц. Но пернатые не покинули обжитую за многие годы поляну. И упорно, из весны в весну, даже в пору, когда не успевал сойти снег, продолжал по воздуху не одну тысячу километров, отыскивали ее среди огромного пространства.

...Вот так много раз приходи-

лось мне наблюдать, как вторгался человек в дом природы, вторгался, не спросив. А у кого спрашивать: у птиц, зверей, деревьев, травы? Но они молчат. Все это на руку тому, кто, не считаясь с простейшими законами природы, отводит на первое место лишь одно — хозяйственную деятельность. Не потому ли скудеют наши леса, озера, реки?.. Вот и здесь, на этой маленькой поляне еще как-нибудь пятнадцать лет назад дупелей было в несколько раз больше. Теперь остались лишь те, которых и видел перед собой. Они жили наперекор человеку, оставившему им вместо большой поляны клочок земли.

Наблюдая за птицами через маленькое квадратное оконце скрадка, я не сразу разобрался в их ночных пригонах, определил токовые точки, потому что у каждой птицы их было не по одной — по две и больше. Точки — это те самые места, где каждый дупель-петушок исполнял свой весенний танец, показывая свою красоту, силу и даже, если хотите, мастерство перед избранницей-самочертой. Таким местом дупелю служили кочки, и, конечно, не все подряд, что высились на поляне, а только облюбованные. Вбегая на такой естественный постамент, который служил ему своеобразной эстрадой, дупель замbral, вытягивался столбиком и вдруг разом оживал, набрав полную грудку прохладного весеннего воздуха, мигом раздувался сереньким мячиком и, трепеща всем своим существом, испускал трель, похожую на нежное щебетание. Передавать эту песню словами не имеет смысла, так она проста, ее надо слушать, и не где-нибудь, а именно там, в тундре, в той, по-особенному своей, тишине.

...Так уже случалось не раз, когда передо мной, перед объективом фотоаппарата появлялось что-то новое, ранее невиданное (теперь то были дупеля), когда в работу включилась вся имеющаяся под руками техника. За считанные минуты я успел отснять пару кассет черно-белой пленки. Но это была уже привычка схватить момент, за которым шел, о котором мечтал и — вот увидел.

Отсняв несколько пленок, я лишь сбил напряженно охотничьего азарта. Зачем торопиться, говорил я сам себе, ведь дупеля нигде не улетят, не покинут свою поляну, свой дом. А что касается моего скрадка, стоит он не совсем удачно. Хорошо бы переставить его чуть вперед и правее. А может, пока не надо? Ведь дупеля возле меня, и никто не помешает до утра. Нет, торопиться все-таки надо. Кто знает, какая погода будет завтра, послезавтра... Пока же

мне везло, и я говорил спасибо полярному солнцу.

Дупель невелик, разве чуть больше всем известного дрозд-рябинника. Передо мной стояла задача отснять эту птицу не только на обыкновенную тридцатипяти-миллиметровую пленку, но и на широкую. К тому же не просто сфотографировать в момент токования, а отснять крупно, чтобы дупель занимал примерно одну вторую площади кадра шесть на шесть сантиметров, ну и конечно отснять на цветную обратимую пленку, которую сейчас называют слайдом.

Какие же технические средства были в моих руках, чтобы выполнить задуманное? Всего лишь широкоформатная камера «Пентакон» с объективом «трехсотником» (фокусное расстояние триста миллиметров).

Первая ночь, проведенная среди дупелей, прошла вся в загадках, но не впустую. Я успел кое-что: во-первых, познакомился с поляной и ее обитателями, разобрался в тонкостях дупелиного токования и, во-вторых, заметил основные точки будущих съемок. Готовясь на следующий день к новой встрече с дупелями, переставил скрадок на новое место. А когда наступило время ночного дежурства, постарался запастись терпением... Оно было так необходимо в эту ночь, когда кочки-эстрады были совсем рядом от меня, чуть более двух метров. Чтобы на таком расстоянии появившийся перед моим фотоаппаратом дупель был в фокусе, пришлось добавить к «трехсотнику» насадочное кольцо. С кольцом не только терялась, а сходила на нет глубина резкости. Но что поделаешь, это был единственный выход, чтоб приблизиться к птице и сделать крупно снимок ее.

Если бы спросили меня сегодня, боялись ли меня дупеля в момент съемок, я ответил бы: безусловно боялись, как и все другие птицы, с которыми мне приходилось встречаться ранее. Всегда, когда я входил в птичий мир, все начиналось одинаково: прежде чем привыкнуть, птицы присматривались к скрадку, какое-то время вели себя настороженно, готовые мгновенно улететь, убежать, скрыться. И если птицы все же привыкли к моему домику, то их тревожил прежде всего не я, сидевший за стеной мешковины, а стеклянный глаз длиннофокусного объектива, постоянно выглядывавший из окошка...

На 1, 2, 3-й стр. вкладки
Фото автора

УДИТ... уж

Леонид
ГОЛУБЕВ

Мой маленький приятель Максимка и на этот раз не отстал от меня.

— Возьмите на рыбалку,— просил он, показывая крохотные крючки,— ни одна рыбка не сорвется!..

И вот мы шагаем к озеру Глухое, которое находится не так далеко от Свердловска. Чтобы сократить путь, выбрали лесную тропинку, пролегающую через мшистое болото. Здесь-то, на пути, нам и повстречалась речушка с удивительными крутыми берегами и холодной водой, похожей на цвет заварки чая. Сделали привал. Максимка, небольшого роста, вертун и непоседа, быстро приготовил свои удочки и забросил в омуток. Тут же пробковый поплавок заплывал и ушел в воду.

— Тяни!..— подсказал я.

Максимка ликовал, поймав окунишку. Я тоже забросил удочку. За каких-то полчаса наш котелок был полон рыбы.

— Уха будет!..— радовался мальчонка.

День стоял горячий. От теплой, мшистой земли парило, от трав пахло медом. Мы наслаждались зеленым подлеском, который рос на пригорке, рябинником с рыжеватыми гроздьями и самолетами-стрекозами, летающими над речкой.

— Т-с-с-с!..— Максимка приложил указательный палец к губам, потом перешел на шепот:— Смотрите...

Но я ничего не видел. Максимка опять показал на старую валежину, которая перегородила речушку. И только тут я заметил на этой самой валежине большую змею. Она обвила гнилой сук, свесила маленькую головку над водой и резко выбрасывала вперед язычок. Язычок змеи походил вроде бы на красного червячка, извивавшегося над водой. Редкостное зрелище! И вдруг змея молниеносно бросила голову к воде и в тот же миг в ее пасти оказалась рыбешка. Еще мгновение — и змея так же быстро подняла голову, заглатывая рыбку.

— Вот это рыболов! — удивленно ахнул Максимка.

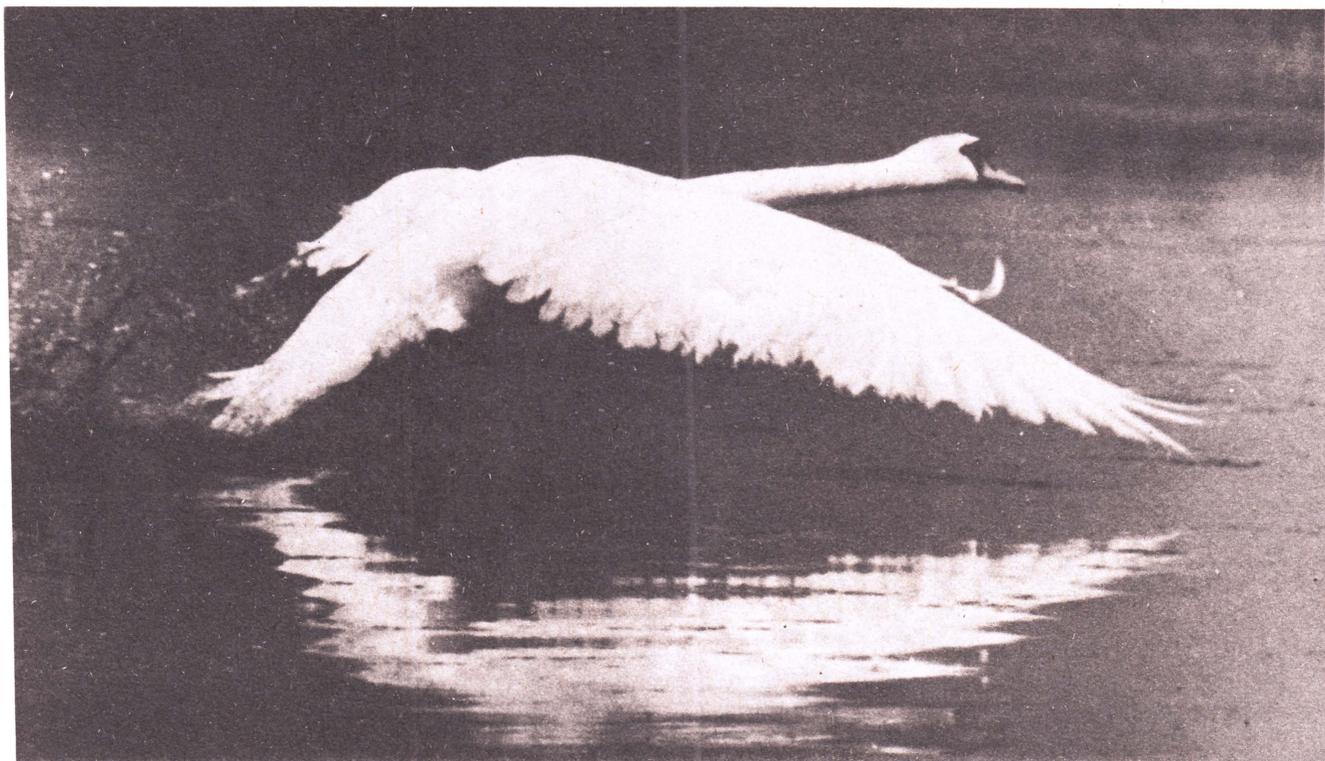
На голове змеи я рассмотрел два желтых пятка.

Сомнений не могло быть: рыбаком был уж.

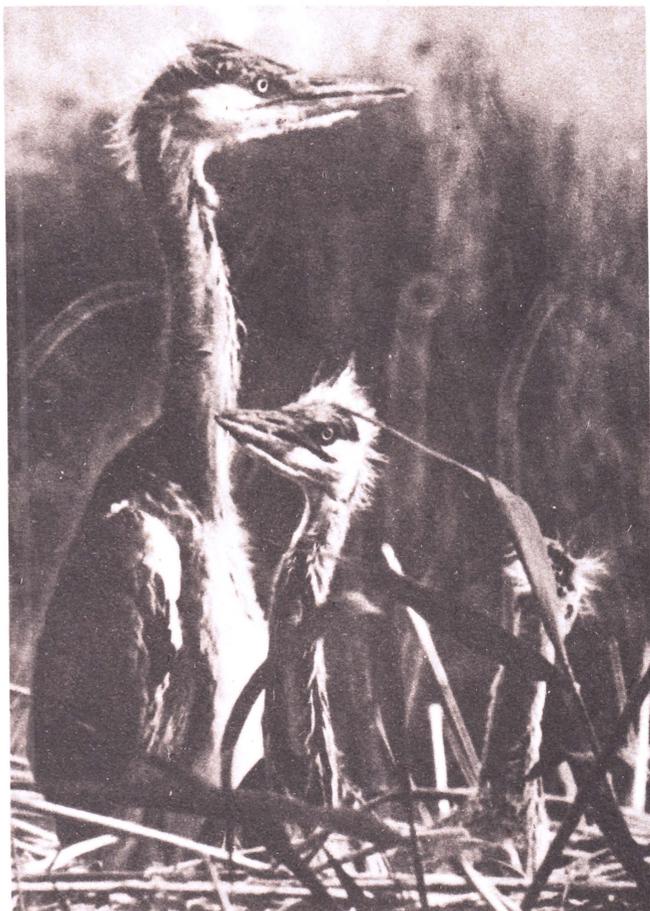

РАССВЕТ НА ОЗЕРЕ

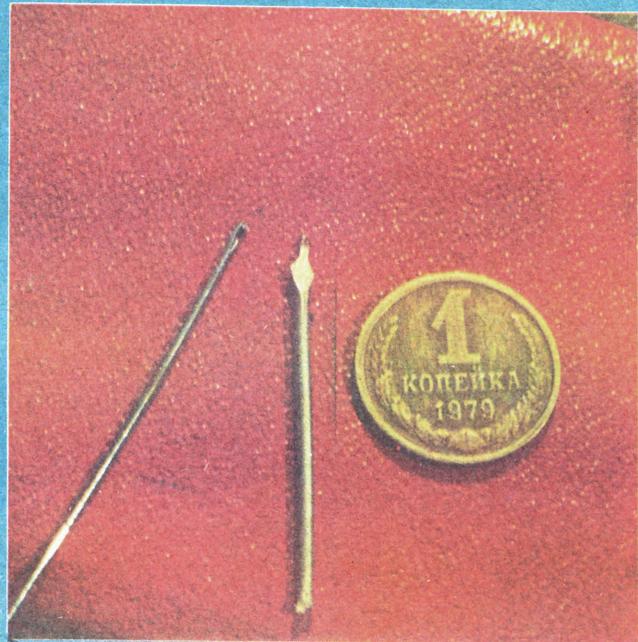
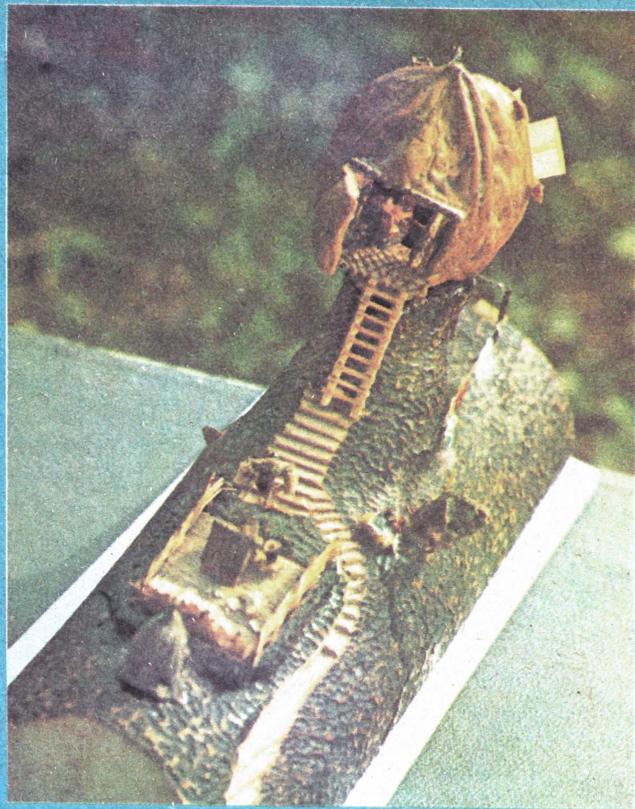
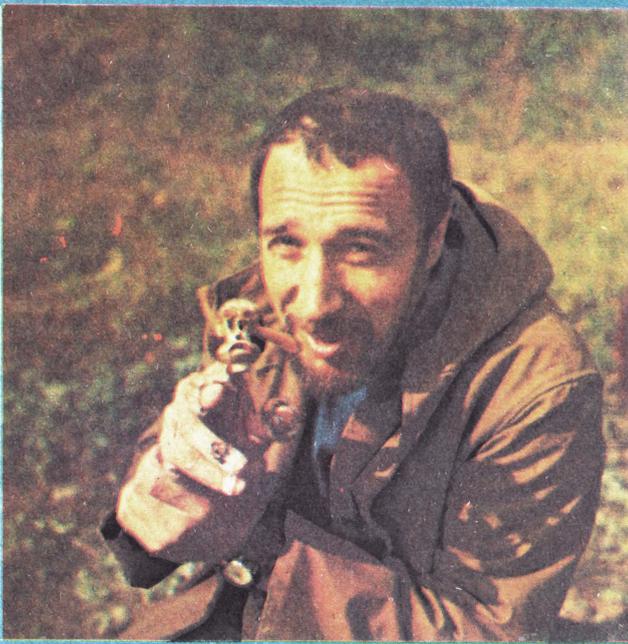

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Ф. ТЮТЧЕВ

МЕЖДУ УДАРАМИ СЕРДЦА

Валерий
КРАСНОВ

Фото
А. Нагибина

Девушка явно смущалась.

— Я вам статью принесла.
«Статья» состояла всего из пяти предложений: «Хочу от всей души поблагодарить инженера с Уралмашзавода Геннадия Зархина. Благодаря ему я осталась жива. Он сделал очень хорошие хирургические инструменты, и этими инструментами мне сделали операцию. Спасибо вам, Геннадий! От меня и от всех тех, кому с вашей помощью спасли жизнь. Наталья Рябова, Работница Свердловского камвольного комбината».

Читая это письмо, я ловил себя на мысли, что где-то уже слышал о подобном. Но где? И вспомнил... Такое же, или почти такое же, письмо получил несколько лет назад от Валентины Вершининой уральской левша Александр Матвеевич Сысолятин. Пользуясь сделанным им инструментом, хирург С. Н. Федоров вернул Валентине зрение после шестнадцати лет слепоты. Об этом рассказал в книге «Сказ о невидманном Левше» писатель Я. Резник.

И вот через несколько лет почти такое же письмо, но уже другому левше. Кто он? Вспоминается, что полтора года назад, когда безвременно ушел от нас А. М. Сысолятин, говорили, что ушел последний большой мастер. Но тогда никто не знал, что был у А. М. Сысолятина ученик, которого сам Александр Матвеевич считал талантливым. А знакомство их состоялось так.

Приехал как-то Александр Матвеевич на Уралмаш. Принимали его тепло. Устроили встречу с коллективом завода. Вышел Сысолятин на трибуну, начал было говорить и вдруг видит, что стоит на трибуне маленькая плоская бутылка. А в ней спичечная коробка со спичками и дощечка с выжженным узором. Взял он бутылочку в руки, и учащенно забилось сердце у одного человека, сидевшего в зале. Это был Геннадий Зархин. До этого он уже несколько лет занимался миниатюрами, но все же не решался подойти к своему кумиру. И Сысолятин, который отличался не только тонкостью своей работы, но и тонкостью ума, понял это.

— Вот с этим человеком я буду разговаривать, — сказал он с трибуны.

В конце встречи А. М. Сысолятин взял однокопечную монету и на цифре написал текст-пожелание уралмашевцам в преддверии XXVI съезда КПСС. Тогда взял монету Геннадий Зархин и на цифре написал Александру Матвеевичу ответ уралмашевцев.

Так они познакомились, а потом и подружились.

Кстати, о последнем «соревновании» Геннадий не любит рассказывать.

— Это со стороны кажется, что сложно было написать. Даже подсчитали, что я больше слов на цифре уместил. Да только все не так. Если бы Александр Матвеевич захотел, он бы втрое больше моего написал.

Что верно, то верно. Это я понял, когда наблюдал, как Геннадий Зархин берет волос и разрезает его... на шесть частей. Вдоль.

Но все же найти то главное, о чем стоило рассказать, никак не удавалось. Разве удивись сейчас кого-нибудь даже самым неожиданным хобби?! Писать обо всех — бумаги не хватает. Да и какой прок от того, что человек наносит текст из 57 слов на цифре однокопечной монеты или создает «плотную» на маковом зернышке? Интересно, конечно, необычно все это. И только. Но когда я узнал о том, что левша сделал иглу толщиной

всего в пять тысячных миллиметра, и этой иглой шпиваются тончайшие сосуды головного мозга, то несколько изменил свое мнение.

— С чего начнем? — спросил нас Геннадий, когда мы пришли в его заваленную всякими инструментами, поделками и приспособлениями комнату.

Нам хотелось чуда.

— Покажу-ка я вам свою последнюю работу. Ее еще никто не видел.

Он вынимает маленькую коробочку из-под запонок и протягивает нам. Открываем ее и видим на черной бумаге обыкновенную иглу, которую швейники считают не очень удобной из-за маленького ушка. А рядом нечто похожее на кончик обыкновенного пера. Удивленно смотрю на Геннадия. Он протягивает мне лупу. И только теперь, при сильном увеличении, вижу, что на кончике пера стоит... верблюд, который значительно меньше миллиметрового ушка в игле.

Восхищаюсь, удивляюсь, а Геннадий:

— Это еще не все. Там еще кое-что есть, — и подает еще более сильную лупу.

Опять смотрю и... нет, даже готовый ко всяким чудесам, не могу поверить увиденному. Под изящным двугорбым верблюдом написано: «Грудно верблюду пролезть через игольное ушко». Некоторые знаки в тексте меньше сотой доли миллиметра.

Возьми, уважаемый читатель, в руки иглу или спичку. Обопришь обо что-нибудь рукой, чтобы закрепить ее для тонкой работы. Теперь посмотри на кончик иглы. Он вздрагивает и колеблется, как бы ты ни пытался утвердить руку... А теперь присмотришь — колебания не беспорядочны. Они имеют ритм. Это бьется сердце. Каждый его удар не только током крови, но и волной по мышцам прокатывается по всему телу. Еще больше колеблет тело дыхание. Как же быть? Ведь левша работает с микронной точностью. И был найден единственный выход: миниатюрист,

сдерживая дыхание, работает между ударами сердца. Нет, тот же Зархин не следит за ударами сердца, не рассчитывает, когда сделать вдох, а когда — выдох. Это происходит безотчетно. Но надо учесть, что даже у тренированного человека в минуту свободными от ударов сердца бывают всего 20—25 секунд. А постоянное сдерживание дыхания развивает профессиональную болезнь. Сдало однажды сердце и у Зархина. И все же умудрился он прихватить в больницу свой заветный ящичек с поделками и инструментами. И на больничной койке продолжал мастерить. Вот тогда-то он и подумал о том, чтобы сделать врачам инструменты для хирургических операций.

— Можете посмотреть вот эту штуку, — Геннадий подает нам небольшую стеклянную коробку. В ней орех фундук. Причем, очень маленький. И с вырезами. Беру лупу и вижу, что внутри ореха не зерно, а двубашенная часовенка. Более того, дверь в часовню открыта, и видны внутри стол, на котором лежит открытая книга, стоит чернильница со вставленным в нее пером, вдоль стен — лавки, а на стенах — иконы... И видно все это потому, что есть у часовенки застекленные окна.

— Под каким же микроскопом все это надо делать? — спрашиваю у Геннадия.

— Все это я делал без микроскопа, — ответил он и, о чем-то вспоминая, задумался.

Думал он о том, как впервые сел работать с помощью микроскопа. Было это в тот день, когда до него дошла печальная весть: умер Сысолятин. Надо было продолжать дело учителя. Тогда же решил уехать жить в Булаваш, где жил и творил Сысолятин. Позже через областную газету обратился ко всем жителям области: если где живут еще люди, занимающиеся миниатюрами, то откликнитесь. Никто не откликнулся. Неужели остался один на весь Средний Урал? Ведь не должно же быть такого... Он собирает все свои поделки и во Дворце культуры Уралмаша организует выставку, ходит по школам с беседами — ищет себе ученика. И находит. Не одного.

Будут на Уралмаше миниатюристы, продолжатели дела Сысолятина.

...Геннадий вынимает из ящичка две книги и подает нам.

— Читали?

— Нет.

— Так я и знал. Это книги о Сысолятине. Жаль, но о нем не только в нашей стране, но и за рубежом знают больше, чем в нашей области.

— Но почему же? Память о

Сысолятине у нас чтут. В Булаваше его именем переулочек недавно назвали. Я бывал у него. Видел в музее поделки...

— Вот и вы — о поделках. Разве в этом дело. О школе Сысолятина надо говорить. Вы в фундуке увидели часовню — и все. А ведь это точная копия той, что в музее деревянного зодчества в Малых Нарелах под Архангельском. Сысолятин научил меня ничего не выдумывать, а отражать в своих работах реальный мир. Делаю, например, копию старинного знаменитого судна. Сколько книг перечитаю. Узнаю всю его историю, походы, членов экипажа, какие открытия или подвиги были на нем совершены. По одним рисункам и фотографиям макет трудно сделать...

Вот ведь как, подумалось тогда. В нашей стране есть довольно многочисленные организации филателистов, дуμισматов по той причине, что сбор марок или монет полезен своей познавательной стороной. А разве занятие Геннадия Зархина менее познавательно или полезно? Чтобы собрать часовню в фундуке, он едет в Архангельск и делает десятки эскизов, проводит много часов в часовне; рассылает письма, читает книги, роется в архивах, чтобы сделать макет судна... Стоит ли все это столько хлопот? Убедительнее меня на этот вопрос отвечают, наверно, специалисты Уралмаша, где с помощью Г. Зархина сделано уже много сложнейших миниатюрных форм для отливки, где с помощью инструмента Зархина проведены сложнейшие работы в электронной аппаратуре. Пусть ответят на этот вопрос и те больные, вернее, бывшие больные, кому с помощью инструмента Зархина спасли не только здоровье, но и во многих случаях — саму жизнь.

Ну, а что же часовенки? А почему бы и им не быть? В таких поделках не только проявляются художественные способности человека, удовлетворяются его потребности и интересы, это еще и серьезная тренировка перед тем, как сесть за изготовление инструмента, размеры которого исчисляются микронами. Но в этом — и искусство мастеров русских!

У каждого миниатюриста есть свои секреты. Как, например, поместить в маленькую аптечку бутылочку крупное куриное яйцо, не разбивая его? Это сложная процедура. Надо в противоположных концах яйца сделать иглой отверстие и через них выдуть содержимое яйца. Скорлупа затем размягчается в специальном растворе. В бутылочку бросают смоченную спиртом ватку. Зажигают ее. На горлышко кладут скорлупу. Ватка

быстро погаснет, но успеет сделать в бутылочке разряжение, которое втянет внутрь скорлупу яйца. После промывки яйцо примет свою форму.

Можно в бутылку поместить и спичечную коробку. Для этого ее расклеивают, сворачивают в трубку и проталкивают в горлышко. Пинцетами внутри расправляют, склеивают и заполняют спичками.

Просто? А вы попробуйте. Три часа я потратил на это «просто», и получился у меня на дне бутылки уродец... А ведь одна только часовня, о которой мы говорили, собрана более чем из трехсот деталей. В спичечной коробке их всего три. А есть у Г. Зархина поделки из 10 000 (десяти тысяч!) деталей.

Однажды после встречи со школьниками, а таких у Зархина бывает много, ему дали небольшой листок. На нем школьники написали мастеру слова благодарности. Этот листок стал первой страницей в небольшом альбоме-летописи подобных встреч. Вот тогда-то и стал Геннадий по окончании встречи дарить школьникам своеобразный автограф — волос, разрезанный вдоль на шесть частей. Так он шутил.

Но к возможности так шутить он шел много лет. С пяти лет появилось у него желание к миниатюрам. Если в детсаду он удивлял всех обыкновенной спичечной коробкой, внутри которой из пластика был сделан целый город: дома, улицы, парки, люди, машины... А в 11 лет он уже вел в школе кружок «Умелые руки» и тогда читал все, что писалось о Сысолятине. Тогда же он начал делать куклы, и в его руках они оживали. Играл в спектаклях. А потом внутри грецкого ореха воспроизвел декорацию одного из спектаклей, зал с зажигающейся люстрой. Внутри ореха более пятидесяти предметов.

Подражал своему кумиру? Детская увлеченность? Можно было бы это и так назвать, если бы не одно «но». Ведь эта увлеченность осталась у него на всю жизнь, а значит, ее правильнее будет называть призванием.

Наверное, многим читателям журнала знакомство с работами и творчеством Геннадия Зархина доставит радость. Но не только ради этого я взялся за перо. Есть одна задумка: создать в Свердловске клуб имени Сысолятина. Поэтому с нетерпением буду ждать писем от тех, кто пожелает стать членом этого клуба.

ОБЕЛИСК НА ПЕРЕВАЛЕ

**Валерий
БЕРЕЗИН**

Плещутся, играют свинцовые волны Татарского пролива, а рядом — стальные рельсы, рельсы... В портовом поселке Ванино заканчивают свой стремительный бег блестящие нити рельсов БАМа.

Возьмите схему железных дорог нашей страны, и между Комсомольском и Ванино найдете станцию Кузнецовскую. Среди первых изыскателей трассы в горах Сихотэ-Алиня был Арсений Кузнецов.

Вне всякого сомнения, десятки обелисков будут поставлены участникам грандиозной всенародной стройки. Один уже есть. Поставлен он вдали от фронтовых дорог, хотя и сооружен в суровые военные годы. Вначале обелиск стоял на склоне горы, в семистах метрах от железнодорожной ветки. Деревянный надгробный памятник, увенчанный звездой из консервной жесты, скромная деревянная оградка... В тот день, когда был вкопан первый столбик на трассе, на календаре стояло: 12 ноября 1943 года.

Сюда, в западные отроги Сихотэ-Алиня, всегда сумрачного и запыренного зимой, морзянка доносила радостные вести о разгроме немцев под Сталинградом. Провал фашистских планов заметно охладил пыл воинствующих кругов Японии. Однако опасность агрессии не исключалась. Поэтому строители получили задание: продолжать сооружение конечного участка БАМа — линии Комсомольск — Ванино, строительство которой было с началом войны законсервировано. Среди тех, кто рубил таежные просеки, была и изыскательская партия Арсения Петровича Кузнецова. Задача была четкой, но не простой: пробить трассу на тысячеметровый перевал Сихотэ-Алиня. Тоннели и большие мосты не предусматривались — год-то был сорок третий...

Арсений Петрович до этого прошагал с первыми экспедициями участка Усть-Кут — Тында, Волочаевск — Комсомольск. А на восточную железнодорожную ветку БАМа Кузнецов вернулся после сдачи в эксплуатацию временной военной дороги Сталинград — Саратов, строящейся в условиях постоянных бомбежек.

Вот что рассказывает о начале работы сихотэ-алинской партии один из ее членов В. С. Москвитин: «На перевале мы нашли заброшенные бревенчатые избышки — зимовья. Быстро привели их в жилое состояние, соорудили печь, заготовили дрова, организовали столовую, баню. На следующий же день наместили маршрут».

Это сейчас длина кузнецовской петли всего каких-то двадцать километров. Но ради них Арсений Петрович отмерил сотни километров по долинам горных рек, взбирался на десятки скал. Вечером, при колышущемся пламени сальной свечи, делал расчеты, обрабатывал полевые материалы. Спешил, не обращая внимания на приступы боли в сердце.

Однажды, свидетельствует его сподвижник В. И. Реймерс, Кузнецов вернулся в лагерь очень усталым, попросил чаю. Пока ужин подогревался, сердце Арсения Петровича остановилось... С тех пор перевал и станция стали называться Кузнецовскими.

Юные следопыты поселка Высокогорный собрали богатый материал о первопроходце БАМа инженере Арсении Петровиче Кузнецове. Письма, документы рассказывают о скромности, простоте, трудолюбии и железной воле этого человека.

18 ноября 1967 года останки Кузнецова были перенесены и захоронены на привокзальной площади станции Кузнецовская. Соратники и друзья Арсения Петровича, красные следопыты Надя Гузей и Люда Щеглова на открытии памятника-обелиска первопроходцу рассказали о его жизненном пути.

...Несколько минут стоит на перевале пассажирский поезд Хабаровск — Совгавань. И каждое летнее утро на могиле Арсения Петровича остаются полевые цветы. «Счастливого пути!» — кивают на прощанье вековые ели. Гудок тепловоза — и позади осталась станция, которая носит имя человека, ступившего здесь первым.

ЗИМНИЙ

Повесть

**Василий
АФОНИН**

Рисунки
Н. Мооса

Мать загремела сковородником, и Шурка проснулся. Он спал на печи, не подстелив ничего, подложив под голову материны изношенные вконец валенки, накрывшись фуфайкой. Рядом сопел во сне Федька. Не открывая глаз, прижавшись спиной к теплому чучалу, Шурка дотягивал последние сладкие минутки, вздрагивая уже от мысли одной, что вот сейчас надо будет вставать и выходить на улицу. По запаху Шурка догадался, что мать ради воскресенья печет драники — оладьи из выжимок тертой картошки.

Отодвинув цветастую, стиранную много раз занавеску, скрывавшую лежанку печи, Шурка поднял голову. Семилинейная лампа висела на стене над столом, стоявшем в переднем углу под иконой. Фитиль лампы был прикручен: свету матери хватало от печи. Налево от двери, между стеной и печкой-голландкой, которую топили только по вечерам, на широкой скрипучей деревянной кровати под ватным одеялом спал Тимка. Заледенелые окна темны, и не понять ничего, что там, на улице.

Шурка взглянул на ходики, подвешенные на гвоздик в простенке меж окнами: стрелки показывали половину седьмого. Надо было подыматься. Вчера, после бани, Шурка лег сразу, чтобы хорошенько выспаться, он и выспался, чувствовалось, но все равно рано было для него. Да что там: зевай не зевай — никуда не денешься.

Завидуя братьям, Шурка слез с печи. Снял с голландки подсохшие валенки, обулся и, как был в белых бязевых подштанниках и такой же натальной рубахе, подошел к окну. Рамы окон двойные, зазоры между рамой и косяком проклеены полосками плотной бумаги, а все одно промерзают — на внутренних стеклах наледь в палец. Окна низкие, в метели сугробы чуть не по верхние глазки заслоняют. По подоконникам канавки, чтоб вода стекала...

— Холодно, мам? — спросил Шурка, беря с кровати штаны и рубаху.

— Ой, студено, — кивнула мать, — аж потрескивает. А тихо. Месяц вызрел, полный — светло. И звезд много. Холодно, Шурка. Да и что ожидать — январь, самые морозы. Умывайся, садись, ешь. Или за быком сходишь сначала? Сколько уже? Семь скоро. И мне пора.

— За быком схожу, потом поем, — Шурка искал брючный ремень.

Он умылся под рукомойником возле двери, пригладил руками волосы и стал одеваться. На рубаху надел пиджачок, на него — пальтишко, за-

ПУТЬ

Василий Егорович Афонин родился в 1939 году в деревне Жирновка Новосибирской области. Закончил юридический факультет Одесского университета и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Печатался в журналах «Дружба народов», «Наш современник», «Юность», «Сибирские огни», «Сельская молодежь». Автор четырех книг. Живет в Томске.

стегнул на все пуговицы и поднял воротник. Завязывая под подбородком тесемки шапки, Шурка повернулся к матери: не скажет ли она ему еще чего перед уходом, но та, занятая своими мыслями, молчала, стараясь закончить у печи утренние дела. Драники шипели на сковородке, мать переворачивала их.

Мать встала до шести. Затопив печь, она управилась на дворе: подоила сперва корову, вычистила у нее в стойле, у овец, поросенка. И все это в темноте, при том лишь свете, что попадал от луны и звезд в открытую на время дверь сарая. Дала всем корму, спустилась на речку, прорубь продолбила, а потом уж вернулась в избу, к печи, где догорали дрова и стояла на лавке квашня. Сейчас матери идти на работу, в телятник. И в телятнике печь растоплять, воду греть: холодной поить не станешь — простудятся. Подогретую — разбавлять на греть обратно, а после разносить по клеткам. Напоил — дели охапками сено, выбрасывай навоз. Пятьдесят голов закреплено за матерью — успевай поворачивайся. Вернется мать в обед, а в пятом часу — снова на ферму: вечерняя управка. И так каждый день. Летом насет. Иной раз Шурка заменяет ее...

Пока Шурка возился с варежками, снизывая их: на вязаные шерстяные надевал верхонки, сшитые из истрепанных штанов, мать, опережая его, уже повязалась платком. Взявшись за скобу двери, приостановилась.

— Ну, я пошла, — сказала она. — Драники в печи, простокваша в кринке под лавкой. Ребятишкам накажи, чтоб не баловали. Лампу потуши. Да в бору поберегись, Шурка. А то лесной зашибет или ногу рассечешь топором. Гляди.

Сена захвати навильник, пусть волю поест бык. Побегу, заговорилась совсем...

— Ладно, — ответил Шурка, справляясь с рукавичками, — в первый раз, что ли, еду в лес. Или топора в руках не держал...

Мать притворила за собой дверь, а Шурка, дотянувшись, снял с гвоздика лампу, гася, дунул сверху в стекло, повесил на место и, оглянувшись по избе, почти следом за матерью вышел на крыльцо. Стараясь дышать носом, он прислонился плечом к столбцу, поддерживающему над крыльцом тесовый навес-козырек. Постоял немного, присматриваясь. Темное небо было в звездах, ярко горели они, и большая полная луна зависла как раз над усадьбой Дорафеевых. Хорошо были видны ближайшие избы с желтыми, едва проступающими пятнами окон, деревья в налесах дворов, бани, полузанесенные гордыбы.

«Луна, а не месяц, — вспомнил Шурка слова матери. — Месяц — если нарождается он или на исходе. А сейчас — луна, полнолуние. Несколько дней так будет. Потом на ущерб пойдет».

Мороз хватал за лицо, ноздри слипались, когда Шурка втягивал воздух. Но ветра не было. В этом, отчасти, и спасенье было. А ежели при таком морозе да еще и ветер, то хоть сорок одежек надевай, пронесет насквозь. Самый сильный мороз, знал Шурка из разговоров взрослых, на восходе. К полудню послабеет чуть, а вечером, с сумерками, накалится опять. Главное, в часы черные, как выбрался на улицу, сохраните тепло, набранное в избе, не думать о холоде, делая свое дело. А далее забудешься, привыкнешь как бы.

В тишине чутко слышен был каждый звук

под ногой и полозом. Вот в обе стороны конюх Родион Мулянин широко растворил тесовые ворота конюшни, выпуская лошадей на водопой. Конюшня на краю деревни, и кони мимо огородов, чередой, мерно ступая след в след, побегут к Шегарке по тропе, пробитой еще по первому снегопаду, шумно фыркая и мотая заиндевелыми головами. А до того, как выпустить лошадей, конюх с пешней и совковой лопатой на плече ходил на речку продолжить-прочистить замерзшую за ночь длинную и узкую, как корытце, прорубь. Конюх просыпается одним из первых в деревне. вровень с доярками, а может, и пораньше: работы у него на конюшне хватает. Пока он идет от речки к конюшне, пока кони бегут к проруби, воду в проруби затаит тоненьким ледком. Теснясь и толкаясь, кони обступят кругом прорубь, продавят мордами ледок и долго будут пить, как бы процеживая, всасывая холодную воду едва раздвинутыми губами. Напившись, не направляемые никем, они привычно побегут обратно.

Шурка шагнул с крыльца и, подняв плечи, прижимая к бокам согнутые в локтях руки, скоро пошел по стезе, протоптанной наискось через Шегарку, где на повороте берега сровняло снегом, через Жаворонков огород и дальше мимо изб к колхозному скотному двору-бычнику, чтобы взять быка, намеченного бригадиром еще с вечера: Староста была кличка быка.

Староста — длинный красно-пестрый бык с отломанным рогом — еще в телящем стаде выделялся ростом и силой, за что и получил свою кличку. Тягуч он был и на первых порах, уже приученный ходить в оглоблях. На колхозной работе доставалось ему само собой, когда же нужно было кому-то съездить для себя за дровами или сеном, старались захватить Старосту и наложить побольше на сани, помня, что он сильнее других быков. Кто-то в сердцах черенком вил обломил быку рог. Кормили его вровень с другими быками, не прибавляя, запрягали чаще, заездили — теперь он ничем не отличался в загоне: худой, старый бык. Кличка осталась да воспоминания, что он был могучим когда-то. В эту зиму Шурка на Старосте еще не ездил.

Ездовых быков несколько пар всего в колхозе, наперечет они, и в работе постоянной, круглый год нет им роздыха — ни выходных, ни праздников. Быка для себя выпросить ой как трудно, особенно бабе одинокой. Казалось бы, чего яснее: без мужика баба — ей и помочь. Ан нет, все не так. Мужики, что ездовыми на быках тех же или на конях, они себя не забудут, так или иначе выкроют время, привезут что надо. А если одна, иди в контору — проси, кланяйся. Там черед надо соблюдать: раз в три недели дадут — хорошо, а то и на четвертую неделю перекатит. Да хоть и очередь подступила, не всегда получишь быка, что-нибудь да изменится не в твою радость.

С бригадиром о быке разговаривала мать. Зашел бригадир на телятник поглядеть, как она работает. А можно было и не проверять ее: работала она с совестью в ладу — в пятнадцать лет определилась сюда, уж сорок пять ей минуло, и бригадир она пережила за свой рабочий век несчетно. Бригадир был из молодых, заменял он временно хворавшего председателя, и гонору от излишней власти прибавилось у него заметно. Но мать повеличала его ласково и с просьбой тут же обратилась, боясь упустить:

— Дмитрий Федорович, быка бы завтра мне, за дровами съездить, а? Пока Шурка дома, поможет. Последний криж распилили вчера. На два дня не хватит, Дмитрий Федорович!

— Да ты ведь на прошлой неделе брала, — бригадир шел по проходу телятника, мать за ним. — На прошлой... я помню. Неужто сожгли воз целый? Часто слишком просишь. Другие вот...

— На позапрошлой, Дмитрий Федорович, — поправила мать. — Забылся ты, видно. Тянули неделю, лишнее полено в печь бросить жалко...

— Ладно, — бригадир осматривал клетку, — пошлешь Шурку, Старосту пусть возьмет. А ты вот что, — повернулся бригадир к матери, — навоз подалее надо относить, к ручью самому. А то валишь прямо возле телятника, скоро дверей не открыть...

И ушел. Ни по фамилии не назвал мать, ни Еленой Николаевной, ни просто — теткой Еленой. Но мать не обиделась ничуть, а тут еще радость: быка дал. Это уже дома она рассказала Шурке, как быка выпрашивала, как строго разговаривал с нею бригадир и замечание сделал насчет навоза, хотя она сажней на двадцать выбрасывала навоз от дверей. А к ручью таскать — далековато...

Бригадиру самому о быке думать не приходится. У бригадира конь постоянно в руках: захотел — поехал. У него две поленницы дров прошлогодних еще возле плетня да в крижах непиленные — возов до десяти, а то и больше. Но что с ним разговаривать, с бригадиром? Разно живут.

Шурка вышел на берег пруда, к скотному двору, где размещались быки. Двор холодный, соломенный кругом. Шурка встал в дверном проеме — дверей не было — и долго всматривался в темь, в глубь двора, где, прижавшись друг к другу, опустив головы, тесно стояли быки. Придерживаясь о стену рукой, опустив голову, спотыкаясь о навозные глыбы, Шурка обогнул быков; покрякивая, выгнал их в пригон, чтобы на свету отбить Старосту. Часть быков уже разобрали, но Староста был здесь. А Бурки уже не было, взяли. Бурка — бурой масти, проворный бык, на котором Шурка четыре лета подряд работал на сенокосе, копны возил. За лето Шурка, да и другие ребята так привыкли к быкам, что потом скучали, приходили проведать на скотный двор.

Увидит зимой Шурка Бурого, тянущего воз сена или дров, обрадуется, как приятелю давнему, лето вспомнит, сенокос. Прошлым летом подростшего Шурку из копнозовов перевели в гребщики, на коне он работал, сгребал конными граблями подсыхшую кошенину. А Бурый перешел к другому, Мишка Квашин на нем теперь копнозовит.

Подняв хвостину, Шурка прикрыл ворота и погнал Старосту домой, шагая следом, разговаривая с ним, едва раскрывая на холоде губы. Шурке было жалко быка: какой он худой, изработанный. И старый, должно быть. Интересно, сколько же ему лет, Старосте?..

— Ничего, — говорил Шурка, больше мысленно, чем вслух. — Потерпи, дружок. Сейчас придем, я тебе сена дам. Не объедьешь или соломы, а сена хорошего. Пока собираюсь, ты поешь. И в лес с собой сена захватим. Там я буду дрова готовить, укладывать в сани, а ты еще поешь вдоволь, отдохнешь как следует: А потом уже потянешь воз. Дорога наезжена, без раскатов. Ничего, не бойся...

Зажав под мышкой хвостину, сцепив по низу живота руки, угнув голову, Шурка шел, размышляя о бычьей доле, что вот как несладко им живется на белом свете, ничуть не легче, чем людям, а может, и того хуже. Они такие же живые, хоть и быки, так же думают и все понимают, должно быть, только молчат. А поговорить бы со Старостой, наверное, много чего рассказал бы он о жизни своей. Был он теленком сначала, молоком поили его теплым, обратом, сенца давали душистого лугового, зимовал в теплом телятнике,

клетку чистили два раза в день и соломы подстилали, чтоб не ложиться на голые доски пола. А летом пасся он на полянах близ телятника, носился по зеленой траве, взбрыкивая, бодеясь со своими ровесниками. И все было замечательно. Но скоро перевели Старосту в другой телятник, холодный, где уход уже был иной. А потом он вырос совсем и стал быком. Теперь Староста который год рабочий бык, стоит он ночь среди таких же, как и сам, быков, в продутом соломенном дворе, в нем нет пола и нет подстилки, чтобы удобнее лечь. С началом каждого дня запрягают его в сани. А возы тяжелы, что не наложат...

Более других, знал Шурка, заботились в колхозе о малых телятах, ну, о коровах еще. Телят оберегали: поголовье стремились увеличить; а коровы, известное дело, давали молоко. Плохо станешь ухаживать — столько же и получишь. Быкам же, считалось, и так ладно. Ну, лето — летом, успевай на траве вольной, набирай силы. Зимой же быкам, при их работе, втрое больше надо давать корму. Ан нет. С осени еще, когда сена достаточно, быку давали меньше, чем корове, а уж к весне им, кроме соломы, ничего не перепало. Одно спасенье, если за сеном из дома в день в поля ездят, там, возле стога, пока воз накладывают, ест бык, сколько может. А поехали за дровами, поставят по брюхо в снегу, рогами к березе, и стой, мерзни, жди, как нагрузят сани. Во двор скотный вечером загонят, там пусто уже, холодно и темно. Спи стоя, во сне поешь сенца...

Не зная, поил скотник быков или нет, Шурка

на всякий случай подогнал его к конной проруби, но бык пить не стал, понуро постоял возле воды, опустив голову с обломанным правым рогом. Шурка взмахнул хворостиной, и Староста стал подыматься на берег по тропе, что вела мимо бани к дому. Шурка подумал, что бык, вероятно, болен. Они ведь тоже болеют, животные, как и люди, да не жалуются, и потому никто не знает, что у них болит и сильно ли. Видимо, он был простужен или надорван работой. А то и все вместе. Да еще стар. Коровы и быки стареют быстро, а кони еще быстрее. В десять-двенадцать лет конь уже почти никуда не гожд, редко запрягают его, без груза проехать разве. Бык живет дольше и в работе дольше занят, но и его век — годы считанные.

Каждую осень, почитай, проводят выбраковку и коней, и быков, старых отправляют, молодых по первому снегу обучают ходить в оглоблях. Ребятишки всегда бегают смотреть, как обучают...

Шурка загнал быка в ограду, закрыл калитку, проворно забрался по стоявшей возле стены лестнице на крышу двора, где небольшим зародом было сметано сено, не снимая рукавиц, надергал две большие охапки, сбросил, спустился сам. Пока он спускался, бык подошел к сену и начал есть. Стоя на крыльце, Шурка наблюдал, как ест бык. Сено было доброе, не низинное, а с луга, убранное по погоде, но ел бык не жадно, вроде бы с неохотой, и Шурка окончательно решил, что бык болеет. Сытым бык не был, точно. Сейчас он будто бы ничего: ест. А в лесу? Вдруг что-нибудь случится. Наложить воз, а не повезет. Или возьмет издохнет. А что ты с ним сделаешь? Издохнет, и все. Что тогда? Тогда, известное дело, веди корову со двора, расплачивайся. По вашей вине, скажут матери, бык издох. И слушать никто не станет оправданий твоих — плати. Заберут корову просто. А без коровы какая жизнь, любого спроси?..

От мыслей этих Шурке стало на малое время не по себе, он потоптался на крыльце, не зная, что предпринять, поглядывая на Старосту. Но делать было нечего — надо ехать. Не погонишь ведь обратно на ферму быка, не станешь объяснять бригадире, почему вернулся. Бригадир и не поймет тебя, засмеет — хорошо, а то отmaterит, а быка отдаст тут же другому. А ты дождайся заново очереди своей. Нет уж, поедет Шурка. Ничего, как-нибудь помаленьку. Дорога наезжена, воз большой накладывать не станет. Берез постарается навалить рядом с дорогой, чтобы не сворачивать в сторону, не гнать быка в глубокий снег. Хватит, поди, сил у него на один-то воз.

Шурка оглянулся: рассветало. Он забыл о себе: холодно ему или нет. В лес он поверх пальтишка отцову шубу наденет, а в лесу работой разогреется. Зимний рассвет — поздний, и день зачастую слепой, без солнца: взойдет оно во мгле и зайдет

во мгле, не проглянет за целый-то день. Но сегодня, судя по всему, день должен быть солнечным: деревья в куржаке, небо ночью было высоким и звездным, луна светила ясно.

Голосов и звуков по деревне прибавилось, слышал Шурка. Обметая веником-голиком валенки, он вошел в избу. Братья уже встали. Лампа была зажжена, а нечесаные Федька с Тимкой сидели друг против друга за столом, завтракали. Лохматые тени от их голов двигались по стене. На столе стояла алюминиевая тарелка с драниками, деревянная чашка с простоквашей. Федька с Тимкой ели драники, по очереди черпая ложками простоквашу. Братья были босиком, поджигали под лавкой ноги.

— А кто вам разрешил зажигать? — кивнув на лампу, строго спросил Шурка. — Стекло разобьете — где взять новое? Пожара наделаете — сгорит все до нитки, что тогда? По миру пойдем? Сколько раз говорили?! Кто надумал? Федька, ты небось?..

Братья перестали есть, молча поглядывали один на другого. Шурка тем временем разделся, складывая пальтишко и шапку на кровать. Валенки он снимать не стал. Помыл над тазом руки.

— Мы осторожно, Шурка, — сказал Федька тихо. — Ты не ругай нас. Тимка стекло держал, а я зажигал лампу. И спички положили на место, глянть. Во-он, куда мамка всегда кладет, на припечек.

— Ладно, — сказал Шурка. — Молодцы, что осторожно. Но больше сами не трогайте. Помните, какой пожар был у Сычевых? То-то и оно.

Он жалел братьев и устыдился тотчас же своего сурового голоса. Но и к лампе их подпускать ни в коем случае нельзя.

— Вы хоть умылись или сразу за стол? — Шурка взял щербатую материну ложку, сел рядом с братьями. Посмотрел на лица их: умылись вроде. Стали завтракать с ними.

Драники — еда не еда. Их надо есть прямо со сковородки, обжигаясь. В драниках всего и радости, что горячие: ни сытости, ни вкуса в них. Моет вечерами мать картошку, а Федька с Тимкой, меняясь, сдирая до крови пальцы, трут ее, неочищенную, на терке в большой развалистой чашке. Перемешав рукой истертое, мать отжимает картошку, оставляя в чашке сок. Сок отстаивается, на дне пальца на два-три оседает крахмал, верхний слой — мутная вода. Воду сливают, крахмал идет на кисель, а из отжима, добавив долю муки, мать печет хлеб и драники. Съел их горячих, штук пятнадцать, наелся не наелся, но живот полный. Скоро, правда, опять есть охота. Но просят Шурка с братьями драников по воскресеньям, без них вроде и воскресенье не то, не отмечено. Для блинов муки нет, так хоть драники. И мать ест их с охотой...

— Шурка, ты за дровами поедешь? — спросил

Федька.— Возьми меня с собой, а? Я тебе пособлять буду. Помнишь, мы ездили с тобой осенью, снег только-только выпал? Ведь я все делал, как ты показывал.

— Хорошо работал,— согласно кивнул Шурка.— Мы вдвоем три раза ездили, забыл? Первый раз ты ничего не умел в лесу... Но сегодня не возьму. Хворает ты, да и холодина. По теплу поедем, в марте. Все вместе. И Тимка, пусть причаётся.

Братья начали убирать со стола посуду, а Шурка тем временем одевался около двери. Штанов у него двое: в одних он в школу ходил, в других помогал по дому. На эти, рабочие, Шурка надел еще штаны, совсем уже изношенные, но без прорех, и штанины сразу же напустил на голяшки валенок, чтоб снег не попадал. Валенки у Шурки давние, самим и подшитые, тонкие, серой шерсти валенки — последнюю зиму донашивает их Шурка.

Пальтишко у Шурки на вате и шапка на вате. Пальтишка другого нет, и всякий раз жалко в этом ехать в лес: как ни оберегайся, зацепишься за сук, порвешь. А когда новое справят, он и сам не знает. Шапку, как ни натягивай, ни завязывай плотно наушники под подбородком — не убережешь голову от холода. Сколько раз, при отце еще, просил Шурка сшить ему овчинную шапку. Но, рассчитываясь за налоги, овчины сдавали, а если оставалась какая, копили их годами — шубу скроить, хотя бы одну на семью. Кто же рискнет целую овчину на шапку резать. Шубу — Шурка маленький был совсем, в первый класс ходил — отцу сшили. Ему без шубы невозможно было: ходил по ночам амбары колхозные сторожить, мерз. Теперь висит шуба на гвозде в простенке, между большой печью и дверью, надевают ее попеременно мать с Шуркой, больше — мать.

В лес ехать по морозу — уметь одеваться надо, Шурке давно растолковали. Одеваться потеплее нужно, конечно, но одежда чтобы просторной была, свободно сидела на тебе, не стягивала нигде.

Взяв шубу под мышку, сказав братьям: «Смотрите тут!» — Шурка вышел на улицу. Быка он не привязывал, зная, что от сена тот не уйдет. И точно, бык стоял на прежнем месте, пережевывая жвачку. Подумав, Шурка положил свернутую внутрь шерстью шубу на перильце крыльца, взял в сенях на лавке порожнее ведро, сбегал на Шегарку к проруби, принес воды и поставил быку. Бык к Шуркиной радости выпил чуть не целое ведро. Шурка отнес ведро на место и стал проворно запрягать Старосту. Сани в ограде, оглоблями повернуты на выезд: вчера, до бани еще, Шурка на себе притащил сани от Мякишиных. Шурка взял быка за кривой рог, завел в оглобли.

Быка запрячь просто, не то что коня. В бычьей упряжке ни дуги, ни седелки с чересседель-

ником, ни хомута нет. Хомут заменяет шорка. Это шириной в ладонь кожаные или брезентовые, с потниковой подкладкой, прошитые полосы, соединенные между собой железными кольцами. Надел через голову на бычью шею шорку — одна полоса легла сверху на холку, нижняя опустилась на грудь, кольца — на плечи. К кольцам привязаны веревочные короткие гужи-привязки. Свернул привязку петлей, надел петлю на конец оглобли, затянул — и все. На концах оглобель зарубы делают, чтобы петли не соскакивали. Или узенькую полоску брезента вокруг оглобли прибивают. Иной так оглоблю делает — сучки на концах, они петлю держат.

Надев на Старосту шорку, Шурка прежде всего посмотрел, впору ли она ему. Оказалась впору. Если шорка велика — плохо, плечи собьет быку, маленькая — еще хуже, душистый станет. Бык, да с возом, трех шагов не сделает. Шорку Шурка тоже взял у Мякишиных.

Когда нет своего, хоть плачь. В трех-четыре дворах по деревне обязательно имеется бычья упряжка. Есть, да попробуй выпроси. Один сам собирается в этот раз, второй соседу пообещал, а к третьему, зная его характер, можешь не ходить зря: не даст. Жадный. Бойтись заранее: вдруг сани сломаются, шорка порвется, веревка лопнет. Напрямую не откажет, что, мол, не дам, а начнет вилить, причины разные придумывать, а это и того хуже. Стой, слушай его.

Хорошо, старик Мякишин, живший по этому же берегу, через несколько дворов от Городиловых, не отказал. Старик редко кому отказывал, что ни попроси, а кроме того, сани и шорка ему сейчас особо нужны не были: сын старика, Иван, с недавних пор стал работать ездовым на конях, он привозил и дрова, и сено.

Веревку Шурке не просить: своя была. Одну осень отец вил из льна веревку для колхоза и уговорил председателя, чтобы ему, вместо положенных трудовней, веревку дали. Разрешил председатель. Принес, помнит Шурка, отец веревку домой, обрадованный. Берегли ее при отце, а теперь и того пуще. Топор Шурка наточил бруском сам, а пилу развести и наточить не смог, навика не было. Отнес Акиму Васильевичу, через речку, давнему отцову товарищу, тот и сделал.

Шурка топор воткнул в головашки саней, между прутьями талового вьзка, пилу положил на сани. Веревку одним концом он крепко привязал к левому заднему копылу, смотал ее, затянул мешок петлей, положил моток на пилу, сверху — собранное из-под морды быка сено, надел шубу, открыл ворота и тронул быка, выбравшись из ограды на дорогу.

Сосед Городиловых, старик Дорафеин — Шурка видел из ограды — тоже собирался в лес, запрягал корову. Он уже не работал нигде. Дочь замужняя и на ферме, и в поле успевала, старуха возле печи, а он, старик, на дворе всем правил,

хозяйство вел. Пошел как-то в контору быка просить и поругался с бригадиром — отказал тот. Обиженный старик более не унижался перед бригадиром, а стал приучать к упряжке корову. И не один он так по деревне. Но это не дело, считал Шурка, на корове возы возить. Корове надо стоять в теплом хлеву перед сеном вольным, молоко набирать, телят здоровых приносить. А то — в сани. За зиму сильная корова вымотается в оглоблях, молока прежнего не жди, на треть сбавит.

Проезжая мимо Дорафеиных, Шурка поздоровался со стариком, завернул быка вправо, на лесную дорогу, запахнул поплотнее шубу, поднял воротник и сел на головашки саней, спиной к быку, лицом к деревне. Рассвело совсем, исчезли звезды, незаметно пропала луна, а на восходе, за деревней, над тихим заснеженным лесом, невидимое за холодной белесой мглой уже подымалось солнце. Было ясно, что не прoderется оно сквозь мглу, не заискрятся, как ожидал Шурка, снега, и день простоят сумрачный, с низким небом. «Седой день» — по определению мужиков. Стемнеет рано, оглянуться не успеешь.

Дорога возле конюшни и дальше, перед тем как уйти за деревню в поля и перелески, как бы чуть подымалась, и Шурке, сидя в санях, хорошо было видно деревню: темные избы и дворы, пласты снега на крышах, скворечники, поднятые жердинами над дворами. Во-он, по левому берегу четвертая от края их, Городиловых, усадьба. А самая крайняя изба — Дмитриевых.

Деревня Шуркина называлась Никитинка и располагалась она — леса расступались на этом месте — по берегам речки Шегарки, берущей начало где-то в болотах, недалеко от озер. За Никитинкой, в верховье, верстах в пяти, была еще одна деревня — Юрковка, такая же маленькая, дворов до сорока. В Никитинке сорок одна семья проживает, слышал от взрослых Шурка. Вокруг Никитинки лес и болота, и вокруг Юрковки лес и болота: иди в любую сторону и день, и два, и три — все одно и то же. Спроси тех, кто охотничает, скажут, они далеко забредают в тайгу.

От Юрковки, если податься на закат, можно найти начало Шегарки, еще на закат — озера: Орлово, Полуденное, Кривенькое, Дедушкино. Рыбные озера. В некоторых щука и окунь водятся, в основном же — карась. Шурка не был на озерах: дойти — силу надо. Далеко, почва зыбится под ногами, оступился неловко — по пояс в трясину ухнул. Из ровесников Шуркиных тоже никто на озера не попадал, не могут похвастать. А мужики и взрослые ребята часто ходят, как время выпадает свободное. Приносят рыбу мужики, но Шурка не завидует: вырастет — избродит все, а рыбачить ему и на Шегарке хватает вдоволь. Удочкой за день шутя полведра чебаков и подъязков он налавливает, а если день удачный выпал, и ведро наловишь. Удочкой рыбачить

мало — кто возьмется состязаться с Шуркой...

Все деревни, деревеньки и деревушки, что по берегам Шегарки, связывает между собой дорога, начинаясь в Юрковке. По правому берегу идет она, сворачивая за Пономаревкой вправо, тянется до Пихтовки и далее, через Колывань, в город. От Никитинки в шести верстах вниз по течению Вдовино. Там сельсовет, почта, школа-семилетка, интернат, где третью зиму, приходя домой на каникулы и в выходные, живет Шурка. На север от Вдовино, на маленькой речушке, притоке Шегарки, деревня Каврушка. Ребятишки из нее во Вдовинскую школу ходят. Из Алексеевки и Носково, что еще ниже по Шегарке, тоже ходят во Вдовино. А уж сохловские — те в Пономаревку. Пономаревка, говорят, раза в три больше Никитинки, МТС там. Шурке в Пономаревку выезжать не довелось, а на Камышинке он был. Она между Хохловкой и Пономаревкой, угодья там никитинские, скот держат круглый год, молодняк, сено косят. Посылают каждое лето рабочее звено сено заготавливать. Шурку посылали копны возить. Самой деревни нет давно, стоит на берегу большой крестовый дом, позади, возле березника, длинный скотный двор, вот и все. Речонка Камышинка течет к правому берегу Шегарки, узенькая, мелкая, камышом заросшая — потому, видно, и название такое.

От Никитинки до Пономаревки тридцать верст, от Пономаревки до Пихтовки еще тридцать — там район, узкоколейка от центральной железной дороги протянута через болота. От Пихтовки до Колывани, большого села на берегу Чауса, путь не мерян, можешь за день, можешь за семь дней добраться — какая погода будет. От Колывани опять дорога, а уж там, за тридевять земель от Никитинки, город областной. В город по зимам, до метелей или после, как установится дорога, обозы идут из деревень — продать что-то, купить. Дней двадцать никитинский да юрковский обозы туда-обратно тянут, не меньше.

Шуркин отец ездил раз с обозом, клюквы возил пять ведер, луку, семечек подсолнуха. Продал, гостинцев привез, материи на штаны, на рубахи. Простудился он в поездке той, слег и не встал. Мать отговаривала его, чтоб не ездил, не послушал...

А сама Шегарка, вбирая в себя множество ручьев безымянных и речушек, далеко уходила от истока своего, впадая в Обь в другой уже области, в Томской, в тридесятиом государстве. Вот бы где побывать, а!..

— Но-но! — крикнул на быка Шурка, соскакивая с саней. — Уснул, что ли?! Давай, шевелись, дорога долгая! У-ух, и морозяка, аж слезы!

Сидеть все время на санях — задубеешь в два счета, лучше пробежаться за санями, согреться. Полушубок отцовский изношен, латан-перелатан овчинными заплатами, он великоват Шурке, но в лес в нем и ездить — воротник высокий, полы

колени прикрывают — куда как лучше. «Не жмет под мышками», — смеется Шуркина мать.

Шурка поправил воротник, запахнулся поплотнее, сунул руки в рукава и пошел за санями, поглядывая по сторонам, думая обо всем сразу. Дорога, по которой ехал Шурка, тянулась на Моховое болото. Краем бора по болоту драли из года в год для построек зеленый мягкий мох, отсюда и болото прозвали Моховым. Сейчас будет Дегтярный ручей, дальше, через занесенные снегами пахотные поля, выпасы и сенокосы, мимо притихших на морозе осиново-березовых согр, дорога ляжет через Большую грязь, рядом с которой сенокос старика Мякишина. Еще дальше, не доходя Святой полосы, возле калиновых кустов свернет налево, к бору. В конце полосы растёт старая корявая береза, таловый кустарник, осиновые островки с краю болота, а вот скоро и бор, где дорога разветвляется на несколько рукавов: там Шурка намерен напилить воз дров.

Дегтярным ручей потому называется, что на берегу его, недалеко от дороги, стояла совсем недавно дегтярка — печь с бочками, трубами — деготь гнать. Обдирали бабы с берез бересту поблизости, сносили сюда, а старик Осин, толстый, низенький, пыхтя, управлялся с берестой, перегоняя ее в черный душистый деготь. Потом дегтярку почему-то убрали, Шурка не помнит, по какой причине, а ручей так и остался с названием Дегтярный.

Все приметные места вокруг деревни носили названия, а уж дороги — обязательно. Дорога на Косари, Бачкарская, на Дальний табор, на Ближний табор, на Шапошниковы острова. Летом в лес, как правило, не ездят, а зимой от деревни к бору пробито сразу несколько дорог. Кто в каком краю деревни живет, в своей стороне и гонит с началом снегопадов дорогу. За Юрковский луг, на Моховое, за Горелый табор, на Шапошниковы острова.

Шурка посмотрел, нет ли впереди следов — их не было. Значит, первый он сегодня по этой дороге поехал. Может, кто-то догонит, позже подъедет или после обеда, когда освободится бык. Бывает, с утра привезет на коровник сена ездовой, а после обеда для себя уже.

Мужики, понятно, ездят за дровами поодиночке. Зачем им помощь. Ежели мороз терпим, ребяташек берут. Кому за десять перевалило — приучают. А у кого, как у Шурки, нет отца, те сами по себе. Или вдвоем с кем-нибудь. Шурка с Витькой Дмитриевым ездили на пару несколько раз — ничего, порядочные возы привозили. Когда сани одни, воз — тебе, воз — мне. А то и на двух санях, еще лучше. Случалось, поедут вдвоем ребяташки и не возьмет их мир, передерутся в лесу, укоряя друг друга: их воз больше наложился, а мне меньше. Шурка с Витькой не ссорились, но одному, решил для себя Шурка, спокойнее за дровами ездить: без обид.

Многие бабы, что из безмужних, жалея ребяташек, сами возят дрова и сено, но Шурка этого не допустит, чтобы мать в лес поехала. Шурка с отцом рано стал ездить и в лес, и в поля. Теперь сам любому показать-рассказать может, что и как. Всему научился.

Бык пересек ручей и теперь тянул сани через широкую заснеженную полосу, на которой из года в год сеяли рожь. Бык шел ровно, не убавляя и не прибавляя шага, и Шурка так же ровно и размеренно шел за санями, не покрикивая на быка, не подгоняя его. Два раза Шурке никак не обернуться, а один-то воз он и засветло успеет привезти. Постарается.

Молодые ребята, что ездowymi на быках работают, порожняком рысью быков гоняют. Быки боятся ездowych. Вспрыгнет парень на сани, встанет стоймя, расставит ноги, в левой руке вилы, рожки вил воткнет в головашки саней, черенком упрет себе в живот для устойчивости, в правой руке у ездowego палка, тонким острым концом палки как начнет он ширять быку под хвост, тот летит рысью, света белого не видя, и все хвостом крутит. Возчику надо на дальние поля за соломой или за сеном съездить с утра да после обеда раз туда же или в бор, вот он и торопит. Бока бычьи ходуном ходят, дышит он прерывисто, не успевая вдохнуть-выдохнуть, пар от морды валит. Шурке всегда жалко быков, когда он видит такую езду. Попробуй-ка, подыши на бегу, на трескучем морозе. «Как они только выдерживают, бедные?» — это мать о быках так.

Никто не знает, сколько длинной дорога на Моховое, пять, шесть, а может, и все восемь верст. Это до бора, а еще в бору проедешь версту-две, выглядывая подходящие березы: по краю-то бора свели давно березняк. Дорога наезжена, она не вровень с краями снежными, а ниже немного — сани движутся как бы по канаве в четверть глубиной.

Шурка шел и шел за санями, изредка передегивая под шубой плечами, пряча за воротником нос. Нигде парнишку особо не пробрало, терпимо было, но голову, чувствовалось, поламывало: поистерлась ватная шапчонка, плохо держала тепло. Полоса кончилась, дорога завернула между сограми в проушину, чтобы выбраться на сенокосы. Здесь вот, в узком месте, в тальниках, в дожди образовывалась непролазная грязь: Большая грязь. Ее приходилось объезжать. Но сейчас снег по обе стороны дороги, кусты.

Снегопады прекратились в последних днях ноября, насыпало выше колена, и тут же начались морозы. Снег промерз, отвердел, и от этого, казалось, стало еще холоднее. Шурка глядел на деревья. Березки, осинки, таловые кусты стояли недвижно, густо обметанные куржаком. Согры и перелески стыли в декабре, в крещенские, как говорила мать, морозы, когда над сугробами дер-

жался туман и трудно было дышать. Наступил недавно январь, до февраля, знал Шурка, случится несколько солнечных деньков, и тогда удивительно красиво делается в лесу: заискрятся деревья, множеством мельчайших огоньков заискрятся снега, небо поднимется, вроде бы раздвинется все окрест, станет просторнее, радостнее, звонче. За январем, в свой черед, подступит февраль, и загудит от метелей и в тайге, и в полях, и в деревне, и в избах. По низу, змеясь, неслышно поползет поземка, укладываясь большими и малыми сугробами возле любого препятствия; а ветер, продувая насквозь согры, раскачивая вершины деревьев, обломает сухие и слабые, промороженно-хрупкие ветки. Стихнут метели, бураны, вьюги — и не признать родных мест: так изменит их переметный снег. А морозы слабее, слабее. Вот март, первая половина, вторая. Деревья оттаяли, ветви снова сделались гибкими — никакие ветра не страшны, не сломать. Мартовские ветра влажные, снега съедают...

А сейчас пока январь. День Шурке выдался мгlistый, глухой. И тихо-тихо было. Шурка подумал, как холодно все-таки зимой деревьям на морозе, на ветру в снегу стоять. И бык... понимает все и чувствует, как ему холодно. Бык живой, у него есть душа. И у птиц, и у зверей есть души. Так отец объяснял. Шурка решил при том разговоре с отцом, что душа — это сердце. Но отец сказал: «Нет, душа — это совсем другое. Характер человека, привычки и... все остальное. Хорошо ли поступает человек, плохо ли — вот в этом его душа видна. Так и говорят: у него добрая душа, у него недобрая душа. У кого какая душа, тому так и живется. А живут люди разное».

Отец долго рассуждал тогда, да Шурка мало чего понял. По отцу получалось, что если у человека добрая душа, то и живет он счастливее, складнее. Лучше, значит. Шурка не согласился с отцом. У матери их добрая душа, и у отца была добрая, а жили они как? — впроголодь. Это при отце. А теперь, когда отца нет, и того хуже. У бригадира вон душа не совсем добрая, всякому заметно. Бригадир может дать быка, а может и не дать. Он может закричать в конторе на старика, выругать ни за что. А живет справнее других — вот тебе и душа. У Акима Васильевича, к примеру, и у старика Мякишина души добрые, а живут они, как и все. Правда, уважают их на деревне. Добра бы еще к уважению.

Шурка начал было размышлять, как же это получается: один с доброй душой рождается, а другой — с недоброй, живут рядом, а разное, у хорошего человека бед больше... Запутался Шурка, решил, что надобно обо всем этом подробнее спросить у Алексея Петровича, учителя географии, он знает много и объяснить умеет.

Холодно все-таки, как ни отвлекайся мыслями. Приотстав, Шурка бежит за санями, подпрыгивая, охает, бьет рука об руку и крепко сжимает

ресницы, чтобы освободиться от слез. «Эге-ей», — кричит он на Старосту, а тот и ухом не ведет: поскрипывая завертками, тащит пустые сани, переставляя клешнястые копыта. Бык заиндевел кругом, а пуще всего — морда. И у Шурки воротник поднятый шубный заиндевел от дыхания, нос пощипывало, как он ни прятал его за воротником. Левую щеку Шурка уже растирал несколько раз варежкой: хоть бы не отморозить, а то разболится, гнойниками пойдет — бывало такое с Шуркой. Гусиное сало искали по деревне, смазывали. Мать пугалась, что рывины на щеках останутся после гнойников. Но все обошлось...

Дорога, не доходя до Святой полосы, повернула налево. Широкий калиновый куст остался в стороне, красные кисти ягод видны были издали. Ни есть, ни пить Шурка пока не хотел, потому не пошел за калиной. На обратном пути сорвет он несколько кистей, пожует мерзлых кислотных ягод — утолит жажду и голод. Две трети расстояния, считай, проехал. Береза, конец полосы, сверток за тальники, начало болота с мелким кустарником по нему, осинички на высоких местах, опять кустарник, последняя поляна в этом углу, сосна на самом краю бора. Она видна издали: зеленая, среди темных, хоть и заиндевших берез. Увидел сосну — радуйся, до бора добрался, снимай шубейку, работу начинай...

Шурка огляделся по сторонам, на большие березы: тут бывали косачи, но сейчас их не видно. Страсть как завидует Шурка тем, у кого ружья есть. Он уже пробовал стрелять. В доску, правда. Но все равно попал. На тридцать своих шагов бил, без упора. Шестнадцать дробинок выковыряли потом из доски ножом, чтоб дробь не пропала зря. Митька Сергин давал ему стрелнуть разок. Когда бы отец был жив, может быть, и купили бы Шурке ружье. А теперь... и говорить об этом не стоит. Какое там ружье, мать материи на наволочки справить никак не может, не на что. А иметь бы ружьецо, одноствольное, двадцать четвертого, допустим, калибра или тридцать второго. Они такие ловкие, удобные. И экономные, зарядов не надо много. Патроны для них — с мизинец.

В деревне в нескольких дворах ружья. Отцы разрешают ребятишкам лет с тринадцати выходить с ружьем. Покажут сначала, конечно, объяснят. А Шурка только поглядывает на ровесников. Ах, ружье бы ему! Он спорый в ходьбе, все болота излазил бы. Уток весной на перелете — страсть божья. Чуть не в каждую лужу садятся. А уж осторожны они, а проворны! Летят, аж крылья свистят. Уток влет сшибать — вот это ловкость, это охота. Не то, что куропатку сидячую.

Шурка все места вокруг деревни знает, от огородов до бора — в какой край ни подайся. Телят пас, матери помогал. Четыре лета копновозил в сенокос, лето на граблях конных работал.

Избродил, изъездил довольно. С матерью ходил, по клюкву.

Но в тайге — не на сенокосах, где каждый кустик памятен, подскажет дорогу. Берешь клюкву: туда шажок, нагнувшись, сюда шажок; и все, казалось бы, на одном месте, а разогнулся, поднял голову — не знаешь уже, куда идти, в какой стороне дом.

В школе компас есть, учитель географии множество раз объяснял, как пользоваться им в тайге. За деревню уводил ребятшек, показывал — Шурка так ничего и не понял. Стыдно было.

— Да на что тебе компас, — усмехался отец, — кто из наших мужиков с компасом в тайгу ходит? И так сообразишь. Слушай... Вот пошел ты в тайгу, за клюквой той же, на второе болото. Куда ты идешь? На север. Части света знаешь? Очень хорошо. На север, значит. Деревья и Шегарка остаются у тебя за спиной. Шегарка куда течет, ты знаешь. А солнце движется по часовой стрелке. Сначала справа — правую щеку греет, потом затылок, левую щеку — это уже к закату когда близится. Надо тебе домой — повернулся лицом к солнцу и пошел. И к солнцу ты лицом, и к Шегарке, и к деревне. Не обязательно точно к своему огороду выберешься, за деревней окажешься справа, возможно, или слева. Но то, что к Шегарке придешь, это уж обязательно. Ну, уразумел что-нибудь?

— Понял, — неуверенно сказал Шурка. — Так ведь это, когда солнце. А если солнца нет, день пасмурный. Тогда что? Небось, голова закружится. Кричать начнешь.

— В пасмурный труднее, — согласился отец. — Но ты не просто идешь, зевая, в лес, а замечаешь по пути. Муравейник всегда возле дерева с южной стороны муравьи строят, от ветра холодного северного заслоняет их ствол. Мох на берегах с северной стороны растет гуще. Примет множество, сообразительность нужна, глаз, вычка. Соображать будешь, не заблудишься. Ну, поплутаешь раз...

— Купил бы мне, тятенька, ружье, — попросил тогда Шурка. — Я люблю в тайге бывать и дорогу научусь отыскивать, да что толку без ружья бродить. Рябчики там встречаются, глухарь вдруг взлетит. А я — с голыми руками. Ничего мне не надо другого...

— Зачем оно тебе, милок, ружье, — подумав, сказал отец. — Разве не жалко будет убивать, хоть и рябчика? Пусть живут себе, летают. Всякому, Шур, жить охота. Да и мал ты еще для ружья. Вот вырастешь, работать станешь, тогда и ружье. Любишься просто природой, понимать ее научись — великое дело. Жалость в тебе должна быть.

— А как же скотину? — спросил Шурка. — Каждую осень скотину на деревне режут, не жалуют. И мы режем: баранов, боровка. Или не

жалко тебе их, тятенька? Мне овец жалче, чем тетерева или зайца.

— Жалко, — кивнул отец. — Только это скотина, на то мы ее и держим, выкармливаем. Из года в год. Чтобы заколоть и съест. Так уж повелось издавна, ничего тут не поделаешь. Так повелось. Без нее тоже никак нельзя, без скотины. На картошке одной не протянешь. А раз держишь, тогда коли, режь. Такая жизнь, милок. Так складывается она. А птица, птица — вольная, ничья она, никому не принадлежит, от нас с тобой никак не зависит. Сама корм добывает, сама гнездо вьет, сама птенцов выводит, выкармливает. Они лес украшают, всякие птицы, большие и малые. Убери их, перестреляй, и в лесу пусто станет, скучно. А вот когда сидит косач-тетерев на березе, глаз радуется, душа радуется. Или скворец поет. Зачем их стрелять? Конечно, когда человеку голодно, он ни о чем не думает, только бы поесть. Когда голодно. А многие стреляют не потому вовсе, что есть нечего, в запас. Не надо выкармливать, выхаживать, заботиться. Готовая летает. Пошел — убил. Я никогда не убивал. Лови рыбу, Шурка, милое дело. Рыбу можно, она без души, немая. А зверье, птицу... Это же радость человеку. Кто природу любит, тот никому зла не сделает — попомни, сынок...

Шурка попрыгал на одной ноге, на другой. Прыгая, намеренно отстал от саней и побежал, догоняя, выбрасывая ноги, поджимая их до отказа под себя, чтобы согреть в коленях. Проехали березу, чей-то сенокос, свернули за тальники. Тут край болота, высокая полуполегшая болотная трава выглядывала из-под снега. Вспомнив разговор с отцом, Шурка стал думать об отце.

Шурке не было и года, когда отец уходил на войну. Шурка помнит, и то очень слабо, возвращение отца. До Пономаревки он как-то доехал, а с Пономаревки до своей деревни шел пешком. Вернулся отец осенью сорок третьего, с Урала, где долго лежал в госпитале. На войне ему прострелили легкое и покалечили левую руку — она больше не сгибалась, не разгибалась в локте; два пальца на руке, большой и указательный, еще шевелились; остальные скрючены, мертвы. Из вещмешка отец достал два бруска сырого темного мыла, несколько горстей ржаных сухарей, медали, завернутые в тряпицу, махорку в коричневых пачках и книжку Вальтера Скотта «Роб Рой» — интереснейшую книжку про английских рыцарей, ее отец читал в госпитале...

Съедены сухари, искурена махорка, израсходовано в стирке мыло, отца нет, остались медали да книжка про рыцарей и храброго, благородного стрелка Робина Гуда, который жил в лесу, не расставаясь с луком.

Вернулся отец. А война продолжалась. Через год Федька родился, а еще через три — Тимка. Определили отцу третью группу, пенсию назна-

чили, и стал он жить не тужить, как говорила мать. Покашливал, прижимал к боку большую руку. Возвращались деревенские до отца, возвращались после, но многие остались там — на них бумаги прислали. Война одна, а судьбы разные. Кто пришел не задетый вовсе или слегка, а иной изранен страшнее некуда.

Летом отцу было легче, а как настанет зима, выйдет он из теплого помещения, глотнет морозного воздуха — сразу кашель, простуда. Либо дома лежит, либо во Вдовинской больнице. Мать ему шарф связала из овечьей шерсти, шарфом этим он закутывал лицо зимой до глаз самых, так через шарф и дышал. Через два года на третий, а то и чаще, вызывали отца в город на переосвидетельствование: не начала ли двигаться рука, не снять ли инвалидность, не перевести в разряд здоровых людей. Но рука не разгибалась, не оживала. Двумя пальцами, большим и указательным, мог отец, помогая правой руке, свернуть самокрутку, да курить он бросил почти сразу же по возвращении: врачи запретили. Так оставался отец на третьей группе. А инвалид третьей группы, как объяснили ему, обязан выходить на работу, пользу приносить. Отец и без объяснений, двух недель не выйдя дома, пошел в контору напрашиваться на работу. А работы подходящей не было. Ни пахать, ни сеять, ни косить не мог он одной рукой. А легкой работы в колхозе не было. Бригадиром отец смог бы, пожалуй, но бригадиром давно уже, почитай с самого образования колхоза, сидел свой же мужик, состарился на этой должности, и неудобно было его смещать теперь. Да никто и не собирался снимать его. Пошел отец в пастухи, не от колхоза, а от деревни: летом пас индивидуальный скот, а в октябре уже, по заморозкам, после окончания уборочной, когда в амбары ссыпали собранное зерно, определялся сторожить амбары. Хотя чего их было сторожить, никто никогда не посмел бы сорвать замки с дверей и унести зерно. Но сторож был положен к амбарам, вот отец и сторожил. Простуживался он постоянно, кашлял, болел, чах на глазах и не похож был совсем на того мужика, что уходил с другими на войну. Седой, согбенный, старый.

Была в деревне работа, которая вполне подходила Шуркиному отцу, и он с радостью взялся бы за нее — возить почту. Почтовое отделение находилось во Вдовино, при сельсовете, и нужно было ежедневно, кроме выходных, ехать туда, почту получать. Почтальоны менялись часто, подводу им не давали, в войну занималась этим престарелая обессилевшая баба: ее уж никуда и поставить нельзя было, как вот носить почту. Покуда туда доберется, обратно — и день погас. Женщина та умерла, после нее почтальоном делался по своей охоте Степан Козлов, молодой мужик, воевавший. Воевал он, как говорили, счастливо, не ранило его ни разу, контузило только.

Контузило, видно, крепко. Вернулся он почти одновременно с Шуркиным отцом, тоже третью группу инвалидности определили ему. Рассказывал Степан, как взрывом подняло его на воздух, ударило об землю, лежал он без памяти и очнулся уже в госпитале, куда притащили его санитары. Первое время заикался, теперь вот речь выправилась, но гудит постоянно голова, слабость, нет в теле прежней силы. Погуляв по возвращении, отдохнув, пришел Степан в контору просить подходящую работу. Председателя не было как раз, бригадир, взглянув на Степана, сказал: «Становись с завтрашнего дня с бабами к молотилке, снопы швырять, — самая подходящая работенка. Другой я тебе и не подыщу». Сказал и пожалел бригадир. Степана тут же перекосило, он рванул ворот гимнастерки, роняя пуговицы, шагнул к бригадиру: «Ты что? Ты кого это на молотилку посылаешь, гад ползучий?! Меня?! Да ты знаешь, что я об землю ударенный?! Да я...»

Отдали Степану почтальонство. Мало того, лошадей выделали: ходить пешком он не соглашался. Раньше тетка сумку брезентовую таскала на себе, перехлестнув ляжку через плечо, а если случались посылки, подвозила на попутных подводах. Степану выдал председатель полуслепую, вислопузую кобылу. Держали ее ради жеребят: ежегодно приносила она жеребенка. Запряжет Степан кобылу в ходок, сядет, свесив ноги, и — поехали. Жеребушка сзади бежит, колокольцем обрякивает. Степан жеребятам колокольцев, на шею вешал, слышал он, что в старые времена почта с колокольцами ездил.

Работа Степану приглянулась несказанно, прикипел он к ней и ничего другого признавать не хотел. Работенка удобная была во всех отношениях. Колхозникам трудодни пустые начисляли, а Козлов, хоть малые, но деньги получал. Почту раздал, дровец подвез себе из ближайшего березника, копы поддернул к стogu во время сенокоса: лошадь в своих руках. От контузии он выправился, каждому заметно, домашнюю работу делал ладно, собирая сено, навильники на стог выбрасывал добрые, без силы в теле таких и не поднять. В гости зайдет, одним стаканом не отделяется хозяин, а второй выпил — засел за столом, считай, до темноты.

— Да что они там, без глаз, что ли, кто группы инвалидные назначают! — ругалась Шуркина мать. — Отцу третью группу и Степану третью. Одного согнуло коромыслом, а другой носится по деревне, как жеребец племенной. Где правда? Написал бы куда, отец!..

— Степан, — говорили мужики в глаза Козлову, — что же ты так... пристроился. Передай почту Павлу Тимофеевичу, тяжело ему за стадом да возле амбаров. Ты ведь моложе его, здоровей. Неужто тебе не стыдно: бабы с литовками по жару котарник выкашивают, а ты на тележке раскатываешься, газетки возишь. Нехорошо, а?!

Степана сразу затрясет, рот в сторону, слюна брызгает. И в крик: «Я воевал, твою мать! У меня контузия! Кто видел, как меня швырнуло?! Никто! А тут увидели... на тележке. Вы сами!..»

Старый бригадир домер, нового поставили, молодого. Тот на первой же неделе бригадирства надумал сдвинуть Степана с почтальонства, а не тут-то было. Вызвал в контору, по-доброму стал убеждать сначала. Степан и слушать не желает. Бригадир в крик тогда, и Степан на него кричать. Бригадир ругаться страшными словами; и Степан такие же слова знает. Глаза побелели, остановились, рубаху рвет на груди, а сам на бригадира напирает, драться готов. Отступился бригадир. Не драться же на самом деле. Покричали друг на друга и разошлись.

Не отдал Степан почтальонства Шуркиному отцу. Отец от стада отказался, стал помогать колхозу по мелочам. Веревки вил как-то, дров напилил в контору одной рукой. «На подхвате держат, чтобы дыры затыкать», — ругалась мать. Попросился раз с обозом в город — разрешил председатель. Поехали в начале марта, по погоде, по устоявшейся дороге, но где-то между Мальчихой и Сташково, на самом долгом перегоне, захватил их буря, ночевать пришлось возле воев, отец простудился, вернулся назад хворым, да так и не поднялся. Хоронили отца в апреле, по теплу, под снегом пробивались ручьи, день был воскресный, шла за гробом едва не вся деревня, фронтовики бывшие, шел и Степан Козлов, почтальон. Шурка в пятом классе учился тогда.

Теперь отец лежит в земле, на деревенском кладбище, на берегу Дегтярного ручья — ручей там впадает в Шегарку. Одежду отцову мать, спустя сорок ден, перешила на сыновей, остались в память об отце шуба да книжка, привезенная из далекого уральского госпиталя. Шубу носят, накрываются холодными ночами, а книжку Шурка бережет, перечитывая время от времени, хотя помнит уже имена всех рыцарей и благородные поступки замечательного стрелка Робица Гуда.

Они и при отце жили натянуто, а сейчас и того лучше натянулось, тронь — порвется. Он хоть и хворал, и помощи от него вроде особой не было, но он мужиком был, хозяином. Мать как говорила: «Паш, ты мне не старайся помочь, не надо. Ты только рядом побудь, и то мне легче делается. А работу — сама я. Посиди рядом».

Его на деревне уважали; отца. По имени-отчеству называли. В деревне — все на виду, не каждого по отчеству назовут, повеличают. А вот больше нет его, Шуркиного отца, Павла Тимофеевича Городилова. Остались они с матерью — три сына его: Александр Павлович, Федор Павлович да Тимофей Павлович. «Три богатыря, — усмеялся, бывало, отец, — ничего не страшусь. Любую беду шутя отведу».

«Ну, Шурка, — сказала после похорон мать, — без отца мы на весь век наш. Осиротели. Ребятишки малые еще, вся надежда на тебя. Мне стариться — вам расти. Пока жива, силы есть, буду подымать вас, а вы мне помогайте. Держаться нам друг за друга надо крепко...»

А Шурка и без материных слов понимал, ка-

ково им придется. Помогать он всегда помогал, насколько хватало сил его и умения, а теперь тройне старался. И братьев приучал. Тимка, тот послушный. Что ни заставь, сделает. Шурка с Тимкой в отца уродились: узколицы и волосом темно-русы. А Федька в мать: бойкий, круглолицый, волосы рыжеватые. И к работе не шибко тянется. Скажешь, а он будто не слышит. Шурка ему поддал разок — сразу присмирел, изменился. Тетради свои братья Шурке показывают, уроки отвечают. Он им растолковать готов всегда, что не ясно. Федька по арифметике плохо успевает, не любит задачки...

«Надо их подстричь перед школой,— думает на ходу Шурка,— лохматые оба». Отец подстригать умел: ножницы да гребешок. Мужики к нему по субботам перед баней подстригаться ходили. «Как здоровье, Павел Тимофеевич,— спросят от порога,— подровняешь маленько?!» Отец никому не отказывал. Шурка, глядя, научился возле него немножко парикмахерству.

Каникулы заканчивались, до начала занятий оставалось три дня. Каникулы всегда быстро проходят, как и лето. А зима тянется, тянется, ни с места. Тимка с Федькой пойдут в свою, четырехклассную, а Шурка во Вдовино, в семилетку, где он учился последний год. Каникулы, хорошо... Только вот с дровами... Мать надеялась за время каникул два раза быка выпросить, а не получилось. Потому сегодня надо привезти настоящий воз. Шурка постарается, не впервой ему за дровами отправляться,— напилит, наложит, да потянет ли бык. Главное — дотащить воз до дома. Здесь уже все зависит от Старосты.

Сколько этих дров уходит за зиму! В одном только дворе, если сложить сожженные кражи в кучу, гора получится. У кого изба крепкая, из толстых, ровных, хорошо просушенных бревен, а между бревен моху положено достаточно, сени рубленые, окна с осени заделаны старательно, заваленки широкие подняты, в такой избе зимовать можно, она тепло хранит, холод не пускает. А ежели избенка никудышная, тут уж знай одно: подбрасывай поленья в печку. В любой избе две печки сложено, большая, русская, и маленькая, голландка. Русскую печь утром топят, хлеб пекут, щи к обеду варят, картошку мелкую для поросенка и кур ставят туда же в ведерном чугуне. Мать большую печь через день топят, да так, почитай, все бабы по деревне делают. Она как прогреется, тепло долго держит. А если каждое утро — дров не напасешься. А голландку — по вечерам: ужин сварить, избу на ночь прогреть, чтоб спалось спокойнее. Их, Городиловых, изба не то чтобы совсем старая, но и не новая, лет двадцать стоит — подсчитывал, вспоминает Шурка, отец. С осени утеплять принимались избу всей семьей, как только могли. А все одно. Еще когда безветрие — терпимо, а как метели разгулялись, сколь ни топи с вечера, за ночь выстудит.

Мать дрова экономит, лишнего полена не положит в огонь. Да как ни экономь, топить надо. Привезет Шурка воз — распилят или просто ворохом оставят в ограде, в сторонке, чтоб не мешали. Неделя прошла, начало другой, глядь — дров опять нет, как тают поленья. Иди в контору. Летом, если с зимы остался какой запас дров, боже упаси хоть одно полено из них взять. Щепки собирают, палки всякие. Жердина прогнила, проломилась в городьбе, новую срубил в согре, притащил, поставил на место старой, а старую — на дрова. За хворостом отправляются: кусты рядом. Мать, возвращаясь с фермы или с поля, увидит где обломок доски, жердину, ветку сухую — несет в ограду. И ребятишек так приучила. Иной раз на дальних сенокосах заметит в согре сушину, сломит руками, под мышку и тянет ко двору — на две растопки хватит. Летом не для тепла топят, лишь бы поесть сварить. У иных печурки летние в оградах под тесовыми крышами сложены или в тагане варят. У Городиловых летней кухни нет, голландку мать редко топят, если дожди — тогда, обычно же на тагане готовят, в ограде. Таган-треножник на кирпичи ставят, повыше чтоб...

Шурка поднял голову и увидел сосну. Бык пересек последнюю в этом углу поляну, и они въехали в бор. В бору снега было больше, намело с полей, и тихо, как всегда. Росли здесь в основном сосны, потому бор и назывался сосновым. Много было берез, особо по краю. Осины редки. Осиновые острова — высокие сухие места — встречались в глуши бора, на островах жили лоси. «Лосиные острова» — зовут издавна мужики-охотники такие места.

Проехав немного, Шурка остановил быка, оглянувшись. Дорога разветвлялась на несколько рукавов, рукава недалеко уходили в глубь леса, на версту, полторы. Краем бора подходящие деревья давно спилили — из года в год ездят сюда за дровами. Остались толстые старые березы, суковатые и корявые, такие на дрова не годились. Шурка замер, прислушиваясь: где-то неподалеку стучал клювом по стволу дятел. Повертел головой, но дятла не увидел.

— Но-о! — крикнул на быка, направляя его в один из правых рукавов. — Давай, Староста! — закричал громче, чувствуя, как трясется, не слышится нижняя челюсть. Стал прыгать, ухая, сводил-разводил руки, присел несколько раз подряд, и все никак не мог согреться, дрожал. Он знал, что скоро согрется, помашет топором, и ему станет жарко, развяжет тогда тесемки под подбородком, а то и поднимет, завернет наушники. Но сейчас... О-о-х, ну и мороз-морозище! Ну и денек выпал — закачаешься!..

Бык шел, и Шурка шел за санями, отбросив на плечи воротник шубы, поглядывая по сторонам, высматривая березки по силе и не шибко далеко от дороги. Но ничего нужного не попадало — тол-

стенные березы, таловые кусты, вон черемуха, а то все сосны: высокие, ровные и гладкие, что идут на строительство, да кривые и суковатые. Маленькие сосеночки, с пушистыми мягкими веточками. Сорвешь с такой ветки иголки, пожухнешь — запах, будто в летнюю жаркую пору в бор попал. На полузанесенных трухлявых пнях белые колпаки снега.

Шурка проехал в конец своего следа, где в декабре еще валил деревья. Вот и разворот. Но рядом со следом ни одной березы не было, да хоть бы и была, что толку — лесиной не обойдешься, на воз две, а то и три надо. Бык остановился, Шурка снял шубу, свернул внутрь, положил на головашки саней. Сажень в пятидесяти от того места, как обрывался путь, среди мелкого ельничка росли три ровные прогонистые березы — из каждой четыре кряжа свободно можно выгадать.

Шурка березы эти раньше высмотрел, да обошелся другими, что возле дороги, чтобы не лезть в снег. Повернув на старый след, Шурка как-то не думал о них, не был уверен, что березы целы, их могли давно уже спилить: три недели прошло, как приезжал за дровами. Хорошо, что березы на месте, искать не надо другие, но бить дорогу — ним ему не хотелось. А если здесь, на твердом месте, оставить сани, то кряж за кряжем оттуда, в снегу по пояс, ни в какую не перетаскать. Ни волоком, ни катком, ни переброской: мужичья сила нужна. Да и мужик из такой дали вряд ли станет носить. Никто не любит съезжать

с торной дороги в снег. Не каждый бык на дороге выберется с возом.

Шурка раздумывал: не повернуть ли назад, проехать по другому свертку, поискать. Но жалко было оставлять березы. Они как свечи, без сучков до самых вершин, верных четыре кряжа из каждой, такой возяка будет — позавидуют. А искать — найдешь ли. Эти же скоро спилят — сам же и пожалеешь потом. Нет, надо эти валить.

Шурка проворно взял веревку, привязал концы ее к бычьим рогам — узду делать было не к чему, — расставив ноги, встал стоя на сани и, понужнув быка, шлепая веревкой-вожжами по спине, направил к деревьям. Бык шагнул, сразу провалившись по брюхо.

Сверху снег ровный, не знаешь, много ли его здесь панесло. Под снегом не поляна — кочки, пеньки встречаются от срезанных деревьев. Шурка приседал на саних, вдавливая сани в снег, натягивая то правую, то левую вожжу. Плавно обогнул березы, выехал на прежнее место. И еще раз так проехал. И еще. Снег глубокий, кочек много: низинка тут вроде. Сейчас сани идут легко, а наложки дров — осядут на кочки, и все. А то на пень возок попадет — еще не лучше. С кочки, бывает, сдернет бык сани, а уж на пень налетел — страшнее не придумаешь: развязывай веревку, сбрасывай кряжи. Освободил сани, переложил воз, отъехал — снова пень.

Все это Шуркой было уже испытано, потому он решил не рисковать. Бык старый, больной, слабосильный — не вывезти ему воз отсюда. Надо

так сделать: свалить березы, раскряжевать, по два-три кряжа вывезти на торную дорогу, свалить там сбочь, установить сани на твердый след, наложить воз, увязать его и со спокойной душой трогаться. Лишняя работа, правда, кряжами перевозить, но что поделаешь. Зато — опаски меньше, да и не шибко-то и далеко здесь.

Так решил. Выехал на старую дорогу, развернул быка головой в бор, положил ему сена, взял пилу, топор и пошел, проваливаясь, к березам. Оглянулся: Староста ел сено. Ест — хорошо, сил наберет. Валить березы Шурка обязательно будет в сторону быка: ближе тогда возить.

Подошел к крайней березе, ударил обухом по стволу — с вершины на плечи ему, на шапку посыпался снег. Положив пилу и топор, он задрал голову посмотреть, куда клонит береза, но береза была прямая и смотрела точно в небо. Это была молодая, не очень и толстая, сильная береза, береста ее еще не потрескалась, была гладкой и плотной. И две другие березы были такие же. Они стояли недалеко, одинаковые почти, будто стали расти в один день, и росли, не стараясь перегнать одна другую, не мешая, не застя света. Отдавать кому-то такие березы грешно.

— Ух, ты! — радуясь, воскликнул Шурка. — Три сестрицы! Все равны, как на подбор! Погодите-ка, сейчас примусь за вас! Три сестрицы, три девицы, три веселых молодницы! А ну-ка, поберегитесь, матушки мои!..

В лесу Шурка разговаривал сам с собой. Работа под разговор спорилась лучше. Да и кого было здесь бояться? Волки в лесу шегарском не водились, медведи жили, но они теперь лежали по берлогам. Лоси еще, так лось на человека не кидается, если не ранен. Да и не подойдет он на шум. Шурка читал в книжке «Охотничьи рассказы», что иногда, притаившись в густых ветвях, лесная кошка, росомаха, хищная и ловкая, прыгает на плечи охотника, стараясь перекусить шею. Но ни с кем — не слышно было — из деревенских мужиков-охотников не случилось ничего подобного. Росомахи были в тайге, следы попадались изредка. Но никому еще не довелось подстрелить кошку или поймать в капкан.

В глубине бора гулко лопнуло дерево: мороз жал. Но Шурка не боялся уже его: пританцовывая, он кружил вокруг березы, отаптывая снег, чтобы удобнее было валить с корня. Кто ленив или торопится, сильно-то не отаптывает, обойдет разок, согнетя чуточку и начинает пилить на уровне живота своего — пень высокий остается. Это не по-хозяйски. А оставь высокий, в другой раз сам же на него и налетишь, посадишь сани.

Хорошо, когда береза с наклоном и наклон в нужном направлении: подрубил, подпилит — она сама упадет, не надо и подталкивать. Под ветер удобно валить, но на ветер — не приведи господь, намучаешься. Вырубай рогатину, упирай ее под нижний сук или прямо в ствол, наваливай-

ся трудью на конец рогатины и дави, что есть мочи, пока в глазах не позеленеет. Одному в таком случае трудно, вдвоем если... Да неизвестно, как поведет себя прямая береза. Может «сыграть». Ты направляешь ее к дороге, а она развернется на срезе и — на тебя. Пилу запросто сломает, сам берегись — спишет, вдавит в снег, вскрикнуть не успеешь. А то верхушкой угадает на другую березу, в развилку как раз, меж сучьев крепких, тогда отступайся, сил не трать, бросай и принимайся за другую.

Какую ни вали, сноровка и умение нужны всегда. Потому сперва стоит оглядеться, прикинуть, что и как. С отцом надежнее Шурке было, спокойнее, отец все знал, каждую зацепку предусматривал заранее и не ошибался. Работают, бывало, а он попутно объясняет Шурке, что к чему. Вторую зиму один едит в бор Шурка, и все, что познал с отцом, пригодилось, и своим умом дотягивать приходится, на себя надеяться.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Школа жизни

**Серафима
ПЕТРОВА**

Рисунок
Т. Анпиловой

Даже трудно подобрать такое горестное слово, чтобы выразить, каким было детство у Алеши — голодным, безрадостным, суровым, горемычным, сиротливым...

На Урал Бондины попали по роковой случайности: деревню, где они жили, выиграл в карты Демидов. Всех крепостных он перевез в Нижний Тагил. Здесь и родился Алеша, он был пятым в семье рабочего Петра Бондина.

Восьми лет Алеша остался круглым сиротой. Жил у брата, у сестры, а в голодный 1891 год его отдали в казенный Авроринский приют. Это не печально известная бурса даже была, а скорее — ночлежка, детская тюрьма. Кусок хлеба и кружка кипятка утром, суп-балада да немного каши в обед — вот и вся еда. Одежды почти не было вовсе, спали на полу на соломе вповалку, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться. В приюте Алеша и подорвал здоровье.

Вернулся со службы Александр, поглядел на младшего братишку — и не выдержал солдат, заплакал. Взял брата к себе на иждивение, потом отдал его в училище.

Алеша Бондин закончил начальную школу, перешел в городское двухклассное училище. С охотой он учился, был способным. Но тут другая беда подстерегла его: батюшка не поставил высокой оценки за знание главного предмета — закона божьего, и Алешу лишили стипендий — трех рублей, на которые он жил.

Александр сказал:

— Не могу больше тебя содержать — сами впроголодь живем. Иди работай.

В четырнадцать лет Алеша Бондин поступил на Нижнетагильский железодельный завод. Сначала был на побегушках, потом выучился на слесаря. Все бы хорошо, да опять несчастье: повредил глаз — попала чугунная окалина. Такие рабочие не нужны были хозяевам — и его уволили.

И пошел семнадцатилетний Алеша Бондин скитаться по Росии-матушке. Рая нигде не нашел. Остановился в Нижнем Новгороде, устроился на Сормовский судоремонтный завод.

...Вот такое было у Алеши Бондина детство. Хуже и не придумаешь, хоть книгу пиши: мелькнула у него такая мысль — описать свое детство. Когда прочитал книги М. Горького, эта мысль укрепились, стала желанной мечтой.

В Сормове А. Бондин познакомился и подружился с Петром Андреевичем Заломовым, руководителем марксистского кружка, стал связным в его группе. Алексей был активным участником знаменитой Сормовской первомайской демонстрации в 1902 году. После разгона демонстрации он был уволен с завода.

Снова родной Нижний Тагил. Теперь А. Бондин, уже революционер со стажем, становится во главе рабочих депо, его избирают в делегацию для переговоров с администрацией. 11 дней продолжалась забастовка в Нижнем Тагиле, к сожалению, она ничего не дала рабочим. Бондин же был арестован.

В 1908 году А. Бондин вернулся в родной город, поступил в депо станции Нижний Тагил. Здесь в качестве слесаря он проработал почти четверть века, до 1932 года, пока не стал... профессиональным писателем.

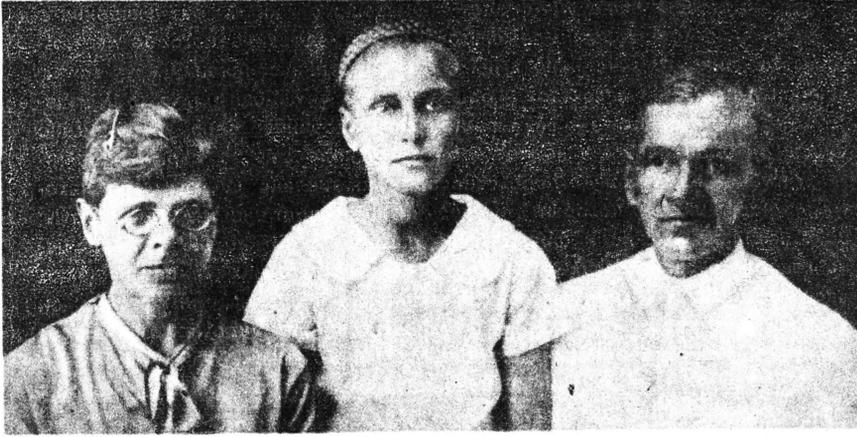
Да, Алеша Бондин, Алексей Петрович теперь, как и мечтал в детстве, стал писателем — широко известным, основоположником уральской литературы о рабочем классе.

Написал он много пьес, рассказов, повестей. Романы «Лога» и «Ольга Ермолаева» о жизни уральских старателей и рабочих стали значительным явлением в уральской советской литературе. Однако особенно прославился А. Бондин, когда вышла в свет книга «Моя школа» — та самая повесть о его горемычном детстве, которую он мечтал написать давным-давно.

...Прежде чем рассказать о бондинской повести детства, хочется напомнить еще об одном эпизоде из биографии писателя.

Осенью 1931 года в дверь дома Бондина постучалась девочка лет девяти — оборванная, грязная. Она попросила милостыню. Алексей Петрович накормил ее. На другой

Александра Самуиловна и Алексей Петрович Бондины с Варей.
Снимок публикуется впервые.

день девочка опять пришла к доброму дяде.

— Как тебя зовут? Кто ты? — спросил Бондин.

— Варей зовут. Никто я...

— Как же так? Кто твои родители?

— Умерли папка с мамкой от тифу...

— Где же ты живешь?

— Нигде. На лавочке, бывает, сплю, а лучше в хлеву где, со скотницей... Побираюсь вот...

Когда Александра Самуиловна, жена Бондина, пришла из школы, Алексей Петрович мыл в корыте девочку. Завернули они ее в простыню и посадили за стол, а Варя вдруг свалилась на пол... Она, оказывается, была тяжелобольной — тиф. Четыре месяца Варя пролежала в больнице, а потом Бондины взяли ее к себе. Дочерью стала Варя для них. Они ее красиво одевали, девочка училась в школе, ей дарили подарки, книги. «Эти годы, — вспоминает Варвара Васильевна, — были самыми счастливыми и радостными в моей жизни».

В 1937 году Варю разыскала ее старшая сестра, и она уехала на Украину...

Автобиографическая повесть А. П. Бондина «Моя школа» вышла в 1934 году. Мало тогда издавалось книг для детей, да еще таких — глубоко правдивых, о трудном детстве. И посыпались в Нижний Тагил письма юных читателей.

«Моя школа» — замечательная книга. Но в то же время она очень печальная. Никто еще, наверное, без

слез ее не прочитал. Сердце наполняется ненавистью к тем, кто издевается над людьми».

«Перед глазами проходит безрадостное детство мальчика Лешки. Так жили в царской России миллионы детей. Разве наше детство похоже на детство Алексея? Мы сейчас узнаем об этом только из книг».

Среди множества писем, адресованных А. П. Бондину, привлекает внимание, особенно интересно для нас послание юного Олега Корякова, впоследствии известного советского уральского писателя. Это — письмо ученика к учителю.

Мы приводим его полностью:

«Уважаемый
Алексей Петрович!

Письмо это пишет младший сын тагильца Корякова Фоки Никифоровича. Я познакомился с Вами на вечере критики в библиотеке им. Белинского. Может, не забыли?

Главным поводом для знакомства послужило то, что я сам начал пописывать. Случилось это так. В прошлом году у нас в школе объявили конкурс на лучшее произведение. Я вздумал написать рассказ. Написал. Получил 1-ю премию. Потом писал еще. Последнее время ударился в стихи.

Посылаю Вам свой небольшой рассказ (мелко написано — экономлю место, толстые пакеты по почте письмами не шлют).

Прошу Вас, напишите мне о нем свое мнение.

Помню, папа, когда читал «Лога», «Моя школа», «Уходящее», вспоминал все Вас, завод, детство. Рассказывал мне. И еще тогда я думал: «Вот бы мне познакомиться с Бондиным». Теперь познакомился, официально, правда...

Конечно, нехорошо, что я долгое время у Вас отнимаю. Но, думаю, Вы мне простите это.

Если не откажетесь принять, я пошлю Вам своих стихотворений — покритиковать. Для меня ведь это очень ценно.

Ну, кончаю. Привет из Свердловска.

Уважающий Вас

14.XII.36.

Алексей Петрович! У Вас должен быть адрес Ал. Суркова. Пожалуйста, пошлите мне его.

О. Коряков».

В 1939 году А. П. Бондин умер. Его похоронили в городском парке, носящем его имя. П. П. Бажов тогда сказал: «Смерть еще далеко не конец Алексея Петровича. Он долго будет жить в своих произведениях». На могиле установлен памятник известного уральского скульптора М. П. Крамского. В глыбе серого мрамора высечен горельеф писателя. В руках он держит книгу М. Горького, своего учителя, смотрит он на завод, с которым была связана вся его жизнь...

Имя Бондина носит школа, улица в Нижнем Тагиле. Открыт в городе и музей писателя.

Нынче, в августе, тагильчане, как и все советские люди, с уважением к таланту отметят столетие со дня рождения замечательного уральского писателя.

Браконьеры

**Александр
БОЛЬНЫХ**

Петр Кузьмич втянул голову в плечи и испуганно оглянулся: хруст сухой ветки под ногой отдавался в ушах залпом целой роты. Показалось, что вот сейчас из-за дерева появится егерь Федоров и скажет: «Ну, здравствуй, дорогой!». С Федоровым Петру Кузьмичу встречаться совершенно не хотелось. До открытия сезона оставалась еще неделя, а в рюкзаке уже кое-что лежало... Но Федоров не появился, Петр Кузьмич перевел дух, вытер пот со лба и, поправив ружье, висевшее на плече, двинулся дальше.

И снова замер. Прямо перед ним, в пяти-шести метрах, сидела лиса. Он зажмурился и помотал головой, но, когда снова открыл глаза, лиса не исчезла. Более того, она зевнула, потянулась и легла, не обращая внимания на оторопевшего охотника.

«Глухая, что ли? — пронеслось у него в голове. — Или вообще того... чокнутая?»

Перед Петром Кузьмичом предстало видение шикарного лисьего воротника, но тут же сменилось другим: он приносит домой живую лису... Зачем ему живая лиса, представлялось крайне смутно. Но если она сама лезет в руки?! И он начал крадучись подбираться к лисе.

Три метра, два... Петр Кузьмич прыгнул. В последний момент лиса увернулась, и он ухватил только горсть прелых листьев. А лиса, отбежав метров на десять, села снова и принялась с отсутствующим видом чесать за ухом. Петр Кузьмич снова кинулся на лису. Та вильнула хвостом и нырнула в густые заросли орешника. Раззадоренный, забыв всякую осторожность, он ринулся за ней. Когда, исцарапанный и встрепанный, продрался сквозь кусты, лиса была уже далеко впереди. Тогда он поднял ружье, прогремели два выстрела. Лиса обернулась и оскорбительно, как показалось Петру Кузьмичу, затрякала.

— Ах, так! — взревел он...

Над лесом разносилась канонада, кислый запах пороховой гари забивал ароматы осени, Петр Кузьмич остервенело перезаряжал ружье, но лиса раз за разом уходила с прицела. Наконец ему повезло, один заряд попал лисе в бок. Взвизгнув, она перевернулась и свалилась в какой-то овраг. Петр Кузьмич с радостным криком отбросил ружье и прыгнул за нею. И тут почувствовал, что какая-то сила тянет его вверх.

Деревья, овраг, лиса — все закружилось перед глазами...

Очнувшись, Петр Кузьмич попытался сообразить: где он? Пропал лес, пропал овраг... Он лежал на полу в незнакомой пустой комнате. За одной ее стеной, совершенно прозрачной, виднелся коридор, концы которого пропадали во мраке. Стена была из пластика. Не особо удивившись — мало ли что изобретут! — Петр Кузьмич начал искать выход. Но дверей не было.

Озадаченный, он попробовал позвать кого-нибудь, однако ни на вежливые просьбы, ни на более энергичные выражения никто не откликнулся. Петр Кузьмич постучал в стену кулаком, попробовал разбить ее каблуком сапога. Безрезультатно. Он достал нож и снова попробовал стену на прочность. Нож с трудом вошел на сантиметр-другой, а когда Петр Кузьмич вырвал его из стены, в лицо ударила струя бесцветного газа...

Снова придя в себя, Петр Кузьмич обнаружил, что комната залита ярким светом, а в коридоре перед прозрачной стеной кто-то стоит. Петр Кузьмич пригляделся и тихо застонал. Перед ним был среднего роста розовый осьминог. Четырьмя глазами он внимательно смотрел на охотника, машинально покачивая чучело лисы, из простреленного бока которой торчали какие-то провода.

«Проклятый Ванька! чего же он намешал в свою брагу, что я до такого ужаса дошел?» — подумал Петр Кузьмич. И вдруг услышал:

— Крайне интересный экземпляр! Исключительно высокоразвитые инстинкты, такого я еще не встречал. Надо немедленно исследовать это животное!

Петр Кузьмич резко обернулся, но в комнате, кроме него, по-прежнему никого не было.

Осьминог между тем степенно удалился.

— Нет, пора завязывать! Голоса слышу, розовых чертей вижу... — пробормотал Петр Кузьмич и, подойдя к стене, снова застучал в нее. Когда он устал, в коридоре показался все тот же осьминог: он нес какой-то прибор, напоминавший фотоаппарат с телеобъективом. Осьминог направил объектив на Петра Кузьмича, и знакомый голос произнес:

— Что мы сначала измерим? Уровень интеллекта, естественно... Так, всего двадцать пунктов. Правильно, судя по поведению в лесу, это явный хищник, а хищники всегда глупы. Посмотрим, каков у него уровень агрессивности...

Петр Кузьмич с ненавистью посмотрел на осьминога.

— Сгинь, проклятый!!

Тот и вправду шарахнулся в сторону, а Петр Кузьмич услышал:

— Вот это да! Шкала на двести пунктов, а ее не хватает! Каков зверь! С ним, пожалуй, надо поосторожнее...

Петр Кузьмич почувствовал, что поднимается в воздух, что не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. В голову полезли нехорошие мысли. Он вспомнил обрывки какого-то кино, в котором тоже был осьминог, да еще с профессорским званием, и летал тот осьминог на космическом корабле... Но то было в кино, а сейчас...

— Выпустите меня отсюда! Выпустите!! — кричал он.

Ничего не произошло. Петр Кузьмич тосливо умолк. Этот осьминог, похоже, телепат, и не голос его слышится, а мысли. Но почему же он-то не слышит Петра Кузьмича?

В коридоре неожиданно показался бегущий вприпрыжку осьминог. Трудно было разобраться в выражении его морды, но Петру Кузьмичу показалось, что он чем-то крепко встревожен.

Прошло еще часа полтора. Петр Кузьмич уже готов был заплакать, никогда еще он не попадал в такое глупое и безвыходное положение. Его, охотника с двадцатилетним стажем, поймал на дешевую механическую приманку какой-то осьминог! И держит его под потолком, и, наверное, увезет к себе... И еще, чего доброго, решит сделать из него чучело! Петру Кузьмичу стало совсем плохо...

Вдруг вдали снова зазвучал голос осьминога:

— Но при чем тут я? У меня есть лицензия! Вот, посмотрите!

Другой голос, с начальственным оттенком, перебил:

— И не подумаю! Ваш сообщник в Управлении охоты уже признался, что незаконно выдавал вам лицензии.

— Врет он!

— Врет? Значит, сообщник все-таки есть? Разберемся. Ваш счет в банке арестован, вы — тоже. А животных придется выпустить...

Тут одна из стен лопнула посередине, открыв проход. Неизвестная сила опустила Петра Кузьмича на пол и мягко, но ощутимо подтолкнула к выходу. Не заставляя повторять приглашение, он бросился в этот коридор. Вылетев наружу, оглянулся на космический корабль, имевший вид большого серебристого шара, заметил рядом второй такой же и со всех ног кинулся прочь от этого страшного места. Он бежал, не разбирая дороги, налетал на деревья, путался в кустах, падал, поднимался и снова бежал...

Но, в конце концов, успокоился и присел на пенек отдохнуть. Как ни странно, в карманах сохранились сигареты и спички, а рюкзак все еще болтался на плече.

Он с чувством затыкнулся и вдруг услышал:

— Ну, здравствуй, дорогой!

Петр Кузьмич подскочил и обернулся. Рядом стоял егерь Федоров.

ПОМОЩЬ

Александр
МОРСКОВ

- Мама, почему диндерли каляничают?
— Кто такие дин?..
— Диндерли? Ну, они такие... как автобус. Только без колес и без окон.
— Как же они передвигаются?
— На воздушной подушке. Они синие-синие, зеленые и даже красные.
— Сынок, не мешай мне ужин готовить. Иди поиграй.
— Мам, а почему вселенная дискретна?
— Что-что? Откуда ты это взял?
— Диндерли поют.
— А что такое дискретность, ты знаешь?
— Нет.
— И я не знаю. Подожди, папа придет, у него спросишь.
— Пап, а зачем у диндерлей внутри кроксты?
— Обожди, обожди. Кто такие диндеры?
— Не диндеры, а диндерли! Они такие большие, как слоны, или даже больше. Как сто слонов. А сто слонов бывает?
— Бывает, сынок, бывает.
— Ну и вот. И еще они каляничают.
— Да где же ты таких зверей встретил?
— Диндерли не звери, они... Они — мыслящие существа. Вот. А мыслящие существа — это что?
— Мы с тобой мыслящие существа. Да кто тебе рассказал об этих дин?..
— Не знаю. — Юрка шмыгнул носом, покрытым крупными конопушками. — Наверно, они сами... Пап, ты не ругайся! Диндерли хорошие, они добрые и круглые! И они поют, что вымирают. А что такое — вымирать?
— Да можешь ты толком объяснить, кто тебе эту чепуху наговорил?
Юрка заплакал.
— Обожди, сынок, обожди, — сразу смягчился папа. — Ты про них сегодня по телевизору смотрел?
Юрка всхлипнул и отрицательно покачал головой.
— Может, мама тебе такую сказку рассказала?
— Нет. Я же говорю: они сами! И вовсе не сказку. Я когда спал...
— Ах, это тебе приснилось?
— Да нет, пап, ты послушай! Я когда спал

сегодня днем, слышу — кто-то зовет. Я думал — мама. Прибежал, а она говорит: «Ты зачем босиком бегаешь?» Потом полежал еще немного — опять зовут: «Спасите, помогите!» Я снова к маме, только тапочки надел, а она по телефону с бабушкой разговаривает. И тогда я возле мамы услышал: «Спасите, помогите! Мы из другой вселенной. Мы — вымираем!» Потом оказалось — это диндерли поют. Такие круглые, синие-презеленые-красные...

— Слышишь, Галя, — сказал папа за ужином. — У тебя знакомый детский психиатр есть?

— Есть, конечно, я же в больнице работаю, — Галя вдруг встревожилась. — А что, у Юрки действительно?..

— Надо показать.

— Твой сын абсолютно здоров, Галочка, — сказала Марина, кончив заполнять историю болезни. — Тут что-то другое. У меня есть знакомый физик...

— Наконец-то...

— Ой, Галочка, без всяких «наконец-то!» Просто знакомый. Весь в физике, докторскую шпарит... В общем, я с ним посоветуюсь. А вы, черти, чтобы все Юркины рассказы на маг записали. Понятно?

— Ой, Мариночка, у меня гора с плеч!

— Валерий, ты не очень занят?

— Очень. А что?.. Да я всегда очень! Не обращай внимания!

— Понимаешь, у меня интересный случай. Про Галку я тебе говорила. Так вот, это ее сын. Я к тебе как к физику. Ты мне скажи: может четырехлетний ребенок знать, что вселенная дискретна?

— Ну, это еще и у специалистов под вопросом!

— Вот и я о том же!..

— Мариша, бери мотор — и ко мне. Желательно с малышом. А я ребятам кое-кому звякну.

— Юра, вот тебе шоколадка.

— Мне нельзя. У меня диатез.

— Сознательный ребенок!

— Нынче все такие...

— Погодите, мальчики... Юрик, — Марина посмотрела ему прямо в глаза. — Ты можешь нарисовать нам диндерлей?

— Могу. Только у вас краски такой нету, сине-зелено-красной. Я дома пробовал смешивать — у меня черная получилась.

— Ничего, ты нарисуй приблизительно...

— Та-ак... Сверху, по-видимому, дыхала...

— Все правильно. Там, наверно, очень густой воздух...

— И они не только дышат им, но и питаются...

— А выброс используют как воздушную подушку...

— В таком случае у них должен быть чудовоздух! Насыщенный парами практически всех веществ таблицы Менделеева!

— Был насыщенным. Что-то в их биосфере нарушилось...

— Думаешь, потому они и запросили о помощи?..

— Юрик, расскажи-ка нам о них поподробнее!

— Ну, у диндерлей все из-за космоса получилось. Они любят путешествовать. И придумали искривительную машину. Ну, которая искривляет пространство... А что такое пространство?

— Юрик, мы о пространстве тебе потом расскажем... Ну, построили они машину, которая искривляет путь звезд. А дальше?

— А дальше диндерли поют, что эта машина съела их биосферу. А что такое биосфера?

— Это все вместе: и деревья, и животные, и травка, и люди.

— А у них нет деревьев и травки... Диндерли поют, у них в биосфере только питательные штаммы и культуры бак-те-рий. И что они сами — тоже вроде как штаммы. А что такое штамм? И почему диндерли — мыслящий штамм? Который гуркает делением?

— Насчет штамма потом... Что было дальше?

— Дальше они при помощи искривительной машины оказались в нашей вселенной. Вместе со всей планетой. Но теперь не могут гуркать, потому что из-за нехватки воздуха не растут кроксты.

— Самого воздуха у них не хватает или элементов в нем?

— Ага, элементов! Хло-рел-ла!.. Диндерли поют, что у них совсем исчезла хлорелла. Их основной питательный продукт... Ой, пожалуйста, пошлите им скорее хлореллу! Они плачут и поют, что им нужно-то всего ничего! Несколько силей!

— Хотели бы мы знать, что такое — силь!

— Они поют, что силь — это два диндерля по объему.

— А каков объем диндерля?

— Не знаю. Слонов сто. Или десять. Они размером с автобус.

— А как ты это определил?

— Они показали мне картинку: автобусы, а рядом с ними — диндерли. И они совсем одинаковые!

— Все ясно... Остается узнать, куда посылать ракеты.

— Диндерли поют: вы запустите в космос, а они сами завернут ракеты к себе. Только хлорелла должна быть живая.

— Дима, ты понял?

— Понял... Марина Петровна, сколько времени займет тщательное исследование мальчика группой крупнейших психиатров мира? Без заключения мировых светил ракет нам не видеть...

— Мама! Диндерли смеются и поют: «Спасибо!» Они приедут в гости и покатают меня на спине! Они приедут лет через сто или, может быть, через двадцать! Наша хлорелла очень... активная! Они гуркают вовсю. Мам, а что такое — гуркать?

Семен

**Александр
ЧУМАНОВ**

В институте онкологии Семен работал уже три года и, несмотря на эксперименты, время от времени проводимые над ним, был доволен судьбой. Как каждый настоящий ученый, он был готов на любые жертвы ради науки. Семеном его, тужась на оригинальность, прозвали лаборантки, но ему нравилась эта кличка: он считал, что его неспроста нарекли человеческим именем.

Семен был невзрачной и довольно грустной дворнягой, но какая-то почти невероятная мутация наградила его интеллектом. В детстве его, бездомного тощего щенка, подобрал институтский электрик и притащил на работу. Электрика скоро уволили за прогулы, а Семена пристроили в лабораторию и поставили на довольствие.

Очень скоро он освоил человеческий язык, в цепкой памяти осела куча латинских слов, — если бы устроить экзамен, пес свободно потянул бы на фельдшера. Для трех лет обучения — совсем неплохо!

Семен запросто открывал лапой любые задвижки и защелки, гулял ночью по всей лаборатории, пока его не стали запирают на висячий замок. Душа его жаждала полноправного обще-

ния с человеком. Он попытался говорить, но получился противный вой — язык был непослушным. Брал в зубы карандаш — выходили непонятные каракули. Он умел считать, но ведь не станешь же лаять сто раз, если в результате какого-нибудь арифметического действия получится сто. Со временем Семен понял, что, имея интеллект, не менее важно иметь средства для его выражения, однако духом не упал и мучительно искал выход. Мозг его работал постоянно и напряженно, Семен почти не спал, мало ел. За это его презрительно называли иногда доходягой, но терпели за понятливость и тихий нрав.

Общаться с другими жителями лаборатории ему было противно. Жившая по соседству смазливая Айна была как будто не прочь познакомиться с ним поближе, но Семен и мысли не допускал об этом. Помимо всего прочего, он не мог простить Айне легкомысленных связей с другими псами.

Его четвероногие собратья время от времени умирали, отдав науке свое единственное достояние — жизнь. Остальные поначалу тоскливо жалась по углам, но очень быстро забывали об ушедшем и, успокоившись, как прежде резвились, ели. А Семен на несколько дней забоевал. «Надо же, какой чувствительный!» — фыркали лаборантки. Такого права за ним почему-то никто не признавал.

И однажды настала очередь Семена. Когда выбирали кандидата на эту участь, не было никаких оснований пожалеть именно его.

Ему не было страшно, когда делали прививку. Он внутренне был готов к этому, но надеялся, что еще успеет найти средство для установления контакта с людьми. Если бы в детстве ему еще больше повезло и он попал в другой институт, нейрохирургии например, — наверняка этот контакт уже состоялся бы. Но ничего не поделаешь. Спасибо и за то, что его довольно непривлекательная шкурка не досталась живодерам.

Семен внимательно прислушивался к своему организму. Он старался побольше есть, зная, что скоро не сможет этого делать...

Болезнь первое время молчала, потом стала отзываться легким недомоганием, появилась одышка. «Как жалко, — с горечью думал Семен, — что мутация не коснулась речевого аппарата. Я так много полезного мог бы рассказать людям!» Так уж Семен был устроен: он любил людей по-собачьи, намного сильнее и преданней, чем сами люди любят друг друга, и думал всегда в первую очередь о них.

Болезнь развивалась все быстрее и быстрее. Начавшись в легких, она охватила горло, достала желудок. Наступила непроходимость пищевода, и Семен перестал есть и пить. Но физически он был еще достаточно крепок, сердце работало исправно. Мысленно он заполнял графы в истории своей болезни, начиная с первого ее дня.

Это был уникальный документ, но как, как сделать, чтобы люди смогли его прочитать?! Мысли путались, отвлекала боль, пронизывавшая все его существо. Контакта не было, не было...

«Сейчас бы — хоть одну инъекцию морфия!» — с тоской мечтал Семен. Но облегчение его страданий не входило в задачи эксперимента. Напротив, ставилось целью проследить естественное развитие болезни от начала и до конца.

А муки становились с каждым днем все ужасней и непереносимей. Семен тихонько скулил по ночам, нос его был сухим и горячим, бока ввалились, он перестал вставать. И однажды ночью, в перерыве между приступами, которые теперь почти не прекращались, Семен понял, что контакта уже не будет. Собрав остатки сил, он поднялся, подошел к миске, куда ежедневно продолжали класть кусочки мяса — на всякий случай. Он долго раскладывал эти кусочки на полу клетки, пока не получились слова: «Я больше не могу!» Потом зубами нащупал на передней лапе зачавшишую артерию...

Утром первой увидела Семена уборщица. От изумления она перекрестилась, потом, поняв, что сплеховала, сердито плюнула, собрала раскиданное по всей клетке мясо, чтобы отдать его другим больным собакам, которые пока не потеряли аппетит, — не пропадать же добру, — и пошла докладывать о случившемся заведующему лабораторией.

Молодой, подающий надежды ученый, выслушав ее, с досадой ругнулся: «Чертова псина, испортила эксперимент в самом конце! — И, помолчав, задумчиво продолжил: — Однако случай-то из ряда вон! Из серии «Очевидное — невероятное»... Находка для журналистов!»

Аркадий Стругацкий,

Борис Стругацкий:

«ЧТЕНИЕ—НАШЕ ЗАНЯТИЕ»

ЛЮБИМОЕ

«Высылайте ваши вопросы немедленно! На днях ко мне приезжает Борис...» — услышали мы в телефонной трубке, позвонив в Москву Аркадию Натановичу Стругацкому и попросив его ответить на ряд вопросов, заданных нашими читателями. Медлить мы не стали: братьев-писателей нам удавалось видеть вместе лишь на фотографиях...

Чтобы у читателей не возникло впечатления случайности вопросов, предложенных редакцией прошлогодним лауреатам «Аэлиты», процитируем письмо Стругацких. «Отвечено только на половину вопросов,— предупреждают они.— Остальные либо требуют развернутой статьи, либо носят, на наш взгляд, личный характер...»

ПОЛУЧЕННЫЕ ОТВЕТЫ ПУБЛИКУЕМ.

1. Почему вы пишете именно фантастику, как пришли в нее! Кто были ваши учителя в фантастике, что послужило «первотолчком»!

— Фантастику любим с детства. В двенадцатилетнем возрасте А. Стругацкий посвящал свободное время иллюстрированию «Борьбы миров», а Б. Стругацкий в том же нежном возрасте тучился переписывать от руки «Остров доктора Моро». Учителями нашими были Уэллс, Александр Беляев, Алексей Толстой, а позже — К. Чапек, И. А. Ефремов и Р. Брэдбери. Во времена нашей молодости фантастики было мало вообще, а хорошей фантастики — в особенности. Можно без преувеличения сказать, что начали мы писать для того, чтобы попытаться заполнить этот пробел. А сейчас фантастика для нас ценна тем, что обладает возможностью если не решать, то, по крайней мере, ставить фундаментальнейшие вопросы, связанные с проблемой «ростков будущего в сегодняшнем дне» в самом широком смысле.

2. Соответствует ли профилю образования каждого из вас распределение мест в вашем творческом дуэте: является ли А. Н. стилистом, а Б. Н.—генератором идей? Кто из вас, по современной терминологии,—лидер? Какие сюжеты принадлежат А. Н., а какие—Б. Н.! И как вы пишете вдвоем: имеет ли ваше соавторство какие-либо особенности «технического» плана?

Профессия каждого из нас не играет и никогда не играла сколько-нибудь существенной роли в нашей литературной работе. Что же касается стилистики, генерирования идей и лидерства, то наш рабочий метод таков, что не позволяет ни одному из нас получить преимущества над другим ни в одном из этих аспектов. Технически наша работа выглядит так: один сидит за машинкой, другой бродит по комнате (валяется на диване); кто-то предлагает очередную фразу; фраза обдумывается, правится, шлифуется и, наконец, наносится на бумагу. Кто-то предлагает следующую фразу... И так фраза за фразой, абзац за абзацем, страница за страницей. Разрешается и даже всячески приветствуется любая, сколь угодно резкая критика, но при одном неслучайном условии: раскритиковал—предложи свой вариант. Легко видеть, что при такой методике работа превращается в непрерывную дискуссию. И в каждый данный момент генератором является тот, кто предложил фразу, главным стилистом тот, кто наиболее удачно ее отшлифовал, а лидером—тот, кто победил в результате двухминутной дискуссии. Еще труднее ответить на вопрос: кому принадлежат сюжеты. Как правило, окончательный сюжет повести имеет очень мало отношения к первоначальному замыслу. В целом процесс выковыливания сюжета очень сходен с процессом работы над отдельной фразой, только занимает больше времени—иногда до нескольких лет.

3. Какие из ваших книг (и чем!) нравятся вам более других? И какие из своих произведений вы считаете наименее удавшимися, почему? Совпадают ли в том и другом случае ваши мнения?

Ранние наши произведения («Страна багровых туч», «Извне», некоторые рассказы) не нравятся нам—сейчас они кажутся нам примитивными. Из произведений же «зрелого периода» мы оба любим в общем одни и те же: «Улитка на склоне», «Второе нашествие марсиан», «Пикник на обочине», «За миллиард лет до конца света». Чем они нам нравятся? Трудно сказать. Наверное, тем, что в них нам удалось изобразить именно то, что нам хотелось, когда мы их задумывали.

4. Как у вас возникла идея повести-сказки «Понедельник начинается в субботу»? Как вы сами оцениваете эту повесть? Ощутимы ли для авторов—и существуют ли вообще—преимущества сказочной фантастики перед фантастикой строго научной?

Идея повести о современных магах впервые упоминается в наших дневниках еще в 61-м году. На протяжении двух лет мы старательно собирали, запоминали и придумывали всевозможные анекдоты, слухи и комические истории, вписывающиеся в представления о современном научном работнике как о маге наших дней. Отсюда и книга. Она в общем нравится нам, хотя «Сказка о Тройке» представляется нам сейчас и смешнее, и острее. Что же касается преимуществ сказочной фантастики перед фантастикой строго научной, то такая постановка вопроса представляется нам некорректной: все зависит от того, какую конкретную задачу ставит перед собой писатель.

5. Приносит ли вам удовлетворение ваша работа в кино? Почему «Сталкер» столь разительно отличается от повести «Пикник на обочине» [неунывающий, верящий в себя герой повести—и совершенно замученный, издерганный герой фильма]? Исходила ли идея такой трансформации от режиссера или принадлежит одному из вас? Будете ли вы продолжать сотрудничество с кинематографом?

Когда наше сотрудничество с Тарковским определилось, мы условились друг с другом: будем работать над сценарием до тех пор, пока режиссер не скажет: «Стоп!

Это то, что мне надо». По нашему глубокому убеждению удачной экранизации быть не может. Хороший фильм по мотивам литературного произведения может получиться лишь в том случае, если режиссеру удастся найти систему образов, адекватных системе образов первоисточника,—не иллюстрирующую произведение, не повторяющих его, а именно адекватных. Поэтому было сделано девять вариантов сценария «Сталкера», ровно столько, сколько их понадобилось, чтобы режиссер, наконец, сказал: «Стоп! Это то, что мне надо». И названо рассматривать «Сталкер» как странную экранизацию «Пикника на обочине». Образно говоря, «Сталкер» относится к «Пикнику» так же, как бабочка относится к гусенице, а не как бабочка нарисованная относится к бабочке живой.

Работать в кино трудно, но продолжать сотрудничество с кинематографом мы будем.

6. Что вы читаете для души? Есть ли у вас любимые писатели, книги? Совпадают ли ваши литературные пристрастия?

Чтение—наше любимое занятие. В одной из наших повестей упоминается такой эпизод: узнику не дали читать книги, и он умер от голода. Это про нас. Литературные вкусы наши примерно совпадают: Булгаков, Фейхтвангер, Алексей Толстой, Салтыков-Щедрин, Уэллс, Шолохов («Тихий Дон»), Достоевский («Бесы» и «Братья Карамазовы»), Пушкин (в первую очередь—проза), Лермонтов (тоже проза), Гюньянов, Хемингуэй, Дюма (мушкетерская трилогия). Очень любим читать и перечитывать Василия Быкова, Фазиля Искандера, военные повести Бакуланова, Бондарева, Симонова... Из фантастики—Воннегута, Лема, Брэдбери... Нет, безнадежное это дело—перечислить хотя бы заметную долю тех, кого мы регулярно читаем и перечитываем.

7. Имеет ли смысл, в конце-то концов, вычленять фантастику из общего потока художественной литературы?

Не имеет. Да это и невозможно. Вычленить можно только плохую фантастику из хорошей литературы. А как вы вычленили Уэллса, Чапека, Булгакова, Воннегута, Маркеса, Гоголя, в конце концов?

8. Импонировало ли вам какой-нибудь из «современных мифов»? Верите ли вы в летающие тарелки и инопланетяно-гуманоиды? в теплотагию и телекинез? в снежного человека? в загадочность Бермудского треугольника и озера Лох-Несс?

Нам импонируют все без исключения современные мифы. Мы такие же люди, как все, и, как всем, нам хочется, чтобы окружающий мир был полон тайн, чудес, волшебства. Но мы—рационалисты и твердо знаем, что ни экзотических тайн, ни чудес, ни волшебства в этом мире нет. Мы ясно отдаем отчет себе в том, что мечта о ковре-самолете трансформировалась в скучные каски Аэрофлота, мечта о гуслях-самолетах обернулась оглушительно ревущим магнитофоном соседа за стеной... Всякий миф, воплощаясь в реальность, теряет огромную долю своей изначальной привлекательности. Такова ее ля ви, дорогие товарищи, как нам сказали недавно в беседе.

9. Какое впечатление А. Н. от Свердловска, по которому А. Н. все же довелось пройтись раз другой?

Отвечает А. Стругацкий. Свердловск прекрасен. Только имейте в виду, что впечатление о городе, который видите впервые, очень субъективно. А приняли меня в Свердловске так радушно, с таким гостеприимством, с такой приятностью, что... Ну, сами понимаете. Хотя не случайно же мы сделали ваш город столицей коммунистической России в своей утопии. Москва—столица Коммунистического Мира, а столица Российской Коммунистической Федерации—Свердловск! (См. «Полдень, XXI век», «Жук в муравейнике»).

РОЖДЕСТВО В ДОМЕ МЕГРЭ

Повесть

**Жорж
СИМЕНОН**

*Рисунки
С. Сухова*

I.

Каждый вечер повторялось одно и то же. Ложась, он говорил:

— Завтра уж я посплю подольше.

И мадам Мегрэ по-прежнему принимала его слова на веру, словно долгие годы ничему не научили и она не знала, что на подобные фразы не следует обращать внимания. Она тоже могла бы поспать подольше. Ей незачем было рано вставать.

Однако уже на рассвете он услышал, как она осторожно ворочается в постели. Он лежал, не шевелясь. Заставлял себя дышать ров-

но, глубоко, делая вид, что спит. Это походило на игру. Всякий раз его умиляло, когда она тихонько отодвигалась к краю кровати, замирая после каждого движения, чтобы убедиться, что не разбудила мужа. А он, затаив дыхание, ждал минуты, когда пружины матраса, освободившись от тяжести ее тела, распрямятся с негромким звуком, похожим на вздох.

Она собрала лежавшую на стуле одежду, неслышно повернула ручку в ванной и, наконец, очутившись на кухне, позволила себе двигаться без предосторожностей.

Он снова погрузился в дремоту. Ненадолго. Однако успел увидеть неясный и тревожный сон. Что ему снилось, он потом вспомнить не мог,

но его не покидало смутное беспокойство.

Сквозь шторы, никогда не закрывавшиеся наглухо, пробивалась бледная, едва различимая полоска света. Мегрэ помедлил, лежа на спине с открытыми глазами. Из кухни донесся запах кофе, и, услышав, как открылась и тут же захлопнулась входная дверь, он уже знал, что жена побежала за свежими рогалями для него.

Утром он ничего не ел, пил только черный кофе. Зато по воскресеньям и праздникам, как было заведено женой, ему полагалось долго оставаться в постели, а мадам Мегрэ выходила из дома и покупала ему рогалики на углу улицы Амло.

Сегодня он все-таки встал, сунул ноги в шлепанцы, накинул халат и раздвинул шторы. Он знал, что делать это не следует, что жена огорчится. Чтобы доставить ей удовольствие, он способен был на большую жертву, но валяться в постели, когда это надоедало, было выше его сил.

Снег так и не выпал. Конечно, могло показаться странным, что человек, которому перевалило за пятьдесят, разочарован тем, что в рождественское утро на улицах нет снега, но ведь пожилые люди совсем не такие серьезные, как считают молодежь.

Свинцовое, грязновато-серое небо нависло над крышами домов. На бульваре Ришар-Ленуар ни души; напротив над большими воротами слова на вывеске «Склады Легаль, сын и компания» чернеют, как вакса. Непонятно почему, но заглавная буква «С» выглядит как-то грустно.

Мегрэ снова услышал, как жена снует взад и вперед по кухне, на цыпочках проходит в столовую, старается не шуметь, даже не подозревая, что он стоит у окна. Часы на тумбочке у кровати показывали только десять минут девятого.

Накануне вечером они ходили в театр, а после спектакля охотно бы закусили, как все, в ресторане, но оказалось, что столики везде уже заказаны для рождественского ужина, и они отправились к себе. Домой пришли около полуночи, потому им и не пришлось дожидаться, когда можно будет вручить друг другу подарки.

Мегрэ, как всегда, получил трубку, жена — усовершенствованную модель электрической кофеварки, о которой мечтала, и еще — по традиции — дюжину вышитых носовых платков ручной работы...

Он машинально набил новую трубку. На той стороне бульвара почти на всех окнах жалюзи были спущены. Люди только начинали вставать. Лишь кое-где горел свет, конечно, потому, что дети поднялись спозаранку, чтобы побежать к

В 1929 году Жорж Сименон, молодой 26-летний писатель, известный в основном как автор развлекательных рассказов и романов, приобрел одномачтовую парусную лодку и совершил на ней путешествие из Франции до голландского порта Делфзейл. В этом порту лодку пришлось ремонтировать, и, пока рабочие заделывали пробойны, Сименон перебрался с пишущей машинкой на берег, на заброшенную развалюху-баржу: все-таки подобие стен и потолка, а пустые ящики — стол да стул. Здесь, на старой барже, вспоминал не без юмора Сименон, и был рожден комиссар Мегрэ, — написаны первые главы романа «Питер Латыш». Это — поворотный момент в творчестве писателя. Кстати, именно в Делфзейле в 1966 году был открыт памятник знаменитому комиссару полиции, имя которого к этому времени знали уже миллионы читателей во всем мире.

«В моих «Мегрэ», — говорил Сименон, — я пытался выразить мысль, которая уже тогда не давала мне покоя: один ли человек всегда ответствен за содеянное и в какой мере в нашем обществе человек может быть признан ответственным». В романах, где действует Мегрэ, раскрывается не столько преступление, сколько трагедия человека, страдающего от социальной несправедливости. Лишения, голод, унижительная зависимость от сильных мира сего, бесперспективность существования приводят людей в отчаяние, толкают на конфликт с законом. Мегрэ не оправдывает своих подопечных, он пытается понять их, представить себя «в их шкуре», а в итоге выносится приговор куда многозначнее официальных статей уголовного кодекса.

Логичным продолжением цикла «Мегрэ» явились социально-психологические романы Сименона. Но неизменно уважительным остается отношение писателя к своему комиссару. В 1972 году Сименон сказал: «...в романах, где действует Мегрэ, я ставлю порой более сложные проблемы, чем в своих социально-психологических романах. Опыт и мудрость Мегрэ помогают мне разрешать их...»

В немногих строках нельзя, конечно, рассказать о Жорже Сименоне, несомненно крупном явлении литературы нашего века. Отметим лишь, что в творчестве своем он глубоко демократичен. Он скромнен, не любит распространяться о своих успехах и заслугах. Убеденный антифашист, он не говорит о своих заслугах во время войны. Но о них свидетельствуют почетные бельгийские и французские награды в архиве писателя да память многих людей, которым он спас жизнь во времена разгула нацизма.

Сименон изумительно работоспособен. Ежедневно, где бы он ни находился, он просыпается в четыре утра и — вскоре уже за своим рабочим столом. Средняя норма — 80 машинописных страниц в день. Им написано великое множество рассказов и более пятисот романов. В 1973 году издательство Ранконтр закончило выпуск его собрания сочинений в 72 томах.

Сименону принадлежит замечательное высказывание, которое мы могли бы адресовать нашему молодому читателю в минуту размышления о себе: «Нам отведен такой малый срок жизни, что растрчивать его зря — значит совершать преступление перед самим собой. Я никогда не пренебрегал и временем окружающих... Ведь время — не деньги, его ничем не возместить».

Знает Сименон и о Свердловске: он много лет в дружеской переписке с ревностным собирателем его творчества, бывшим механиком Свердловского машиностроительного завода им. Калинина, пенсионером А. И. Орловым.

13 февраля 1983 года Жоржу Сименону исполнится 80 лет.

елке и найти приготовленные для них игрушки.

Супруги собирались провести спокойное утро в своей квартире. Мегрэ будет расхаживать в халате, не бреясь, потом пойдет на кухню поболтать с женой, пока готовится завтрак.

Настроение у него было неплохое. Вот только сон, который он никак не мог вспомнить, оставил неприятный осадок.

А может быть, если разобраться, виной тому не сон, а рождество? Праздник больше детей, чем взрослых. Но у них детей нет. В этот день следует быть выдержанным, взвешивать каждое слово, точно так же, как мадам Мегрэ следит за каждым своим движением, когда встает с кровати. Ведь и ее в этот день легче расстроить, чем обычно.

Ладно, не будем об этом думать! Не будем говорить ничего такого, что может вывести ее из равновесия. Не нужно смотреть в окно, особенно сейчас, когда ребятишки начнут показывать друг другу на тротуаре свои новые игрушки.

Ведь дети есть почти во всех домах. Сейчас раздадутся звуки игрушечных труб и барабанов, выстрелы хлопушек. Девочки уже ведут на прогулку кукол.

Как-то раз, несколько лет назад, он, не подумав, сказал:

— Почему бы нам не воспользоваться рождеством и не совершить небольшое путешествие?

— Но куда? — возразила мадам Мегрэ со свойственным ей здравомыслием.

И правда. К кому поехать? У них нет даже родственников, которых можно навестить, кроме ее сестры, но та живет далеко. Остановиться в отеле в каком-нибудь незнакомом городе или в деревянной гостинице?

Ладно! Настало время пить кофе, а после кофе Мегрэ чувствует себя уверенней. Он никогда не бывает в форме до первой чашки кофе и первой трубки.

И вот, в ту самую минуту, когда он протянул руку к дверной ручке, дверь бесшумно отворилась, и вошла мадам Мегрэ с подносом в руке. Посмотрев на пустую постель, потом на мужа, она огорчилась, казалось, вот-вот заплачет.

— Ты встал...

Она была уже аккуратно одета, причесана, в светлом фартуке.

— А мне так хотелось подать тебе завтрак в постель!

Сто раз он уже делал попытки самым деликатным образом дать ей понять, что это не доставляет ему удовольствия, а только расслабляет, что он кажется себе при этом больным и беспомощным, но завтрак в постели по воскресеньям и праздникам для нее оставался неизменным идеалом.

— Тебе не хочется еще полежать?

Нет! Покровить душой у него не хватало мужества.

— Что ж... С рождеством христовым!

Они вошли в столовую, где мадам Мегрэ поставила на стол поднос с дымящейся чашкой кофе и золотистыми рогалями, накрытыми салфеткой.

Положив трубку, он, чтобы доставить ей удовольствие, стоя, съел один рогалик и, посмотрев в окно, заметил:

— Смотри, как славная снежная крупка!

Это нельзя было назвать настоящим снегом. Действительно, с неба падала мелкая белая крупка, и это напомнило ему, как в детстве он высовывал язык, чтобы поймать на него снежинки.

Он увидел, как из подъезда стоящего напротив дома вышли две женщины с непокрытыми головами. Одна из них, блондинка лет тридцати, накинула на плечи мантию, а другая, постарше, куталась в шаль.

Казалось, блондинка колеблется, готовая в любую минуту повернуть обратно. А брюнетка, маленького роста и худая, настаивает, и у Мегрэ сложилось впечатление, что она указывает на его окна. Позади них, в дверном проеме, показалась призрачная и, видимо, тоже стала убеждать блондинку. Наконец, та решилась и перешла бульвар, с беспокойством оглядываясь назад.

— Что ты там увидел?

— Ничего. Какие-то женщины.

— Что они делают?

— Как будто направляются сюда.

И в самом деле, очутившись на середине бульвара, обе подняли головы и посмотрели на окна комиссара.

— Надеюсь, они не станут тебя беспокоить в праздник. Да и у меня еще не убрано.

Правда, этого никто бы не заметил. Кроме подноса, все на своем месте, а на натертой воском мебели, если даже приглядеться, не заметишь и пылинки.

— Ты уверен, что они идут именно сюда?

— Сейчас увидим.

На всякий случай он решил причесаться, почистить зубы и ополоснуть лицо. Он еще стоял в спальне, раскуривая трубку, когда услышал звонок.

Надо полагать, мадам Мегрэ была не слишком любезна и на некоторое время задержала посетительниц в передней, прежде чем заглянуть к нему.

— Они непременно хотят поговорить с тобой, — прошептала она. — Уверяют, что у них важное дело и им нужен твой совет. Я знаю одну из них.

— Какую?

— Маленькую и худую, мадемуазель Донкёр. Она живет в доме напротив, на том же этаже, что мы, и целый день работает у окна. Эта симпатичная женщина берет заказы на вышивку у одного из торговых домов в предместье Сент-Оноре. Мне даже приходило в голову, не влюблена ли она в тебя.

— С чего ты взяла?

— Когда ты выходишь из дома, она частенько стоит у окна и провожает тебя глазами.

— Сколько ей лет?

— Сорок пять — пятьдесят. Ты не наденешь костюм?

Когда к нему приходят в половине девятого и беспокоят в рождественское утро, почему он не имеет права показаться в халате? Тем не менее, не снимая халата, он натянул брюки и открыл дверь в столовую, где стояли обе женщины.

— Прошу извинить...

Не исключено, что мадам Мегрэ и в самом деле была права. Увидев его, мадемуазель Донкёр не зарделась, а побледнела, улыбнулась, потом улыбка исчезла и тотчас же появилась снова; она открыла рот, но не сразу нашла, что сказать.

Зато блондинка, которая прекрасно владела собой, произнесла не без раздражения:

— Это не я надумала явиться к вам.

— Не угодно ли вам будет присесть?

Он заметил, что блондинка накинула мантию на домашний халат и была без чулок, тогда как мадемуазель Донкёр оделась так, словно собиралась в церковь.

— Вы, вероятно, удивлены, что мы осмелились обратиться к вам, — начала старшая, с трудом подбирая слова. — Как и все, кто живут в нашем квартале, мы прекрасно понимаем, что это большая честь жить по соседству с вами...

На этот раз она слегка покраснела и поглядела на поднос.

— Мы помешали вам закончить завтрак?

— Я уже поел. Слушаю вас.

— Этим утром или, скорее, ночью в нашем доме произошло такое волнующее событие, что я тут же подумала: наш долг — обратиться к вам. Мадам Мартен не хотела вас беспокоить. Я ей рассказала...

— Вы тоже живете в доме напротив, мадам Мартен?

— Да, мсье.

Она казалась недовольной, что ее толкнули на этот шаг. А мадемуазель Донкёр, набравшись духу, продолжала:

— Мы живем на том же этаже, что и вы, как раз напротив ваших окон. (Она снова покраснела, словно это было признанием.) Мсье Мартен часто разъезжает по своим делам, но это понятно: он представитель торгового дома. Вот уже два месяца,

как их девочка слегла из-за нелепого несчастного случая.

Мегрэ участливо обратился к блондинке:

— У вас есть дочь, мадам Мартен?

— Не дочь, а племянница. Мать ее умерла три года назад, и с тех пор девочка живет с нами. Она сломала ногу, упав с лестницы, и, по мнению врачей, поправится месяца через полтора, если не будет осложнений.

— Ваш муж сейчас в отъезде?

— Да.

— Продолжайте, мадемуазель Донкёр.

Мадам Мегрэ прошла через ванную в кухню; было слышно, как она передвигает кастрюли. Мегрэ время от времени поглядывал на бледное небо.

— Сегодня утром я, как обычно, встала рано, чтобы поспеть к завтраку.

— И поспели?

— Да. Возвратилась около половины восьмого, потому что прослушала три мессы. Приготовила себе завтрак. Вы могли видеть свет в моем окне.

Мегрэ жестом показал, что не обратил на это внимания.

— Я торопилась отнести кое-какие сладости КоLETTE: в этом году у нее такое грустное рождество. Коlette — это племянница мадам Мартен.

— Сколько ей лет?

— Семь. Я не ошибаюсь, мадам Мартен?

— Нет. Ей исполнилось семь в январе.

— В восемь часов я постучала в дверь их квартиры.

— Я еще не вставала, — сказала блондинка. — Иногда я встаю поздно.

— Итак, я постучала в дверь, но мне пришлось немного подождать, пока мадам Мартен наденет халат. Руки у меня были заняты, и я спросила, могу ли вручить подарки Коlette.

Казалось, блондинка уже успела осмотреть все в квартире, время от времени бросая на Мегрэ пронзительный взгляд, в котором сквозило недоверие.

— Мы вместе открыли дверь в комнату.

— У девочки отдельная комната?

— Да. В квартире две спальни, столовая, ванная и кухня. Но я должна вам сказать... Нет, об этом позднее... Я остановилась на том, что мы открыли дверь. В комнате было темно, и мадам Мартен повернула выключатель.

— Коlette проснулась?

— Да. Видно было, что она давно не спит и ждет. Сами знаете, как нетерпеливы дети в рождественское утро. Если бы она могла ходить, то обязательно встала бы посмотреть, что принес ей Дед Мороз. Быть может, другой ребенок позвал бы

Как порох стал оружием

В 1841 году в Санкт-Петербурге была издана с позволения царя научно-популярная книга по химии — «Наставления российским селитроварщикам, выбранные из иностранных писателей и пополненные членом Берг-коллегии, обербергмейстером, а ныне Пермских заводов начальником, обергауптманом и кавалером Петром Медером». Ко времени пришлось сие наставление для селитроварщиков — скоро должна была начаться всенародная война против французских завоевателей, война, сжегшая много пороха из селитры...

Селитряный порох европейцы стали делать с начала XIV века. Даже называется точная дата, когда порох стал оружием. Сражение около французского городка Креси в 1346 году между англичанами и французами было битвой, в которой впервые противники применили огнестрельное оружие. Известен изобретатель пороха в Европе. Им был францисканский монах из Фрейбурга, получивший прозвище Шварц (то есть Черный) за свои загадочные химические опыты. Если бы только прозвища и насмешки сопровождали дни пытливого монаха, но его обвинили в колдовстве и затем упрятали в тюрьму. Не дьявол, а ученый, дьявольски настойчивый ученый вселился в Бертольда Шварца, продолжившего эксперименты и в тюремной камере. Там он и получил смесь «в ро-

де пороха». Это случилось в 1330 году. Кстати, в прошлом веке изобретательному монаху соотечественники воздвигли памятник.

Когда русские впервые понюхали пороху? Голицынская летопись сообщает, что ганзейцы познакомили русских с артиллерийскими орудиями через несколько лет после Куликовской битвы, а точно — в 1389 году. Это произошло в последний год жизни Дмитрия Донского. Летопись гласит: «...вывели из немцев арматы на Русь и огненную стрельбу, и от того часу разумели на них стреляти». Очевидно, с того времени и начали на Руси готовить для пороха селитру. Это подтверждается таким фактом. В царствование князя Василия (сына Дмитрия Донского) в Москве сгорело несколько дворов («от делания пороха»). Приготовлением селитры занимались с XIV века и галичане, и новгородцы, и псковичи. При Иване Грозном из-за частых войн существовала даже «селитряная повинность», а монастырям предписывалось заниматься этим промыслом. И все равно своего пороха не хватало, и селитру покупали у англичан. Еще о Грозном: «...ходил Царь с пушками с большими, с павлинами огненными». Видите, это уже вполне будничное упоминание об артиллерии на Руси. О ней говорится и в связи с осадой Рязани, которую вел полководец крымского хана Давлет-Гирей: «...действие нашего огнестрельного снаряда не давало им отдыха в стане». Значит, рязанцы падали из пушек по супостатам. К слову, тогда уже начинали использовать в сражениях и ручные гранаты — «кувшины с зельем».

Можно предполагать, что, появившись на Руси порох перед нашествием Батые, татаро-монгольское иго было бы исторически не столь возможным. Для воинов-кочевников огнестрельное оружие, особенно пуш-

См. 65-ю стр.

взрослых. Но это уже маленькая женщина. Чувствуется, что она гораздо старше своих лет и о многом думает.

Мадам Мартен тоже посмотрела в окно, и Мегрэ прикинул, где расположена ее квартира. Должно быть, справа, на самом краю дома, где сейчас светятся два окна.

А мадемуазель Донкёр продолжала:

— Я пожелала ей счастливого рождества и сказала: «Посмотри, детка, что оставил для тебя Дед Мороз в моей комнате».

Мадам Мартен в волнении стискивала пальцы.

— И знаете, что она мне ответила, даже не взглянув на мои подарки? Впрочем, подарки самые скромные. Она сказала:

— Я его видела.

— Кого?

— Деда Мороза.

— Когда? Где?

— Здесь. Этой ночью. Он приходил ко мне в комнату...

— Хорошо, что она нам это сказала, не правда ли, мадам Мартен? Будь она другим ребенком, это вызвало бы у нас улыбку. Но Колетта, как я вам уже поясняла, — маленькая женщина. Она не шутила.

— Как ты могла его видеть? В комнате же темно.

— Нет, было светло.

— Он зажег лампу?

— Нет, у него был электрический фонарик. Посмотри, мама Лорен...

— Надо вам сказать, что малышка называет мадам Мартен мамой Лорен, и это вполне естественно: мать у нее умерла, а мадам Мартен ей теперь вместо матери...

В ушах Мегрэ стояло сплошное гудение. Он еще не выпил второй чашки кофе. Трубка только что погасла.

— И она действительно кого-то видела? — неуверенно спросил комиссар.

— Да, мсье. Потому-то я и настаивала, чтобы мадам Мартен поговорила с вами. У нас есть доказательства. Малышка с лукавой улыбкой откинула одеяло и показала нам лежавшую с ней на кровати чудесную куклу, которой накануне в доме не было.

— Вы ей не дарили куклу, мадам Мартен?

— Сбиралась подарить и купила вчера днем в универмаге. Разумеется, не такую дорогую. Когда мы вошли в комнату, я держала ее за спиной.

— Итак, совершенно очевидно, что ночью кто-то проник в вашу квартиру.

— Это еще не все, — поспешила добавить мадемуазель Донкёр, теперь совсем осмелев. — Колетта не тот ребенок, который может соврать или ошибиться. Мы ее расспрашивали, ее мать и я. Она уверяет, что видела человека в костюме Деда Мороза, с белой бородой и в широком красном плаще.

— В какое время она проснулась?

— Она не знает. Среди ночи. Она открыла глаза, потому что ей показалось, что в комнате горит свет. А он в самом деле горел, освещая часть пола напротив камина.

— Я не могу понять, что все это значит, — вздохнула мадам Мартен. — Разве только мой муж знает больше, чем я...

Мадемуазель Донкёр хотела оставаться в центре внимания. Было ясно, что именно она допрашивала ребенка, не упуская ни одной детали, равно как ей первой пришла в голову мысль обратиться к Мегрэ.

— Дед Мороз, по словам Колетты, наклонился над полом...

— И она не испугалась?

— Нет. Смотрела на него, а сегодня утром сказала нам, что он проделывал в паркете дыру. Колетта подумала, что он хочет таким образом спуститься к жильцам нижнего этажа, Делормам, у которых трехлетний малыш, и добавила, что, видно, печная труба для этого слишком узка... Человек, надо полагать, почувствовал, что за ним следят. По крайней мере, он поднялся, подошел к кровати и вынул большую куклу, приложив палец к губам.

— Колетта видела, как он вышел?

— Да.

— Через отверстие в полу?

— Нет, через дверь.

— В какую часть квартиры выходит эта дверь?

— Прямо в коридор. Эта комната раньше сдавалась отдельно. Она сообщается и с коридором.

— Дверь не была заперта на ключ?

— Конечно, заперта, — вмешалась мадам Мартен. — Я не оставила бы ребенка в незапертой комнате.

— Замок был взломан?

— Вероятно. Точно не знаю. Мадемуазель Донкёр тут же предложила мне пойти к вам.

— И вы действительно обнаружили дыру в паркете?

Мадам Мартен с измученным видом пожала плечами, но старая дева ответила за нее.

— Собственно говоря, никакой дыры нет, но отчетливо видно, что там паркет приподнимали.

— Скажите, мадам Мартен, не знаете ли вы, что могло находиться под полом?

— Нет, мсье.

— Давно вы живете в этой квартире?

— С тех пор как замужем. Вот уже пять лет.

— Эта комната тоже была тогда в вашей квартире?

— Да.

— Вы знаете, кто в ней жил до вас?

— Мой муж. Ему теперь тридцать восемь лет. Когда мы поженились, ему было тридцать три, и он уже имел свою квартиру. Ему нравилось возвращаться туда после каждой поездки.

— Вы не думаете, что ему захотелось сделать приятное Коlette?

— Но ведь сейчас он находится в шестистах или семистах километрах отсюда.

— Вы знаете где?

— Скорее всего в Бержераке¹. Его поездки планируются заранее, и график нарушается очень редко.

— Кем он работает?

— Представителем часовой фирмы «Зенит» в центральной части Франции и на юго-западе. Вы, конечно, знаете, это очень крупное предприятие; он занимает там солидное положение.

— Да это лучший человек на свете! — воскликнула мадемуазель Донкёр и тут же, покраснев, поправилась: — После вас.

— Итак, если я не ошибаюсь, этой ночью кто-то проник к вам в квартиру, переодевшись Дедом-Морозом.

— Девочка так утверждает.

— А вы сами ничего не слышали? Ваша комната расположена далеко от комнаты ребенка?

— Их разделяет столовая.

— Вы не оставляете на ночь дверь открытой?

— Это не нужно. Коlette не из пугливых и ночью обычно не просыпается. Если ей понадобится меня позвать, на тумбочке у нее медный колокольчик.

— Вы уходили из дому вчера вечером?

— Нет, мсье комиссар, — сухо ответила она обиженным тоном.

— Вы никого не принимали?

— Я не имею привычки принимать кого-либо в отсутствие мужа.

Мегрэ посмотрел на мадемуазель Донкёр: та никак не отреагировала на эти слова. Значит, мадам Мартен сказала правду.

— Вы поздно легли спать?

— Примерно в полночь. До этого я читала.

— Вы не слышали ничего необычного?

— Нет.

— Вы не спрашивали у привратницы, не открывала ли она посторонним?

— Спрашивали, — вмешалась мадемуазель Донкёр. — Она утверждает, что нет.

КАК ПОРОХ СТАЛ ОРУЖИЕМ

ки, было обременительно, и штурмовать русские города под пушечными ядрами им было бы сложнее. Ермак прошел в Сибирь, именно прокладывая путь огнестрельным оружием. Один из приближенных правителя Сибирского ханства Кучума записал в те времена, что казаки Ермака были «людьми чудесными, воинами неодолимыми, стреляющими огнем и громом смертоносным навывлет сквозь латы». Только вот где же брал такое большое количество пороха Ермак во время долгого похода, это пока не очень-то ясно. Казаки, наверное, умеи готовить селитру, или, как ее называли тогда, ямчугу.

В XVII веке селитру в России варили повсюду. В 1639 году царь Михаил Федорович послал грамоту воеводе П. Пожарскому: «Как к тебе наша грамота придет и ты б в Белгороде велел бирючем прокликать в торговые дни... которые белгородцы и черкасы умеют варить селитру, те б нам послужили... и мы тех людей пожалуем». Заботилась высшая власть о порохе. А неприятель на селитряные заводы нападал прежде всего как на объекты стратегического значения...

В Петровскую эпоху приготовление селитры приобрело еще больший масштаб. Ее выработывали также и на Украине. Например, Кочубей и Мазепа имели свои селитряные заводы. А в Астраханской губернии было село Селитренное. Якобы на том месте и стояла столица Золотой орды, и потому-то там казна и устроила селитроварницы. При Петре I селитряному делу стали учить, и ученикам платили жалованье. Селитра была, ко всему прочему, в те времена и лекарством, к примеру, против падежа скота. Ее использовали позже и при изготовлении стекла и хрустала.

Ломоносов первый в России описал способы приготовления селитры. До нас не дошла рукописная книга по селитроварению и производству пороха, поднесенная в 1653 году царю боярином Юрием Долгоруким.

В 1811 году вышла на эту же тему книга харьковского профессора Ф. Гизе, и еще царь «повелеть соизволил напечатать за счет

Кабинета полный завод книги Медера», с которой мы и начали рассказ о селитре. Да, в 1811 году повсюду чувствовалось враждебное настроение обеих держав, России и Франции, уже Наполеон прокатил огненный вал нашествия по Европе в сторону русских полей. У завоевателя было 600 тысяч ружей, когда он 12 июня 1812 года вторгся в пределы России. Лекарство от скверны нашествия было одно — порох. Его надо было делать в немалом количестве.

В тропических странах селитра, рассказывают старинные энциклопедии, образуется самопроизвольно, она там «выцветает на поверхности земли». Египет, Индия имеют почвы, богатые селитрою, даже вода в колодцах становится от нее соленою. А в суровой России селитры гораздо меньше. Ее искали всюду. Во времена Французской революции ее защитникам пришлось из-за недостатка пороха срочно ревизовать все конюшни и пардох, навозные кучи и арестовать те из них, в коих была селитра, вернее, из которых ее можно было выщелачивать. Селитроварение всегда было делом не из самых привлекательных. Селитряные заводы, как санитары, убирали отходы городов, располагаясь неподалеку от городских улиц. Зловонные кучи всчесски оберегали от дождя и ветра. Так и шло на протяжении веков: в навозных кучах вызревала селитра, а в мире назревали войны...

Вернемся к наставлению российского селитроварщика Петра Медера. Автор этого наставления сообщает, что Берг-коллегия попросила его написать книгу о селитроварении, «...хотя на российском языке и есть уже не так давно в свет вышедшее печатное о селитре сочинение бывшего почтенного... вице-президента, в ученом свете известного графа Аполлоса Аполлосовича Мусина-Пушкина, но оно писано весьма ученым и не для всех российских селитроварщиков вразумительным слогом, препоручила поэтому мне написать составление касательно селитроварения так, чтобы оно было елико возможно для всякого удобопонятно». И далее Петр

См. 67-ю стр.

¹ Бержерак — город на юго-западе Франции.

— А сегодня утром, мадам Мартен, вы не заметили никакой пропажи? Вам не показалось, что кто-то входил в столовую?

— Нет.

— Кто сейчас с ребенком?

— Никто. Она привыкла оставаться одна. Я не могу целый день быть дома: нужно сходить на рынок, сделать покупки.

— Понимаю. Вы сказали, что Колетта сирота?

— Да, у нее нет матери.

— А отец? Где он живет? Кто он?

— Это брат моего мужа, Поль Мартен. Но ответить на вопрос, где он живет... Мадам махнула рукой.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Не меньше месяца назад. Даже больше... Незадолго до дня поминовения¹.

— Как это понимать?

Она ответила с оттенком недовольства:

— Лучше уж сказать сразу. Все равно мы копаемся в наших семейных делах.

Чувствовалось, что она злится на мадемуазель Донкёр за то, что попала из-за нее в неловкое положение.

— Мой деверь очень опустился, особенно после гибели жены.

— Иначе говоря?

— Он пьет. Пил он и раньше, но не так сильно, и при этом не делал глупостей. Он исправно работал. Был даже на хорошем счету в мебельном магазине на улице Фобур-Сент-Антуан. Но после несчастного случая...

— Несчастного случая с дочерью?

— Нет, я говорю о том, как погибла его жена. Однажды, в воскресенье, он вбил себе в голову, что нужно попросить у приятеля машину и вывезти жену и дочь за город. Колетта была еще совсем малышка.

— Когда это произошло?

— Примерно три года назад. Они поехали завтракать в ресторанчик по направлению к Мант-Ла-Жоли. Поль не сдержался, выпил белого вина, и оно ударило ему в голову. Когда они подъезжали к Парижу, он распевал во все горло, а у моста Буживаль произошла катастрофа. Жена его умерла на месте. У него был пролом черепа, и он чудом выжил. Колетта совсем не пострадала. С тех пор Поль потерял человеческий облик. Мы взяли девочку к себе. Практически — удочерили. Время от времени он навещает ее, но только когда бывает хотя бы относительно трезв. Потом все начинается сызнова.

— Вы знаете, где он живет?

Она махнула рукой.

— Да где попало. Однажды мы его встретили. Он, окопавшись возле Бастилии и просил милостыню. Иногда он продает на улице газеты. Я говорю при мадемуазель Донкёр. К сожалению, весь дом знает об этом.

— Не думаете ли вы, что он решил переодеться Дедом-Морозом, чтобы повидать дочь?

— Я сразу так сказала мадемуазель Донкёр, но она настояла, чтобы мы пошли к вам.

— Зачем Деду-Морозу приподнимать паркет? — не без иронии заметила старая дева.

— А не мог ли ваш муж вернуться в Париж раньше, чем предполагал, и...

— Это уже более вероятно. Вот почему я не очень беспокоюсь. Если бы не мадемуазель Донкёр...

Опять заладила свое. Несомненно, она перешла бульвар и отправилась к комиссару не по своей воле.

— Вы не могли бы сказать, где сейчас должен находиться ваш муж?

— Конечно, могу. В отеле «Бордо» в Бержерраке.

— Вы не собирались позвонить ему?

— Телефон там только в номерах второго этажа, а постояльцы не любят, чтобы их беспокоили.

— Вы не сочтете неудобным, если в отель позвоню я?

Сначала она согласилась, но потом заколебалась.

— Он испугается, подумает, что здесь что-то случилось.

— Вы поговорите с ним.

— Он не привык, чтобы я ему звонила.

— Значит, вы предпочитаете оставаться в неведении?

— Нет... Как вам будет угодно. Я с ним поговорю.

Мегрэ снял трубку и заказал разговор. Через десять минут на проходе уже был отель «Бордо», и комиссар передал трубку мадам Мартен.

— Алло! Извините, пожалуйста. Я хотела бы поговорить с мсье Мартеном. Да, Жаном Мартеном... Это неважно... Разбудите его... — И она объяснила, не выпуская из рук трубки: — Он еще спит. Пошли звать...

Видимо, она раздумывала, как ей лучше рассказать мужу о случившемся.

— Алло! Это ты?.. Что?.. Да, с праздником тебя!.. Да, все хорошо... Колетта чувствует себя прекрасно... Нет, я звоню тебе не из-за этого... Да нет! Ничего плохого, не волнуйся...

И она повторила, отчетливо произнося по слогам:

— **Говорю тебе, не волнуйся...**

Просто этой ночью произошла странная история. Какой-то человек в костюме Деда-Мороза вошел в комнату Колетты... Да нет! Он ничего ей не

сделал... Даже подарил большую куклу... Да, куклу. И что-то искал на полу... Он приподнимал паркет. Мадемуазель Донкёр настояла, чтобы я рассказала об этом комиссару, который живет напротив. От него и звоню. Ты ничего не понимаешь?.. Я тоже... Хочешь, чтобы я передала ему трубку? Сейчас... — И обращаясь к Мегрэ: — Он хотел бы с вами поговорить.

Комиссар услышал в трубке приятный голос. Человек был встревожен, видно, не зная, что и подумать.

— Вы уверены, что ничего плохого не случилось с моей женой и девочкой?.. Это все так невероятно... Если бы не кукла, я мог бы подумать, что это был брат... Лорен вам о нем расскажет. Лорен — это моя жена. Пусть она посвятит вас во все подробности... Вы не считаете, что мне следует сейчас же приехать? В три часа дня поезд... Что вы сказали?.. Я могу положиться на вас?.. Вы о них позаботитесь?..

Лорен снова взяла трубку.

— Вот видишь! Комиссар не волнуется. Он уверяет, что нет никакой опасности. Тебе не следует прерывать поездку теперь, когда у тебя появились шансы получить место в Париже...

Мадемуазель Донкёр пристально на нее посмотрела, и в ее взгляде не чувствовалось большой нежности.

— Обещаю тебе позвонить или телеграфировать, если будут какие-нибудь новости... Она спокойна. Играет с новой куклой. Я не успела еще передать ей то, что ты прислал. Сейчас иду к ней.

Она повесила трубку и сказала:

— Вот видите! — Потом, помолчав, добавила: — Простите меня за беспокойство. Я не виновата. Уверена, что дело идет о глупой шутке, если только это не выдумка моего деверя. Никогда не знаешь, что может взбрести ему в голову, когда он напьется.

— Как вы полагаете, а не зайдет ли он сегодня навестить дочь? — Смотря по обстоятельствам. Если сильно напьется — нет.

— Могу я просить у вас разрешения побеседовать сейчас с Колеттой?

— Ради бога. Если вы считаете нужным...

— Благодарю вас, мсье Мегрэ, — воскликнула мадемуазель Донкёр. Ее взгляд выражал благодарность. — Это такой интересный ребенок! Посмотрите!

И она попятилась к двери. Через несколько минут Мегрэ увидел, как они пересекают бульвар. Старая дева шла вслед за мадам Мартен и все время оборачивалась, чтобы взглянуть на окна комиссара.

Мадам Мегрэ открыла дверь из кухни, где жарился лук, и тихо спросила.

— Ты доволен?

¹ День поминовения усопших — отмечается у католиков 1 ноября.

Не следовало даже подавать виду, что он понял, каково ей сейчас. В это рождественское утро и он бы взгрустнул — старой супружеской чете некого было баловать.

Теперь он должен побриться и повидать Колетту.

2.

Он уже наполовину закончил туалет и собирался обмакнуть в мыльную пену кисточку для бритья, когда ему пришло в голову позвонить по телефону. Прямо в пижаме он проследовал в столовую и уселся в кресло, свое кресло, ожидая, пока его соединят, и глядя на крыши, над которыми изо всех труб медленно поднимался дым.

Звонок на набережную Орфейар означал для него больше, чем обычные звонки. Он представил себе длинные, безлюдные коридоры, обитые двери пустых кабинетов, телефонистку, которая, вызывая Люка, со значением произносит:

— Это шеф!

Он даже представил себя на месте одной из подруг жены, для которой было верхом блаженства провести утро в постели, в комнате с закрытыми окнами и спущенными шторами, при мягком свете ночника, и звонить наугад той или иной приятельнице.

— Как! Уже десять? А какая сегодня погода? Дождь? Ах, вы уже выходили? Сделали покупки?

С помощью телефона она пыталась уловить отголоски окружающего мира, все с большим наслаждением погружаясь в теплую негу постели...

— Это вы, шеф?

У Мегрэ тоже возникло желание спросить у Люка, кто с ним дежурит, что они оба делали, что произошло за утро в полиции.

— Ничего нового? Не слишком много работы?

— Ничего. Обычная текучка...

— Собери-ка для меня кое-какие сведения. Думаю, что сможешь получить их по телефону. Прежде всего, раздобудь список лиц, отбывших срок и освобожденных за последние два-три месяца.

— Из какой тюрьмы?

— Изо всех. Занимайся только теми, кто сидел не менее пяти лет. Постарайся узнать, нет ли среди них такого, кто когда-либо проживал на бульваре Ришар-Ленуар. Понял?

— Записываю.

Люка, наверное, был крайне удивлен, но не подавал виду.

— И еще. Хорошо бы разыскать некоего Поля Мартена, пьяницу, без постоянного места жительства, который часто околачивается в районе площади Бастилии. Задерживать не надо. Допрашивать тоже. Надо только узнать, где он провел рождест-

КАК ПОРОХ СТАЛ ОРУЖИЕМ

Медер поясняет, что он ничего «из сочинения графа Аполлоса Аполлосовича не заимствовал». Следовательно, он подготовил в своем роде книгу по прикладной химии.

Сенат в 1799 году постановил, чтобы селитру продавали по преимуществу артиллерии. Применялась она не только для военных целей. Медер пишет: «Селитра при составлении пороха необходимая, но также и при делании увеселительных огней или фейерверков, при солении мяса, в медицине и химии, пробирном искусстве и в разных искусствах...» Сенат оказывал экономическую поддержку всякому, кто пожелал завести селитряный завод. Сам граф Аракчеев старался, чтобы «селитры и заводчиков преумножилось». И царь опекал это дело, ибо «всей селитры артиллерии потребно ежегодно на дело пороха, на отпуск в казенные места и партикулярные по всему государству продажи до шестидесяти тысяч пудов».

В этой обстановке появились деловые люди, кои завели вонючие, но выгодные селитроварницы. Среди них был некто Г. Гарсиванов из Новороссийской губернии. Он подал в 1801 году прошение в Берг-коллегию, а в нем написал, что «о селитряных заводах попечения уже более пятидесяти лет правительство не устаивало и заводчики сего важного материала... нужного для обороны государства, оставались без поощрения и награждения... и казна по недостатку селитры нашлась принужденною покупать оную из-за моря дорогими ценами. Я с моей стороны по приглашению артиллерийских главных начальников устроил в повете Кременчугском, в местечке Кобылянке и в местечке Голтве селитряные заводы, и вновь завожу в городе Полтаве, в предместии. При созидании оных селитряных заводов моих не щадил я ни капитала, ни трудов своих, дабы учинить сии заводы не временными, но всегдашними». И далее Гарсиванов дал описание своего способа получения селитры и просил: «не сыщется ли лучших

способов составлять сей минерал необычным образом».

Петр Медер в начале своей книги опубликовал не только прошение делового статского советника Гарсиванова, но и краткое описание селитроварения по Гарсиванову. Так Медер доказал необходимость своего, более основательного труда на пользу всем российским селитроварщикам. Его книга состояла из теоретической части и наставления, впрочем составленного по двум другим авторам, зарубежным.

Истинно — все ходит по кругу: из всякой гнили, из тлена являлся старинный порох и в тлен все живое повергал, если сила его направлялась во зло.

Селитру варили в котлах. Наверное, образ ада навеян зрелищем селитроварения, выварки селитряных щелоков, когда химики счерщывали половниками вонючую пену или зачерпывали из котла отвратительное варево, проверяя его готовность кристаллизоваться. Но это была еще селитра «первой вари», этим технология не заканчивалась. Селитру надо было еще долго очищать, освобождая, например, от присутствия поваренной соли...

Так-то вот в грязи и тяжело давался священный порох, порох Отечественной войны 1812 года.

Ю. ЛИПАТНИКОВ

венскую ночь. В этом тебе смогут помочь комиссариаты.

В отличие от приятельницы жены, Мегрэ в глубине души смущало то, что он, небритый, в пижаме, сидит у себя дома в кресле и смотрит в окно на привычный мирный пейзаж, где только дымят печные трубы, в то время, как на другом конце провода славный Люка дежурит с шести утра и, видимо, уже развернул пакет с сэндвичами.

— Это еще не все, старина. Вызови по телефону Бержерак. В гостинице «Бордо» проживает коммувоажер по имени Жан Мартен. Нет, Жан! Это не тот. Это его брат... Надо узнать, не звонил ли ему кто-нибудь вчера вечером или ночью из Парижа и не получал ли он телеграммы. И, кстати, неплохо бы проверить, где он провел ночь. Думаю, это все.

— Позвонить вам?

— Попозже. Мне нужно ненадолго отлучиться.

— Что-нибудь произошло в нашем квартале?

— Еще не знаю. Возможно.

Пока он заканчивал свой туалет, мадам Мегрэ зашла поговорить с ним в ванной...

Мегрэ не надел пальто. Глядя на трубы, из которых медленно поднимался дым и не сразу таял в небе, можно было представить, как жарко натоплены комнаты крошечных квартирок в доме напротив, где ему сейчас придется провести какое-то время и где никто не предложит раздеться. Поэтому комиссар предпочел пересечь бульвар запросто, в одном костюме, но шляпу все-таки надел.

Дом, похожий на тот, в котором он жил, был старый, но чистый, и выглядел немного грустно, особенно в это мрачное декабрьское утро. Мегрэ не остановился возле привратницы, которая недовольно его оглядела, и, поднимаясь по лестнице, слышал, как осторожно приоткрывались двери квартир, угадывал шепот и бесшумные шаги за ними.

На четвертом этаже мадемуазель Донкёр уже встречала его в коридоре, робкая, но в то же время возбужденная, словно перед любовным свиданием.

— Сюда, мсье Мегрэ. Мадам ушла довольно давно.

Он нахмурил брови, и она это заметила.

— Я ей говорила, что уходить не следует: вы сейчас придете, и ей лучше остаться дома. Она ответила, что вчера не успела сделать покупки, в доме ничего нет, а позже закроются магазины. Входите!

Она стояла у внутренней двери, которая вела в столовую, маленькую и темную, но чистую и прибранную.

— Я присматриваю за девочкой, пока мадам Мартен вернется. Коле-

та рада, что увидит вас. Я ей про вас рассказывала. Она только боится, как бы не забрали у нее куклу.

— Когда мадам Мартен ушла?

— Как только мы вернулись от вас. Она сразу же начала одеваться.

— Она оделась как следует?

— Что вы имеете в виду?

— По-моему, когда идут за покупками в своем квартале, одеваются иначе, чем когда собираются в город.

— Она вышла хорошо одетая, в шляпе, достала перчатки. Взяла с собой сумку для провизии.

Прежде чем заняться Колеттой, Мегрэ вошел на кухню, где увидел остатки завтрака.

— Она поела перед тем, как пойти ко мне?

— Нет. Я очень ее торопила.

— А потом?

— Тоже нет. Только приготовила себе чашечку кофе. А пока мадам Мартен одевалась, я кормила завтраком Колетту.

К окну, выходящему во двор, был придан шкафчик для провизии. Мегрэ открыл его и, тщательно осмотрев, обнаружил холодное мясо, масло, яйца, овощи. В кухонном буфете лежали два свежих непечатых батона.

— Вы хорошо знаете мадам Мартен?

— Мы же соседи. С тех пор, как Колетта прикована к постели, я вижу ее чаще. Уходя, она иногда просит меня приглядеть за девочкой.

— И часто она уходит?

— Довольно редко. Только за покупками.

Что-то поразило комиссара, когда он вошел в квартиру. Он пытался понять что: царившая там атмосфера, расстановка мебели, безукоризненный порядок или просто запах? Поглядев на мадемуазель Донкёр, он это понял или, по крайней мере, решил, что понял.

Недавно ему сказали, что Мартен занимал эту квартиру еще до женитьбы. И вот, хотя уже пять лет здесь жила хозяйка, квартира по-прежнему выглядела холостяцкой. Например, он заметил в столовой два увеличенных портрета, которые висели по обеим сторонам камина, и спросил у мадемуазель Донкёр.

— Кто это?

— Отец и мать мсье Мартена.

— А здесь нет фотографий родителей мадам Мартен?

— Нет. Я никогда не слышала о них. Должно быть, она сирота.

Даже спальня была обставлена без малейшей кокетливости, даже тут не чувствовалось женской руки. Мегрэ открыл платяной шкаф и рядом с тщательно развешанной мужской

одеждой увидел женскую, главным образом, костюмы и платья строгого покроя. Ящики выдвинуть он не осмелился, но был убежден, что не найдет там ни безделушек, ни дешевых украшений.

— Мадемуазель Донкёр! — слышался тихий детский голосок.

— Пойдемте к КоLETTE, — сказал комиссар.

Детская выглядела уютной, почти пустой. На кровати, слишком большой для ребенка, лежала девочка с серьезным лицом, с удивленными, но доверчивыми глазами.

— Это вы комиссар, мсье?

— Да, детка, не бойся.

— А я и не боюсь. Мама Лорен еще не вернулась?

Его поразило это слово. Ведь Мартены удочерили племянницу. А ребенок говорил не просто мама, а мама Лорен.

— Как вы думаете, это Дед-Мороз приходил ко мне ночью?

— Я в этом уверен.

— А вот мама Лорен не верит. Она никогда мне не верит.

У нее было хорошенькое личико, очень живые глаза, взгляд настойчивый. Из-за гипса, который покрывал ее ногу до бедра, одеяло слегка топорщилось.

Мадемуазель Донкёр остановилась в дверном проеме и, прежде чем оставить их вдвоем, деликатно заметила:

— Побегу к себе, а то как бы на плитке что-нибудь не сгорело.

Мегрэ, усевшись возле кровати, не знал, с чего начать. По правде говоря, он думал, какой бы задать вопрос.

— Ты очень любишь маму Лорен?

— Да, мсье.

Девочка ответила спокойно, без восторга, но и без колебания.

— А папу?

— Какого? Вы знаете, ведь у меня два папы: папа Поль и папа Жан.

— Давно ты не видела папу Поля?

— Не помню. Кажется, уже несколько недель. Он обещал принести мне на рождество игрушку, но пока еще не приходил. Наверное, болен.

— Он часто болеет?

— Часто. А когда болеет, то не приходит.

— А твой папа Жан?

— Он сейчас в поездке, но к Новому году обещал вернуться. Кажется, он должен получить место в Париже, и тогда ему не придется больше ездить. Он будет рад, и я тоже.

— Тебя часто навещают друзья, с тех пор, как ты слегла?

— Какие друзья? Девочки из школы не знают, где я живу. А если и знают, им не разрешают ходить без взрослых.

О чем молчит колокол?

В Свердловском государственном историко-революционном музее хранится памятник техники — уникальный колокол. Это самое старинное на Урале заводское литье. Колокол изготовлен в 1702 году и, очевидно, в Невьянске, потому что его нашли в земле на территории Невьянского завода. Еще одно: сей старинный колокол — чугунный. И уже одно это делает его большой редкостью.

280 лет назад были пущены первые государственные заводы — Невьянский и Каменский. Следовательно, колокол сделан из чугуна первых плавов. Он начинает нескончаемый ряд уральских изделий — от колоколов и пушек до нынешних прокатных станков и шагающих экскаваторов. Колокол отлит с надписью, она говорит о том, что он сделан наполовину из чугуна, наполовину из магнита... О чем же молчит музейный колокол? Может все-таки он хранит тайну о какой-то особенной структуре металла?

Историки отечественной металлургии доподлинно знают, что Петр Первый Уралом стал особенно интересоваться тогда, когда по рекам Тагил и Нейва был отыскан железный камень — магнит. Только из такой руды, полагали предки, можно ковать надежные ружейные стволы. И тульский мастер Никита Антуфьев сделал царю на пробу фузеи и копья именно из магнитной руды...

Вот и явилась мысль попросить металлослов исследовать структуру колокольного чугуна с магнитом. В лаборатории прецизионных сплавов Института физики металлов Уральского научного центра были через микроскоп сделаны фотографии, их прокомментировали кандидаты технических наук Л. В. Смирнов и Д. П. Родионов. По их мнению, этот древний чугун — не какой-то особенный, а обыкновенный и соответствует... нынешнему госстандарту. Не будем забывать, что колокол был отлит около трехсот лет назад, и, значит, нынешняя обыкновенность этого чугуна тогда была немалым достижением! Уральские металлурги того времени отчетливо понимали, что лишь чугун с определенным содержанием серы годится для фигурного литья. И как бы демонстрируя свои знания, предки отлили этот колокол с четко читаемой надписью. И мы по достоинству оцениваем их мастерство.

Г. ЛЮСИНОВ

— А друзья мамы Лорен или твоего папы?

— Никто никогда не приходит.

— Никогда? Ты уверена?

— Только газовщик или электро-монтер. Я слышу, когда они здесь: дверь ко мне почти всегда открыта. Я узнаю их по голосу. Лишь два раза приходил кто-то другой.

— Давно?

— Первый раз на следующий день после того, как я упала. Я это запомнила: от меня только что ушел доктор.

— Кто это был?

— Я не видела. Слышала, как он постучал в другую дверь, разговаривал, но мама Лорен сразу закрыла дверь ко мне в комнату. Они говорили долго и очень тихо. Потом она мне сказала, что ее беспокоили на-счет страховки. Я не знаю, что это такое.

— И он снова приходил?

— Дней пять-шесть назад. На этот раз вечером, в моей комнате уже не было света. Но я еще не спала. Я услышала, что стучат. Потом они стали тихо разговаривать, как в первый раз. Я точно знаю, что это была не мадемуазель Донкёр. Потом мне показалось, что они за-спорили, и я испугалась. Я стала звать. Пришла мама Лорен и сказа-ла, что это опять по поводу стра-ховки, и велела мне спать.

— И долго он оставался?

— Не знаю. Кажется, я уснула.

— И оба раза его не видела?

— Нет, но я узнаю его по голосу.

— Даже когда он говорит тихо?

— Да. Когда он говорит тихо, кажется, что гудит большой шмель. А вы не отнимете у меня куклу? Мама Лорен подарила мне две кор-обки конфет и несессер для шитья. Еще она купила мне куклу, но не такую большую, как Дед-Мороз: она ведь не богатая. Она показала мне куклу сегодня утром, а потом снова положила в коробку. Раз у меня уже есть эта, другая теперь не нуж-на. А в магазине ее возьмут обратно.

Квартира была слишком жарко на-топлена, комнаты узкие, воздуху не хватало. Но Мегрэ не покидало ощущение холода. Странно, дом по-ходил на тот, где жил комиссар, но почему же здесь все казалось мень-ше, беднее?

Он наклонился над полом, в том месте, где приподняли две пар-кетины, но ничего особого не уви-дел. Несколько царапин на дереве указывали, что здесь пользовались стамеской или чем-то вроде нее.

Мегрэ осмотрел дверь и обна-ружил, что замок нарушен. Чувст-вовалось, что это работа дилетанта, хотя и от него не потребовала боль-ших усилий.

— А Дед-Мороз не рассердился, когда увидел, что ты на него смот-ришь?

— Нет, мсье. Он был занят. Он

проделявал в полу дыру, чтобы спуститься к мальчику, который жи-вет на третьем этаже.

— И он ничего тебе не сказал?

— Мне кажется, он улыбнулся.

Но я в этом не уверена: борода у него густая, и было не очень светло. Зато я ясно видела, как он прило-жил палец к губам, чтобы я никого не звала. Взрослым не полагается с ним встречаться. А вы-то разве его видели?

— Очень давно.

— Когда были маленьким?

Он услышал шаги в коридоре. Дверь открылась, и вошла мадам Мартен, в сером костюме, бежевой шляпе, с сумкой для провизии в руке. Она, видимо, замерзла. Лицо ее осунулось и побледнело. Навер-ное, она торопилась домой и под-нималась по лестнице бегом, так как на щеках у нее выступили два красных пятна, и дыхание было уча-щеное.

Войдя, она даже не улыбнулась и лишь спросила у Мегрэ:

— Девочка вела себя хорошо?—

Потом, снимая жакет, продолжала:— Прошу прощения, что заставила вас ждать. Мне нужно было сделать много покупок, пока не закроются магазины.

— Вы никого не встретили?

— Что вы имеете в виду?

— Ничего. Я только хочу знать, не пытался ли кто-нибудь с вами заговорить.

У нее было достаточно време-ни, чтобы побывать гораздо дальше, чем на улицах Амело или Шмен-Вер, где находится большинство ла-вок этого квартала. Она успела бы даже, взяв такси или воспользовав-шись метро, доехать почти до любой точки Парижа.

Жильцы дома, как видно, были настороже, и мадемуазель Донкёр зашла спросить, не нужна ли она еще. Мадам Мартен, конечно, ска-зала бы нет, но за нее ответил Мегрэ:

— Не посидите ли с Кошеттой? Мы побудем в соседней комнате.

Старая дева поняла, что он про-сит отвлечь внимание ребенка, пока поговорит с мадам Мартен. Та, не-сомненно, тоже все поняла, но не показала виду.

— Сюда, пожалуйста! Я только разгрузю сумку.

Она отнесла провизию в кухню, сняла шляпу и немного взбила свои светлые волосы. Потом, закрыв дверь, обратилась к Мегрэ:

— Мадемуазель Донкёр очень возбуждена. До чего же ей повез-ло, правда? Особенно, если она со-бирает газетные статьи об одном комиссаре. И вот в один прекрасный

день этот комиссар попадает к ней в дом... Вы позволите?

Она вытащила из серебряного портсигара сигарету, размяла двумя пальцами, щелкнула зажигалкой. Быть может, этот жест и побудил Мегрэ осведомиться:

— Вы нигде не работаете, мадам Мартен?

— Мне было бы трудно работать и вести хозяйство, да еще заниматься девочкой, даже теперь, когда она ходит в школу. Кроме того, мой муж против.

— Но до знакомства с ним вы работали?

— Разумеется! Надо же было зарабатывать на жизнь. Может быть, присядете?

Мегрэ сел в дачное плетеное кресло. Мадам Мартен продолжала стоять, привалившись к краю стола.

— Вы были машинисткой?

— Угадали.

— Долго?

— Сравнительно долго.

— Вы еще работали, когда встретили Мартена? Простите, что я задаю вам эти вопросы.

— Такая уж у вас профессия.

— Вы вышли замуж пять лет назад. Где вы тогда работали? Да, еще. Могу я узнать, сколько вам лет?

— Тридцать три. Тогда мне было двадцать восемь, и я работала у мсье Лорийе, в Пале-Рояле¹.

— Секретаршей?

— У мсье Лорийе был ювелирный магазин. Точнее говоря, там продавались сувениры и старинные монеты. Представляете себе эти старинные лавки в галереях Пале-Рояля? Я была и продавщицей, и секретаршей, и бухгалтером. К тому же замещала хозяйина в его отсутствие.

— Хозяин был женат?

— И даже имел троих детей.

— Вы бросили работу, когда вышли замуж за Мартена?

— Не сразу. Жан не хотел, чтобы я продолжала работать, но зарабатывал он не так уж много, а у меня было хорошее место. Первые месяцы я еще там оставалась.

— А потом?

— А потом произошло совсем незначительное, но совершенно неожиданное событие. Однажды утром, когда я, как обычно, в девять утра подошла к двери магазина, она оказалась запертой. Я решила, что мсье Лорийе опаздывает и стала ждать.

— Он жил в другом месте?

— Он жил с семьей на улице Мазарини. В половине десятого я забеспокоилась.

— Он умер?

— Нет. Я позвонила жене, но

Настал черед...

А. МОИСЕЕВА

«Разбросанным в пыли по магазинам, где их никто не брал и не берет, моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед», — писала 24-летняя Марина Цветаева, не ощутившая при жизни бремени славы, не предвидевшая своей трагичной, но счастливой судьбы.

В сентябре 1982 года М. И. Цветаевой исполнилось бы 90. Все больше становится почитателей оригинальнейшего ее поэтического дара, стихов редкой самобытности.

«Красною кистью рябина зажглась, падали листья, я родилась...» Москвичка от рождения, москвичка в душе, москвичка по совести своей, она страстно и самоотверженно любила Москву, свой «огромный староприимный дом». Любила узкие улицы и переулочки старой Москвы, любила многоцветный звон бесчисленных колоколов, семь холмов, на которых покоится город, всегда считая его, и только его, вопреки воле Петра, «единственной столицей» могучего государства...

Доверчивая и независимая, нежная и страстная, не знавшая компромиссов и достойно пронесшая то нелегкое, что выпало на ее долю, она всегда, даже в самые горькие минуты разлуки с Родной, будь то в Праге, Париже или

в Берлине, оставалась своим, российским, московским поэтом: «Я в грудь тебя целую, московская земля».

Ее современница Мариэтта Сергеевна Шагинян в воспоминаниях «Человек и время» писала: «Вся старомосковская. В ее манере, к сожалению уже исчезающей, говорить с мягким «ш» вместо «конечно»), в привычке медленности, невниманья к бегущим минутам, как если бы они подождут ее, пока она тратит их, наконец — в одежде, трудно определить, в общем облике...»

...Весной нынешнего года появился новый экскурсионный маршрут «Москва в творчестве Марины Цветаевой». Гости столицы и ее хозяева имеют теперь возможность поклониться памятным местам, связанным с жизнью и творчеством поэта: пройти по улицам, постоять у домов, некогда вдохнувшим жизнь в поэтические строки.

Сегодня ночью я одна в ночи —
Бессонная, бездомная черница! —
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной
столицы!

Бессонница меня толкнула в путь. —
О, как же ты прекрасен, тусклый
Кремль мой! —

Сегодня ночью я целую в грудь
Всю круглую воющую землю!
Вздываются не волосы, а мех,
И душный ветер прямо в душу
дует.

Сегодня ночью я жалею всех.
Кого жалеют и кого целуют.

1 августа. 1916.

¹ Пале-Рояль — бывший дворец Людовика XV, на первом этаже которого теперь расположены торговые галереи.

та сказала, что он ушел из дома, как обычно, в восемь утра.

— Откуда вы звонили?

— Из перчаточного магазина, рядом с нашим. Я прождала все утро. Его жена тоже приехала ко мне. Мы вместе пошли в полицию, где, между прочим, к этому отнеслись совершенно спокойно. Спросили у жены, здоровое ли у него сердце, нет ли любовницы и так далее, в том же духе. С тех пор он бесследно исчез. Магазин откупили какие-то поляки, а мой муж настоял, чтобы я бросила работу.

— Сколько прошло тогда времени после вашего замужества?

— Четыре месяца.

— Ваш муж уже разъезжал по Юго-Западу?

— У него был тот же маршрут, что и сейчас.

— В то время, когда исчез ваш хозяин, мсье Мартен находился в Париже?

— Нет. Думаю, что нет.

— Полиция осмотрела помеще-
ние?

— Все оказалось в порядке, точно так, как было накануне вечера. Ничего не пропало.

— Вам известна судьба мадам Лорийе?

— Какое-то время она жила на деньги, полученные от продажи магазина. Дети сейчас уже, должно быть, взрослые, семейные. А она теперь держит галантерейную лавочку, недалеко отсюда, на улице Па-де-ла-Мюль.

— Вы с ней поддерживаете отношения?

— Я иногда заходила в эту лавку. Там однажды мы случайно и встретились. Сначала я ее не узнала.

— Когда это было?

— Не помню, с полгода назад.

— Есть у нее телефон?

— Не знаю. А зачем это вам?

— Что за человек был мсье Лорийе?

— Вы имеете в виду внешность?

— Да, первым делом опишите его.

— Высокий, выше вас, и еще шире в плечах, толстяк, довольно рыхлый. Понимаете, что я хочу сказать? Он слишком следил за собой.

— Возраст?

— Лет пятьдесят. Точно не знаю. У него были черные с проседью усики, а одежда всегда сидела мешком.

— Вам известен его распорядок дня?

— Каждое утро он шел из дома в магазин пешком, приходил примерно за четверть часа до меня и сразу же просматривал почту. Говорил мало. И вообще, скорее был меланхоликом. Большую часть времени проводил у себя в кабинете, в глубине магазина.

— Были у него любовные связи?

— Не знаю.

— За вами он не ухаживал?

— Нет.

— Он вас очень ценил?

— Думаю, что я была ему хорошей помощницей.

— Ваш муж с ним встречался?

— Разговаривать им не приходилось. Иногда Жан встречал меня после работы, но всегда ждал на улице... Это все, что вы хотите узнать?

В голосе ее слышалось нетерпение, даже досада.

— Хочу вам напомнить, мадам Мартен, что это вы пришли ко мне.

— Лишь потому, что старая дура ухватилась за возможность увидеть вас вблизи и потащила меня чуть ли не силой.

— Вам не нравится мадемуазель Донкёр?

— Не люблю людей, которые суют нос не в свои дела.

— А ей это свойственно?

— Мы взяли к себе ребенка моего деверя, вы это знаете. Хотите — верьте, хотите — нет, но я отношусь к КоLETTE как к родной дочери.

Вероятно, это было чисто интуитивное ощущение, неясное, почти неуловимое, но сколько бы Мегрэ ни смотрел на женщину, сидевшую напротив него и курившую сигарету за сигаретой, он не мог представить ее в роли матери.

— И вот, якобы желая помочь мне, она без конца тирается здесь. Если мне на несколько минут нужно выйти, она уже стоит в коридоре и со слащавой улыбкой набивается: «Вы ведь не оставите Коlette одну, мадам Мартен? Позвольте мне посидеть с ней». А я про себя думаю, не развлекается ли она в мое отсутствие тем, что шарит у меня по ящикам.

— Однако же вы ее терпите.

— Приходится. Об этом настойчиво просит Коlette, особенно с тех пор, как слегла. Мой муж тоже ей симпатизирует. Когда-то, будучи еще холостяком, он болел воспалением легких, и она за ним ухаживала.

— Вы отнесли обратно в магазин куклу, которую купили в подарок Коlette на рождество?

Она нахмурилась и посмотрела на смежную дверь.

— Я вижу, вы ее спрашивали. Нет, я не отнесла куклу по той простой причине, что купила ее в универсаме, а они сегодня все закрыты. Вы хотите ее посмотреть?

Она сказала это с вызовом и, вопреки ожиданиям Мегрэ, принесла коробку, на которой сохранилась цена: кукла была дешевая.

— Могу я узнать, куда вы ходили сегодня утром?

— За покупками.

— На улицу Шмен-Вер или Амело?

— И на улицу Шмен-Вер и на улицу Амело.

— Простите за нескромность, что вы купили?

С разгневанным видом она бросилась на кухню, схватила сумку и почти что швырнула на стол.

— Смотрите сами!

В сумке лежали три банки сардин, ветчина, масло, картошка и пучок латука.

Она смотрела на комиссара пристально, сурово, не изменившись в лице и скорее злобно, чем со страхом.

— У вас есть еще ко мне вопросы?

— Я хотел бы знать фамилию вашего страхового агента.

Она явно поняла не сразу, поэтому что переспросила:

— Моего агента?

— Да, страхового агента. Того, что к вам приходил.

— Простите, совсем забыла. Это потому, что вы сказали мой агент, как будто у меня с ним дела... И это тоже Коlette вам выболтала? Действительно, два раза приходил какой-то человек, знаете, из тех, от кого трудно отделаться. Я сперва подумала, что это продавец пылесосов. Оказалось, он занимается страхованием жизни.

— И долго он пробыл у вас?

— Столько, сколько надо, чтобы выставить его из дому, втолковать, что у меня нет ни малейшего желания подписывать страховку на случай смерти моей или мужа.

— Какую компанию он представлял?

— Он мне сказал, но я забыла название. Там было слово «Взаимный...».

— Но он приходил еще раз?

— Совершенно верно.

— В котором часу Коlette полагается засыпать?

— Я гашу свет в половине восьмого, но случается, что она засыпает не сразу, а вполголоса рассказывает себе всякие истории.

— Итак, во второй раз этот агент приходил к вам после половины восьмого вечера?

Она уже почувствовала западную. — Возможно... Да, я как раз мыла посуду.

— Вы разрешили ему войти?

— Он просунул ногу в приоткрытую дверь и вошел в квартиру.

— Он предлагал свои услуги и другим жильцам дома?

— Не знаю. Полагаю, вы сами выясните... Только потому, что девочка видела или вообразила, что видела Деда-Мороза, вы меня уже полчаса допрашиваете, словно я совершила преступление. Будь здесь мой муж...

— Кстати, ваш муж застраховал свою жизнь?

— Полагаю, что да. Конечно.

А когда Мегрэ направился к двери, взяв лежавшую на стуле шляпу, она удивленно воскликнула:

— И это все?
— Да, все. В случае появления вашего деверя, а он обещал дочке зайти, я буду вам очень благодарен, если вы дадите мне знать или отправите его ко мне. А теперь я хотел бы сказать еще несколько слов мадемуазель Донкёр.

Старая дева последовала за ним, прошла вперед и открыла дверь своей квартиры, где пахло, как в монастырской келье.

— Входите, мсье комиссар! Надеюсь, у меня не очень большой беспорядок?

В комнате не было ни кошки, ни собачонки, ни салфеточки на мебели, ни безделушек на камине.

— Давно вы живете в этом доме, мадемуазель?

— Двадцать пять лет, мсье комиссар. Одна из самых старых жилищ. Помню, что когда я здесь поселилась, вы уже жили в доме напротив и носили длинные усы.

— Кто занимал соседнюю с вами квартиру до мсье Мартена?

— Инженер из путей сообщения, Фамилию его я забыла, но могу узнать. Он жил с женой и глухонемой дочкой. Это было очень грустно. Они уехали из Парижа навсегда и поселились где-то в провинции, если не ошибаюсь, в Пуату. Сам он, наверное, уже умер: он и тогда был пенсионного возраста.

— Последнее время вам не докучали страховые агенты?

— Нет. В последний раз страховой агент звонил у моей двери года два назад.

— Вам не нравится мадам Мартен?

— Почему?

— Я вас спрашиваю, нравится вам мадам Мартен или нет?

— Конечно, если бы у меня был сын...

— Продолжайте.

— Если бы у меня был сын, я не пришла бы в восторг от такой невестки. Мсье Мартен такой милый, такой добрый.

— Вы думаете, что он с ней несчастлив?

— Этого я не сказала. Мне не в чем ее упрекнуть. У нее просто такая манера держаться.

— Манера держаться? Что вы имеете в виду?

— Не знаю. Вы сами ее видели. Вы в этом лучше разбираетесь, чем я. Она не похожа на обычную женщину. Например, я уверена, она никогда в жизни не плакала. Девочку она воспитывает как следует, содержит в чистоте. Этого у нее не отнимешь. Но ребенок никогда от нее ласкового слова не слышит, а когда я начинаю рассказывать Коlette сказки, чувствуется, что мадам Мартен это раздражает. Не сомневаюсь, она сказала девочке, что Деда-Мороза не существует. К счастью, Коlette в это не поверила.

— Девочка ее тоже не любит?

— Слушается, старается не раздражать. По-моему, Коlette рада, когда остается одна.

— А мадам Мартен часто уходит из дому?

— Нет, не часто. В этом ее не упрекнешь. Не знаю, как это выразить. Понимаете, чувствуется, что у нее своя жизнь. Ей нет дела до других, но и о себе она ничего не рассказывает. Она корректна, всегда корректна, даже слишком. Мне кажется, она создана, чтобы проводить жизнь на службе, иметь дело с цифрами, следить за подчиненными.

— Это мнение и других жильцов?

— Она совсем чужая в доме. Когда встречается с соседями на лестнице, едва кивает. В общем, если ее немного узнали поближе, то лишь после появления Коlette: ребенком всегда больше интересуются.

— Случалось вам видеть ее деверя?

— В коридоре. Я с ним никогда не говорила. Он проходит, опустив голову, словно чего-то стыдится, и хотя перед тем, как идти сюда, чистит одежду, все равно выглядит так, будто спит, не раздеваясь. Не думаю, чтобы ему пришлось в голову явиться в костюме Деда-Мороза. Не такой он человек, мсье Мегрэ. Разве только был пьян.

Мегрэ задержался еще возле привратничкой, где было так темно, что почти никогда не выключался свет, и только около двенадцати пересек бульвар. В доме, откуда он вышел, зашевелились занавески. В его окне занавеска тоже была отодвинута. Мадам Мегрэ смотрела на улицу в ожидании мужа, чтобы сразу же поставить жарить цыпленка. Комиссар слегка помахал ей рукой и чуть было не высунул язык, чтобы поймать несколько снежинок, которые кружились в воздухе. Он до сих пор не забыл их пресный вкус.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Критику — от художника

У свердловчанина О. А. Соколова есть книга с факсимиле известного художника Владимира Егоровича Маковского. Более полувека назад это издание попало на Урал из ленинградского букинистического магазина. Большой альбом «Фотогравюры В. Е. Маковского» (издание А. Г. Кузнецова) содержит около ста репродукций художника-передвижника. Это такие известные его работы, как «Свидание», «Скряга», «В передней»... Маковский много внимания уделял воспроизведению в книгах полотен русских художников. В одной из монографий о художнике читаем: «Репродуцирование картин он придавал особое значение, видя в нем средство распространения художественного влияния среди населения удаленных районов России. Он считал, что каждый художник должен уметь сам воспроизводить в гравюре свои картины, чтобы попутно исправлять те недостатки и ошибки, которые были допущены при их исполнении». Альбом, хранящийся у свердловчанина, — это черно-белые фотогравюры с картин Маковского, сделанные с изумительной тонкостью. Немного экземпляров этого издания сохранилось в стране. К примеру, в Свердловске, в областной библиотеке его нет. Разумеется, этот экземпляр альбома ценен и из-за автографа самого художника на титульном листе. А написал Маковский так: «Многоуважаемому Владимиру Васильевичу Стасову на добрую память от автора». Да, это подарок прославленному критику и историку искусств.

Книжки маленькие и большие

В последнее время интерес книголюбов привлекают миниатюрные книги, прошли по стране выставки книг-малюток.

Была выставка в Киеве. Размер самой большой книжки не превышает 100×100 миллиметров. Выставка печатных миниатюр была, например, и в Кургане. Все ее 300 экспонатов можно было сложить в небольшой чемодан. А библиотека миниатюрных изданий, выставленная в бердянском Дворце культуры книголюбом Н. П. Горпинченко, диспетчером морского агентства «Инфлот», насчитывает около 200 книжек. Все они помещаются... в портфеле.

А экспонаты выставки в Таллине («Эстонская миниатюрная книга») вообще уложены в женскую сумочку. Ведь среди них есть миниатюрные издания, величиной со спичечную коробку.

История книгопечатания знает немало уникальных изданий книжечек. Мода на миниатюрные издания возникла во второй половине XVIII столетия из-за каприза французской королевы Марии-Антуанетты, которая пожелала носить любимые книжки в... перчатке.

До недавнего времени считалось, что самая маленькая в мире книжка издана в Падуе. Ее размер 6×8 мм. В ней напечатано письмо великого астронома Галилея.

Недавно в газетах появилось сообщение о том, что в Японии издана совсем невероятная микрокнижка. Она называется «Язык цветов», написана по-английски, а прочитать ее можно только пользуясь сильной лупой. И это не удивительно: книжка так мала, что может пройти сквозь игольное ушко, а в ней — 100 страниц!

На Всемирной выставке в Париже 1876 года демонстрировалась книжная миниатюра размером 54×38 мм, на 499 страницах которой помещалась бессмертная «Божественная комедия» Данте. Известно, что шрифт для этого издания был отлит еще в 1834 году итальянским мастером Антонио Фарина.

В 1855 году в Петербурге была напечатана еще меньшая по формату книжка — басни И. А. Крылова. Ее размер был 23×22 мм. Книжка имела титульный лист, портрет Крылова в овальной рамке. В ней было помещено 25 басен на 84 страницах. Издание было осуществлено в одной из лучших русских типографий с целью показать, какого мастерства достигло в России печатное дело. Полное собрание басен Крылова было осуществлено в 1894 году в Киеве, когда в серии «Миниатюрные издания» вышла книжка-малютка с портретом автора и иллюстрациями. В той же серии в Киеве вышла еще меньшая по формату книжка — повесть М. Ю. Лермонтова «Измаил-бей».

Однако кроме книжечек-малюток в мире издается большое количество книг-великанов. Если бы где-нибудь была устроена интереснейшая выставка таких изданий!

Самым объемистым романом на выставке был бы несомненно роман «Кларисса» английского писателя С. Ричардсона, в котором рассказывалось о жизни одной женщины. Роман содержит 984 870 слов. Это на 200 тысяч слов больше, чем в Библии.

Хотя роман и вышел в свет более 300 лет тому назад, но он не является уж слишком большой библиографической редкостью, его до-

вольно часто издают и в наши дни. Рядом с самым большим по объему романом на выставке книг-великанов несомненно экспонировалась бы и самая тяжелая в мире книга — «Дьявольское Евангелие», которая находится в королевской библиотеке в Стокгольме. На ее обложку пошли толстые дубовые доски, а украшают ее массивные застежки из кованого железа. На изготовление пергаментных страниц книги понадобилось более 100 козлиных шкур.

Любопытство посетителей вызвала бы и вышедшая недавно во Франции самая большая, самая толстая и самая полная по содержанию в мире кухонная книга, которая имеет 1440 страниц, весит 12 килограммов и содержит рецепты французской кухни от седой старины до наших дней.

И наконец среди экспонатов такой необычной выставки были бы такие редкие издания, как «Географический атлас Британии» (высота — 1 м 65 см, ширина — 1 м 15 см) и «Анатомический атлас» (высота — 1 м 90 см, ширина — 90 см), которые находятся в Венской библиотеке.

А для «Истории Южного полушария», изданной в США, навряд ли хватило бы обыкновенного письменного стола: в раскрытом виде ширина ее составляет 2 м 70 см. Поэтому страницы этой книжки-великана приходится перелистывать с помощью... специального мотора. Высота книжицы — 2 м 8 см, толщина — 31 см, а вес — 225 кг!

Книжки-малютки и книги-великаны... Это плод вдохновенного труда художников, наборщиков, печатников.

М. СТОЛИН

Кексгольмцы на воронежской земле

В течение многих лет являюсь читателем Вашего журнала. В свое время мое внимание привлек очерк «Дочь полка», опубликованный в журнале, и вот почему. Сам я политрабтник одного из подразделений МВД СССР, но в свободное от работы время увлекаюсь краеведением, изучаю историю воронежского края. Кексгольмский полк, о котором шла речь в очерке, в годы гражданской войны героически сражался на территории Воронежской губернии. По крупницам собирал я сведения о кексгольмцах, и, насколько смог, проследил дальнейший путь прославленного полка.

Шел 1918 год. Тревожной жизнью жил красный Воронеж: на юге губернии, на границе с бывшей Областью Войска Донского, сосредоточил почти стотысячную армию генерал Краснов, готовящийся к походу на Москву; на юго-западе германские части и гайдамаки Центральной Рады постоянно нарушали демаркационную линию, нападали на малочисленные подразделения красных войск.

Из Петрограда и Москвы, промышленных центров молодой Советской Республики спешили на помощь Воронежу вооруженные отряды рабочих, вновь сформированные части и полки, некогда входившие в состав русской армии. Среди них были Литовский, Кексгольмский, Люблинский, Курземский, Заамурский, Винницкий, Московский, Продовольственный и целый ряд других полков и отрядов.

Все эти части и подразделения вошли в состав так называемого «Южного участка завесы», военным руководителем которого был назначен бывший генерал-лейтенант царской армии В. В. Чернавин, сразу после Октября перешедший на сторону восставшего народа. Опытный военачальник, он понимал, что разрозненные части и отряды не в силах будут сдержать натиск хорошо вооруженных и организованных белоказачьих дивизий Краснова.

5 августа 1918 года В. В. Чернавин подписал приказ № 2 о формировании трех Воронежских пехотных дивизий. В нем говорится: «Сформированные и формируемые в Воронежской губернии части включаются: в 1 Воронежскую пехотную дивизию — Литовский, Кексгольмский, сводно-гвардейский, 1, 2, 3 Воронежские пехотные полки, 1-я Воронежская артиллерийская бригада, 1-й Воронежский тяжелый артиллерийский дивизион, 1-й Воронежский инженерный батальон связи...» Ныне копия этого приказа хранится в фондах госархива Воронежской области.

В конце сентября сформированные на территории Воронежской губернии дивизии, бригады и отдельные полки были сведены в Восьмую и Девятую армии. Командармом Восьмой армии стал В. В. Чернавин. Дивизии и полки получили новую нумерацию.

В вышедшем в Воронеже почти двадцать лет назад сборнике документов и материалов «Дни грозные» мое внимание привлекло сообщение начальника штаба 12-й дивизии начальнику штаба Восьмой армии, из которого видно, что осенью 1918 года Кексгольмский полк входил в состав 12-й стрелковой дивизии под номером 101-й.

Когда же получили боевое крещение кексгольмцы на воронежской земле? Видный воронежский историк Д. Д. Лаппо в своей книге «В одном строю» рассказывает о том, что в ноябре 1918 года ожесточенные сражения проходили у города Боброва. Сюда по указанию командарма В. В. Чернавина были направлены Кексгольмский, Московский и Продовольственный полки, отряд железнодорожных рабочих.

Два дня длилось ожесточенное сражение. Полностью были разгромлены три кавалерийских казачьих полка, захвачены богатые трофеи.

Только убитыми белые потеряли более пятисот человек. «Бобров в наших руках», — сообщила газета «Воронежский красный листок» 19 ноября.

Архивные документы говорят о том, что 12-я стрелковая дивизия, в состав которой входил 101-й Кексгольмский полк, в декабре 1918 года отличилась при штурме города Коротоояка на правом берегу Дона и при взятии важного железнодорожного узла Лиски.

Весной 1919 года войска Восьмой армии получили небольшую передышку. А затем снова бои: начался новый поход Антанты, теперь уже генерал Деникин рвался к Москве.

В сентябре кексгольмцы сражались на правом берегу Дона в нескольких десятках километров от Воронежа. 24 октября 1919 года стремительным ударом конников Буденного, красноармейцев-кексгольмцев и других полков 12-й дивизии Воронеж был очищен от белых.

Тысячи километров прошла 12-я стрелковая по фронтовым дорогам гражданской войны, Кексгольмцы участвовали в освобождении Нового Оскола и Лисичанска, Ростова-на-Дону и Новочеркаска, Таганрога, громили белополяков под Вильнюсом и Гродно, под Млавой и Сольдау.

В начале 1921 года 12-я стрелковая дивизия после реформирования в Красном Селе под Петроградом была направлена на Украину, в состав внутренних войск. В приказе от 24 января 1921 года, подписанном командующим всеми вооруженными силами на Украине и уполномоченном РВСР М. В. Фрунзе, ей предписывалось охранять железнодорожные магистрали и вести борьбу с бандитизмом в районе железных дорог. Кексгольмцы с честью выполнили приказ легендарного полководца.

4 марта 1921 года Реввоенсовет республики подписал приказ о переименовании дивизий и отдельных бригад внутренних войск в полевые. 12-я дивизия стала именоваться 59-й стрелковой дивизией.

Началась новая страница в истории славного Кексгольмского полка...

ВСТРЕЧА НА АЗОВ- ГОРЕ

Виален
ШЕМЕЛИН

Июнь 1941 года. Нас, группу учеников школы города Полевского, повели двое десятиклассников на экскурсию на гору Азов. Девять километров прошли незаметно. Руководители наши строгостью не докучали. Наперегонки забрались мы к самой скале на южной части вершины. Говорят, в очень хорошую погоду отсюда виден даже Свердловск. Совсем несолидным бугорком кажется знаменитая гора Думная; к северу, внизу, копшится Зюзельский рудник... Показали все это нам наши вожатые, и сами костром занялись, а нам разрешили побегать, с одним условием — далеко не расходиться и на вышку пока не лазать.

Была тогда на скале вышка, старая, скрипучая. По склону горы вела к ней деревянная замшелая лестница.

Разбежались мы, начали под камнями, под кустами «божков» искать. «Божками» мы называли небольшие грубые бронзовые отливки. Говорили, что это изделия «старых людей» — не знаю, врать не буду. Сам я «божков» не находил, хотя и был у меня дома один: у сверстника на бабки выменял.

Ничего мы в тот день не нашли. Слышим, зовут нас обедать. Собрались у костра, разложили нехитрые припасы.

По старой каменистой дороге, что подходила к самому подножию горы (ее называли «старым сибирским трактом», может, так оно и есть), подъехала легковая машина с открытым верхом. Были тогда такие легковые — брезентовый верх назад откидывался, колеса со спицами... Вышли из машины двое и начали к нам в гору подниматься. Медленно поднимаются.

Один из них, видим, старик с белой большой бородой, в черном пальто, тяжело на палку опирается. Да ведь это же Павел Петрович Бажов!

Спутник его был помоложе, это оказался свердловский писатель Борис Рябинин.

«Малахитовой шкатулкой», недавно в ту пору вышедшей, мы, пацаны, зачитывались, узнавая в каждом сказе дорогие нам места — Полеву, Гумешки, Зюзелку, Косой Брод. Мы несказанно гордились тем, что живем

здесь, что места наши стали знамениты. Этим воздухом мы дышали, этот язык бажовской книги мы слышали вокруг себя. Мы могли тогда, наверное, и подсказать Бажову кое-что из местных словечек и оборотов речи. Нас только спросил!

Лишь когда мы стали взрослыми, мы поняли, какой талант нужен, как глубоко, пласт за пластом, надо изучать и понимать уклад жизни, чтобы вот так просто, естественно спеть эту серебряную песню горнозаводского края, что даже исключительно чуткие ребячьи уши не улавливали, ни одной фальшивой ноты!

Пока текла неторопливая беседа вокруг костра с картофельными печенками, наши вожатые настроили треногу с фотоаппаратом. Так и сфотографировался Павел Петрович, сидя у костра на камне, с печеной картошкой в руках, окруженный обмирающей от счастья ребятней. Белую, до зеленоватой желтизны прокуренную трубкой бороду его ласкал ветер.

Потом мы всей гурьбой пошли на вышку. Павел Петрович вместе с нами медленно поднялся по полусгнившим ступеням на вершину скалы, к подножию вышки, но на вышку подниматься не стал. Они стояли с Рябининым в сторонке, тихо разговаривали. Время от времени Павел Петрович делал какие-то пометки в своем блокноте.

Пробыли они на скале минут двадцать, потом, дружески попрощавшись с нами, стали спускаться к ожидавшей их машине. Мы предложили свою помощь, но Павел Петрович отказался. Сбившись в молчаливую кучку, мы смотрели, как этот мудрый старик, опираясь на толстую трость, медленно, боком, поддерживаемый спутником, спускался с горы. Ему шел тогда уже седьмой десяток.

Через несколько дней грянула война.

Мне не удалось видеть фотографию, снятую на горе. Не знаю я судьбы и наших вожатых — двух выпускников того грозного года.

Если только фотографии удалась, не могли же они исчезнуть бесследно? Где-то они есть!

Автопоезд «Урал»

Все экзамены — и какие! — успешно сдал новый автопоезд «Урал», сконструированный в Миассе. Его основная машина — тягач «Урал-5557». К ней крепятся два прицепа. Весь автопоезд может перевозить 14 тонн груза. При этом ему не страшны самые плохие проселочные дороги.

Однажды шоферы-испытатели подъехали на автопоезде к очень вязкому участку дороги... и помогли преодолеть его даже тракторам! В другой раз их не смутил глубокий скользкий овраг, который заставил остановиться в нерешительности все другие машины.

Новый автопоезд может развивать скорость до 70 километров в час, но он может двигаться и совсем медленно, «подлаживаясь», например, под ход уборочных агрегатов на полях.

Не выходя из кабины (теплая, герметичная, рассчитана на трех человек), водитель автопоезда с помощью автоматики открывает борта, сваливает в любую сторону поклажу. Кузов на новом «Урале» относительно просто заменяется резервуаром для перевозки жидких грузов или приспособляется для разбрасывания на полях минеральных удобрений.

Строгая комиссия дала «добро» на серийное производство новых автопоездов.

В. ДАНИЛИН

Первый видеомикроскоп

Свердловский завод электромедицинской аппаратуры приступил к выпуску первых отечественных хирургических видеомикроскопов.

Новинка предназначена прежде всего для учебных целей. С помощью замкнутой телевизионной системы на экране учебной аудитории демонстрируется ход нейро-

хирургических, глазных и других микроопераций. Студенты медицинских вузов и врачи-практиканты могут наблюдать, находясь вне операционного зала, за работой опытных хирургов.

Первая партия хирургических видеомикроскопов поступила в клиники и учебные заведения.

Я. АНДРЕЕВ

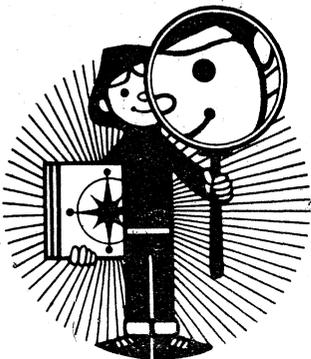
Качканарский размах

Не прошло и трех десятилетий, а комсомольский город Качканар на Среднем Урале стал одним из главных горных центров страны. Здесь добыта 500-миллионная тонна руды. С начала работы Качканарский горно-обогатительный комбинат передал металлургам 90 миллионов тонн концентрата, 75 миллионов тонн окатышей и агломерата.

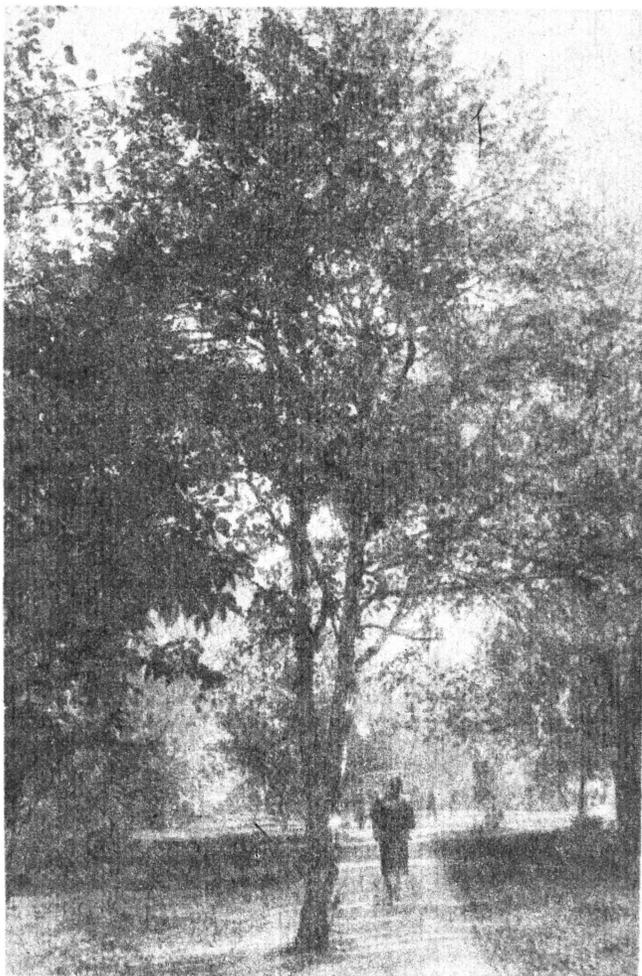
Кроме железа, качканарская руда дает нам удивительный металл — ванадий. Даже мизерные добавки ванадия в сталь резко повышают ее прочность, работоспособность, долговечность. Оказалось, «сдобренная» качканарским ванадием, она позволяет изготавливать значительно более легкие, чем прежде, металлические конструкции, детали машин.

МИР

на ладоны

Никому не помешала...

Много лет стоит эта березка посредине тротуара, прямо из асфальта растет. Снимок я сделал в разгар осени, чтобы запечатлеть деревце на самом взлете его красоты.

Частенько прохожу здесь, по улице Куйбышева в Свердловске. И каждый раз думаю: добрый человек сохранил березку, уберег.

С детства навсегда запомнился хоровод белоствольных красавиц на краю родной деревеньки. Раскачиваются на сучках огромные гнезда. А над ними кружат и кричат грачи — они опять принесли весну... Мы, ребятишки, любили этих черных птиц. И, когда одно гнездо неожиданно рухнуло с высоты, перепугались не на шутку.

Грачам нравились наши деревенские березки. И, казалось, березки радовались весне вместе с птицами.

В такую же весеннюю пору, много лет спустя, уже в городе, видел я другую картину — невероятную, печальную до слез. Один проворный мужичок на широкой спине тащил огромный мешок, доверху набитый березовыми ветками. Таким варварским способом он заготавливал целебные почки...

Чем же интересна береза на городском асфальте? А тем, что она живет! Лет пятнадцать назад этого тротуара в помине не было. Просто тянулась здесь, около старых домишек, узкая тропинка, и березка уже росла. Тоненькая, невысокая, она почему-то отбилась от подруг и стояла в сторонке, ближе к дороге.

Однажды пришли люди, чтобы проложить новую пешеходную тропу — гладкую, твердую, надежную в любую распутицу. А березка — совсем уж некстати! — как раз на тропе и оказалась. Ну что стоило, скажем, вырвать ее или садануть топором под самый корень, верно? Она же мешала фронту работ, как выражаются специалисты. Только не срубили те люди березку, осторожно обошли ее, хоть и неудобно им было работать.

Не тронули березку и пешеходы. Никто о нее не споткнулся, никто не расшиб себе лоб. Пусть живет! Теперь шумят рядом настоящие золотые рощи, из-за них и домов-то почти не видно. Как хорошо!

...Просвистит ветрами осень, пройдет зима, а там дремлющие почки вновь брызнут изумрудом, и уж он, переплавленный солнцем, непременно превратится в золото. Прекрасен круг жизни! Прекрасна взаимная доброта человека и природы.

С. КОРКОДИНОВ

Мини-валенки

Высота этих крохотных валенок — десять, а длина следа — восемь сантиметров. Их подарили музею Любимовской восьмилетней школы Курганской области отец и сын Н. и Г. Щеколдины. В школьном музее хранятся также миниатюрные, варежки и чулки, искусно сделанные местными мастерами во славу старинных ремесел.

Фото Н. Пономарева
П. ИЛЬНЫХ

Редкий александрит

Еще библейский царь Соломон слал корабли за украшениями для своей супруги Шебы на Цейлон, который был известен как остров самоцветов. Академик А. Е. Ферман писал: «Цейлон является одним из богатейших в мире источников самоцветов».

Говорят, что в мире нет ни одной крупной коллекции минералов, в которой не было бы камней из Шри Ланки (Цейлона). Именно на Цейлоне среди самоцветов был найден александрит. Но впервые этот драгоценный камень обнаружен в 1830 году на Урале. И нигде больше этот удивительный камень до сих пор не встречался.

Г. АЛЕКСЕЕВ

Судно-бурлак

Мрачная слава Казачинского порога долгое время приводила в трепет енисейских лоцманов. На его камнях в прошлом разыгралась не одна трагедия. Когда-то стояла на берегу часовенка. В ней перед спуском по порогу лоцманы молебн служили.

А чтоб вверх подняться — мысли не было. Почти до конца XIX века из низовьев Енисея ни одно судно не могло пройти дальше. В 1903 году у Казачинского порога обосновалось специальное вспомогательное судно-туер «Ангара». Оно проводило через бурный порог все идущие снизу суда. Это было железное «корыто» с высокой трубой, торчащей около одного из бортов. На судне был большой барабан с толстым стальным тросом, конец троса закреплялся намертво в речном дне выше порога.

Сейчас трос туера крепится на берегу. Если трос разматывается — судно-бурлак спускается вниз; там оно берет на буксир идущих снизу и начинает наматывать трос.

Свыше полувека проработала «Ангара». Дизель-электроход «Енисей» — ее преемник. Мощность его двигателей 2000 лошадиных сил. Он может провести через порог сразу целый караван. Этот красавец является детищем красноярских строителей.

Работу туера можно увидеть только на Енисее.

На снимке: Казачинский порог.

В. КОРКИН

По мешку на брата...

Нерях и грязнуль, обна-
руженных на лыжных кур-
ортах штата Юта (США),
наказывают так: вручают
мусорный мешок емкостью
100 килограммов и обяза-
вают наполнить его хлам-
ом, оставленным на скло-
нах заснеженных гор. На-
полнил — свободен. Если
только больше не сорись...

Д. ДАН

Задарили

Королева Англии «за-
щищается» от подарков. В
конце концов, Букингэмский
дворец имеет всего 600
комнат. Пришлось даже из-
дать особый указ: подарки
от незнакомых не принима-
ются. И все же тщеслав-
ные гости жаждут вручить
королеве то инкрустирован-
ные часы, то золотые клю-
чи... А какой «урожай» при-
носят путешествия короле-
вы! Из Канады она привезла
норковое манто, статую ло-
шади, лыжи, моторную
лодку, серебряный кувшин,
несколько гарпунов и карти-
ну, изображающую элект-
ростанцию. Как-то короле-
ва сделала короткую оста-
новку в Бразилии, и ей
немедленно преподнесли
большую вазу, картину,
грампластинки, модель со-
бора, фотографию прези-
дента страны и его супруги
в серебряной оправе...

Да, нелегко королеве
управиться со всеми этими
дарами. Куда, например,
прикажете девять модель
лодки из Бельгии или «го-
ворящий» барабан из Ганы?..
Правда, кроме Букингэм-
ского дворца есть у англий-
ской королевы еще не-
сколько резиденций. Спасет
ее и то, что часть по-
дарков удаётся разместить
в национальных музеях, в
частности — в знаменитом
Британском.

В. ГРИГОРЬЕВА

Море станет чище

В институте «Ленгипроречтранс» раз-
работан комплекс мероприятий по усиле-
нию охраны от загрязнений бассейна Бал-
тийского моря. Бытовые, пищевые и
технические отходы кораблей будут со-
бирать суда-мусоросборщики и самоход-
ные баржи. На специальных причалах
будут построены сооружения для биоло-
гической очистки отходов и их утилизации.

На всех впадающих в Балтику реках
по проекту будут благоустроены и укреп-
лены берега.

А. ПЕТРОВ

Марки

Парижской Коммуны

Только шесть марок было выпущено
после победы Парижской Коммуны — три
основные и три доплатные. Марки были зе-
леного, красного и лилового цвета.

Известно, что изготовлены марки были
под руководством рабочего Кармелины,
который заведовал Монетным двором в
дни Коммуны. А имя художника, как и
тираж марок, пока неизвестны. В нашей
стране марки Парижской Коммуны (все
шесть штук есть в коллекции московского
филателиста П. Мазура.

Мир еще не весь открыт

● Австралийские астрономы из лаборатории штата Новый Южный Уэльс открыли самый удаленный от Солнечной системы объект — квазар, расположенный от нас на расстоянии 20 миллиардов световых лет. Со временем этот сгусток раскаленных газов превратится в новую галактику, утверждают ученые. Сейчас он излучает энергии в 100 миллиардов раз больше, чем Солнце.

● Московские спелеологи совершили длительную экспедицию в недра одной из самых глубоких пещер земли — пещеры «Снежная» (горная Абхазия). Под землей они пробыли более двух месяцев. «Снежная» открыта в начале семидесятых годов. Длина ее обследованной части около 13,5 километра. Пока в пещере удалось достичь глубины 1300 метров. Специальные приборы для улавливания радиосигнала, которыми были вооружены спелеологи, зафиксировали передачи даже в самой глубокой точке пещеры. Хотя прежде считалось, что радиоволны не могут преодолеть толщю земных пластов. Для участников экспедиции вскоре после спуска земные сутки перестали быть мерой времени. Их сутки раздвинулись до 60 часов. Спелеологи могли идти по маршруту непрерывно по 40 часов, а затем спали по 15 часов с перерывом на обед.

● Близ Асуана (Египет) найден скелет человека, возраст которого 60—80 тысяч лет. Прежние подобные находки в Верхнем Египте говорили о том, что самый древний человек здесь жил 15 тысяч лет назад.

● Якутит — так назван новый минерал, обнаруженный иркутскими учеными в зоне БАМа. Как считают исследователи, этот черного цвета минерал может служить комплексным сырьем в производстве глинозема, калийных удобрений.

● Японские ученые начали разработку проекта, по которому горючее для автотранспорта будет изготавливаться из... мандариновых корок, точнее — из масел, содержащихся в этих пахучих отбросах. «Мандариновое» топливо уже опробовано. Испытания показали, что оно не уступает в эффективности бензину.

● Волокна сосны — а они тоньше волоса — выдерживают при сжатии и растяжении такие же и даже большие нагрузки, какие способны вынести лучшие марки стали. Это доказали исследователи института химии древесины в Латвии. Теперь они поставили перед собой задачу — добиться сохранения замечательных качеств природного полимера при обычных способах использования его. Ведь, как известно, любые изделия, в состав которых входит целлюлоза, никакими особыми механическими свойствами не отличаются.

Полесская загадка

Недалеко от деревни Замощье в Белоруссии есть небольшой клочок земли, на котором растет уникальное растение — понтийская азалия. Это — таинственное растение: будучи пересаженной в другое место, азалия погибает. И до сих пор загадка — почему ей понравился именно этот уголок Полесья.

Д. СОСЕДОВ

История почтового ящика

Когда был придуман почтовый ящик? Краеведы установили, что это произошло примерно четыреста пятьдесят лет назад, и вначале такой ящик служил для церковных нужд. Ящики висели на церковных воротах, куда прихожане опускали записки. Во Флоренции такой ящик назывался тамбури.

От церковных повел свою родословную современный почтовый ящик.

А вот собирательный мешок, который вставляется в нижний проем ящика и куда высыплются письма, изобрел шведский инженер Виберг в 1871 году.

Первый почтовый ящик появился в России в 1833 году в Петербурге.

Б. ЕФИМОВ

Костры славы

В этом году исполнилось пятьдесят лет Магнитке — Магнитострою — Магнитогорску. Это было время, когда по стране шла великая ломка, крестьянская Россия начинала битву за индустриализацию...

В Магнитогорске на пьедестал поднят паровоз, который привел к подножию горы Магнитной первый эшелон со строителями будущего металлургического гиганта.

Под зимним брезентом в студеных постелях мы жили и стыли, дружили и пели, чтоб нам подымать золотые костры нетронутой славы магнитной горы.

Так писал первостроитель поэт Борис Ручьев.

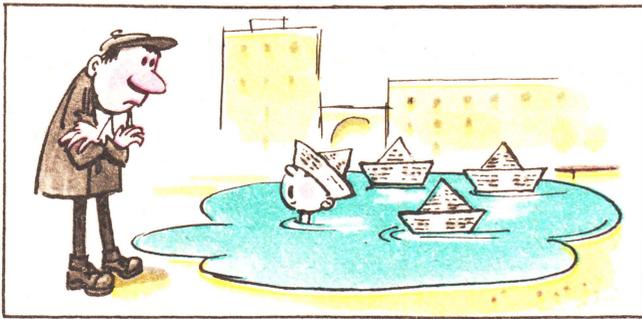
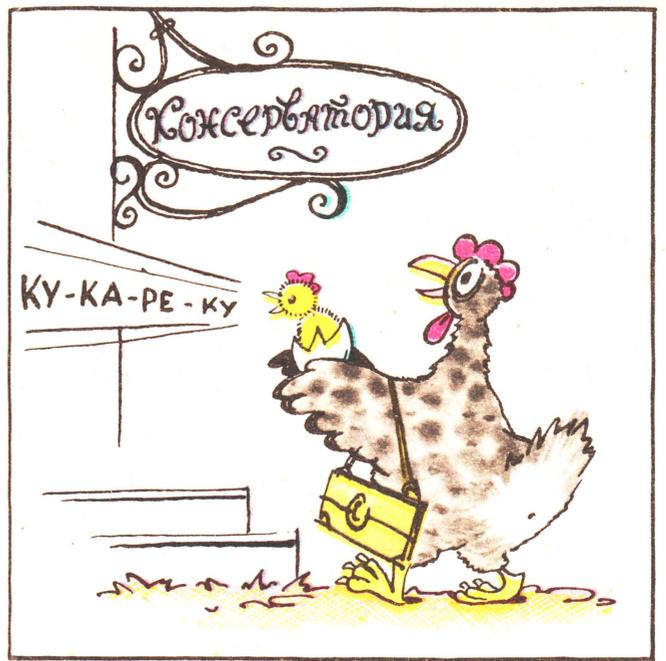
Локомотив разыскали и отремонтировали комсомольцы дело Троицк Южно-Уральской железной дороги.

Б. ГАЛИН

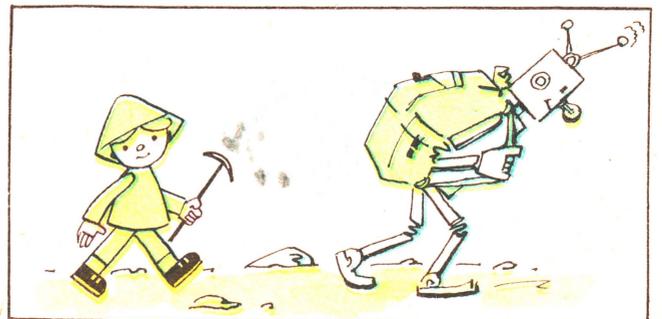
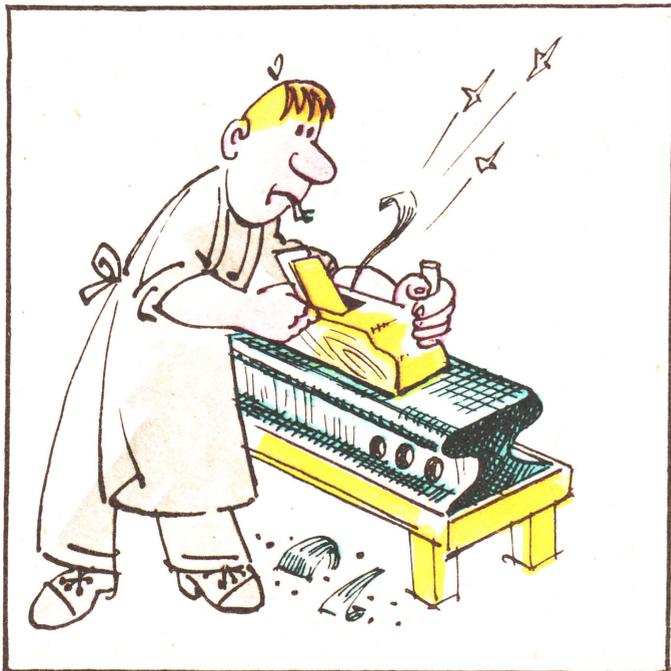

Плавающий гараж

На узких улицах Риеки (Югославия) от зари до зари — час пик. А в месяцы наплыва туристов по ним движется нескончаемый поток автомобилей. Проблема автостоянок здесь намного острее, чем в других городах. Оригинальное ее разрешение предложили портовики — оборудовать плавающий гараж. На палубах старого судна водоизмещением 30 тысяч тонн одновременно сможет разместиться до двух тысяч машин. Стоимость такого гаража обойдется гораздо дешевле, чем строительство нового на суше.

— Мы изображаем кораблики!

Рисунки А. Курицына (г. Москва)

Коси 8/1 - 82

Читайте «УРАЛЬСКИЙ»

Для «Уральского следопыта» 1983 год — особенный. Четверть века назад, в апреле 1958 года, вышла первая книжка журнала. Сначала у задорного мальчугана, бодро шагающего по планете с геологическим молотком в руках (эмблема журнала), было 50 тысяч читателей, ныне их 255 тысяч. География подписки охватывает сейчас не только зону Большого Урала, который был и, естественно, остается опорной нашей базой, но и Сибирь, Дальний Восток, центральные районы страны. Десятки тысяч читателей обрел «Следопыт» за эти годы в других союзных республиках, прежде всего на Украине и в Казахстане.

Как и прежде, журнал, обращаясь к юной аудитории, будет стремиться помочь ей найти призвание в жизни, обрести профессию. С каждым годом растет число читательских писем с неизменным вопросом: «Расскажи, «Следопыт», о профессии...» Обо всех, разумеется, не расскажешь, но именно читательская почта была и будет тем барометром, по которому мы судим о популярности той или иной специальности с учетом ее общественной значимости. Ждем от читателей, прежде всего старшеклассников, писем-вопросов, писем-раздумий.

В самом названии журнала отражен поиск. «Следопыт» многие годы ведет поиск людей как вписавших свое имя в летопись страны, так и тех, кто умер безвестным, но заслужил благодарную память потомков своею преданностью родине.

В будущем году исполняется 200 лет со дня рождения легендарной Надежды Дуровой, и журнал отметит эту дату очерком о кавалерист-девице.

Новый очерк А. Коваленко, уже известного нашим читателям своими публикациями о героях-матросовцах, о летчиках, совершивших таран, расскажет на сей раз о деятельности чекистов в годы Великой Отечественной войны. В его основе редкий документ — дневник командира диверсионного отряда НКВД М. Филоненко.

Новые публикации для журнала готовят известные краеведы, журналисты, ученые — Ю. Курочкин, И. Шакинко, А. Матвеев. Вводится новая рубрика «Товарищ Время», воскрешающая славные страницы первых пятилеток, годы коллективизации сельского хозяйства, индустриализации страны. Надеемся, что внимание читателя привлечет также серия материалов о людях удивительных и редких профессий, о тех, кого принято уважительно называть умельцами.

Многие читатели высказывали пожелание завести в журнале «Уголок коллекционера», публиковать в нем рассказы о собирателях, редких коллекциях, советы и консультации начинающим. Такой «Уголок» откроется в новом году. Появится и другой новый раздел — «О братьях наших меньших», который поведет известный уральский писатель Борис Рябинин. В его адрес приходит большая читательская почта. Выступления писателя и будут в основном носить форму ответа-диалога с читателем.

Наш индекс 73413.

Подписная цена на год 4 руб. 80 коп.

«СЛЕДОПЫТ» в 1983 году